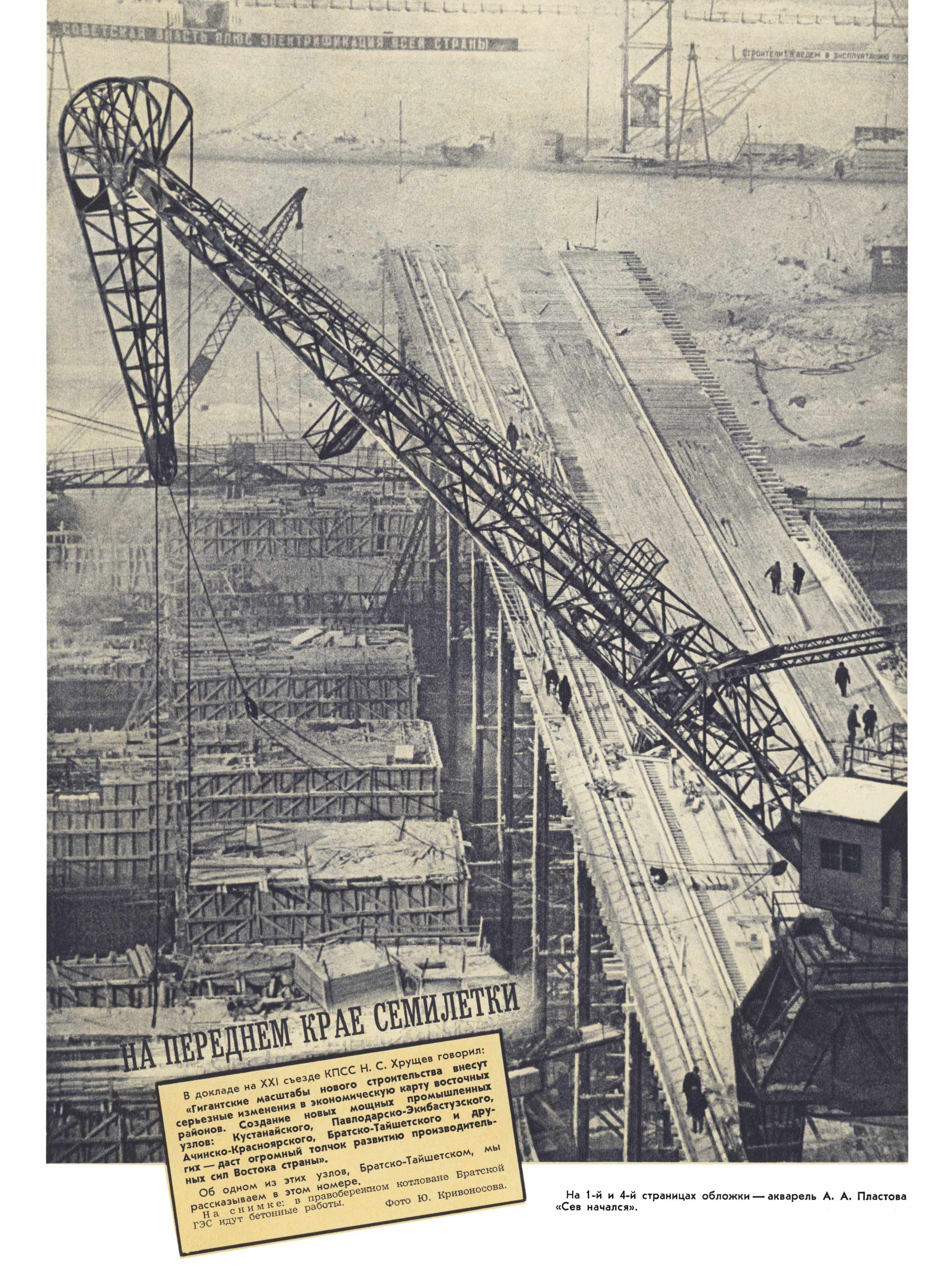

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СЕМИЛЕТКИ

В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: **«Гигантские масштабы нового строительства внесут серьезные изменения в экономическую карту восточных районов. Создание новых мощных промышленных узлов: Кустанайского, Павлодарско-Экибастузского, Ачинско-Красноярского, Братско-Тайшетского и других — даст огромный толчок развитию производительных сил Востока страны».**

Об одном из этих узлов, Братско-Тайшетском, мы рассказываем в этом номере.

На снимке: в правобережном котловане Братской ГЭС идут бетонные работы.

Фото Ю. Кривоносова.

На 1-й и 4-й страницах обложки — акварель А. А. Пластова «Сев начался».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1660)

5 АПРЕЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Весна идет... Вздуваются реки под темнеющим льдом. Теплым дыханием южных ветров овеяны рощи Подмосковья, тайга Сибири, сады Украины, колхозные нивы Поволжья и Ставрополья, строительные площадки Братской ГЭС и Казахстанской Магнитки.

Первая весна семилетки... Охваченные творческим вдохновением, трудятся советские люди, претворяя в жизнь величественную программу строительства коммунизма.

Уже в этом году крупнейший в стране совхоз «Сад-гигант», на Кубани, даст 9 500 тонн плодов, а к концу семилетия будет получен еще более богатый урожай — 13 тысяч тонн.

Чтобы сохранить будущий урожай от насекомых-вредителей, сады опрыскиваются ядохимикатами.

Сто тысяч саженцев высаживают нынче колхозники артели имени Сталина, Янги-Юльского района, Ташкентской области.

Под вешним солнцем исчезает снег, бурлят ручьи на московских улицах.

В первые дни пребывания в Лондоне группа депутатов Верховного Совета СССР посетила Хайгейтское кладбище и возложила венок на могилу Карла Маркса.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ ДОЛЖНО ШИРИТЬСЯ!

В течение 10 дней по приглашению Англо-Русского парламентского комитета в Англии гостила группа депутатов Верховного Совета СССР. Делегацию возглавлял председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР товарищ М. А. Суслов. В состав делегации входили депутаты Верховного Совета СССР Б. Н. Пономарев, П. А. Сатюков, Л. Н. Соловьев, С. А. Скачков.

Советские гости ознакомились с достопримечательностями столицы Англии, посетили Британский музей и Национальную галерею, где осматривали памятники английской культуры и искусства.

Депутаты Верховного Совета СССР посетили Манчестер, Южный Уэльс, Ридинг, Кроули. На некоторых предприятиях, а также на конференции профсоюзных советов Ланкашира и Чешира советские парламентарии встретились с представителями английских трудящихся, которые оказали им теплый прием и проявили исключительно большой интерес к достижениям Советской страны. Во время большого лейбористского митинга в Манчестере участники митинга бурными аплодисментами приветствовали сообщение о том, что в зале находятся советские гости.

Группа советских депутатов посетила дорогие сердцу каждого советского человека места, связанные с жизнью и деятельностью К. Маркса и В. И. Ленина.

Состоялись встречи с представителями деловых кругов, профсоюзных, кооперативных и других организаций, редакторами ряда крупных газет. М. А. Суслов выступил с речами на встрече с внешнеполитическим комитетом парламентской фракции лейбористской партии, в ассоциации иностранных журналистов. «Советское правительство и все советские люди,— сказал М. А. Суслов журналистам,— готовы сделать все от них зависящее для создания лучшего международного климата, для добрых отношений между Великобританией и Советским Союзом».

В ходе встреч и бесед, которые советские парламентарии имели с членами исполкома лейбористской партии, с лидером партии Гэйтскеллом и видным деятелем партии Бивеном, происходил обмен мнениями по ряду международных вопросов. Эти встречи протекали в дружественной обстановке. Советские гости нанесли также визиты министру иностранных дел г-ну Селвину Ллойду и председателю британской группы Межпарламентского союза г-ну Стоддарт-Скотту.

Во время всех встреч и бесед депутаты Верховного Совета СССР разъясняли мирную внешнюю политику Советского Союза, направленную на достижение взаимопонимания и доверия между государствами, на укрепление мира и предотвращение новой войны. Советские гости рассказывали о вдохновенных делах нашего народа, приступившего к претворению в жизнь великого семилетнего плана, проникнутого духом миролюбия.

В своем заявлении, сделанном перед отлетом на Родину, товарищ М. А. Суслов сказал: «Мы надеемся, что наш визит в Великобританию будет способствовать отступлению ледников, порожденных «холодной войной». Пусть тучи войны навсегда исчезнут с международного горизонта».

Десятидневное пребывание в Англии группы депутатов Верховного Совета СССР показало, что в самых широких кругах англичан растет интерес к Советской стране и стремление жить с ней в мире и дружбе.

Советские парламентарии на прогулке в Кенсингтон-парке.

Фото Ю. Иванова.

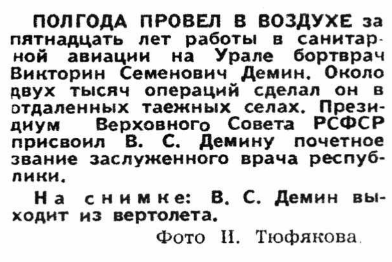

М. А. ШОЛОХОВ С СЕМЬЕЙ выехал в туристскую поездку по странам Европы.

На снимке: на аэродроме перед отлетом из Москвы.

Фото Д. Ухтомского.

ПОЛГОДА ПРОВЕЛ В ВОЗДУХЕ за пятнадцать лет работы в санитарной авиации на Урале бортврач Викторин Семенович Демин. Около двух тысяч операций сделал он в отдаленных таежных селах. Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил В. С. Демину почетное звание заслуженного врача республики.

На снимке: В. С. Демин выходит из вертолета.

Фото Н. Тюфякова.

«ОЙ, НЕ ХОДЫ, ГРЫЦЮ...» — постановка участников художественной самодеятельности Первомайского городского дома культуры (Украина). Роль Маруси исполняет студентка Г. Бондаренко. Хома — мастер вагонного депо Н. Шаповалов.

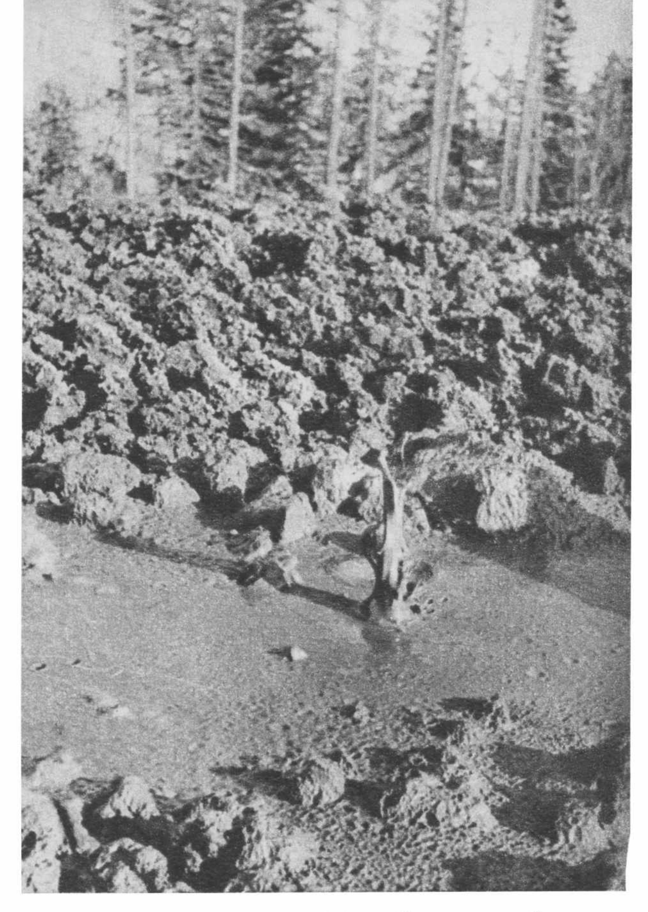
Фото Н. Бентковской.

ВЕСЕННИЕ ТРЕНИРОВКИ ГРЕБЦОВ начались в Батуми с наступлением теплых дней.

На снимке: спортсмены общества «Гантиади» («Заря») тренируются на байдарках.

Фото В. Бабаяна (ТАСС).

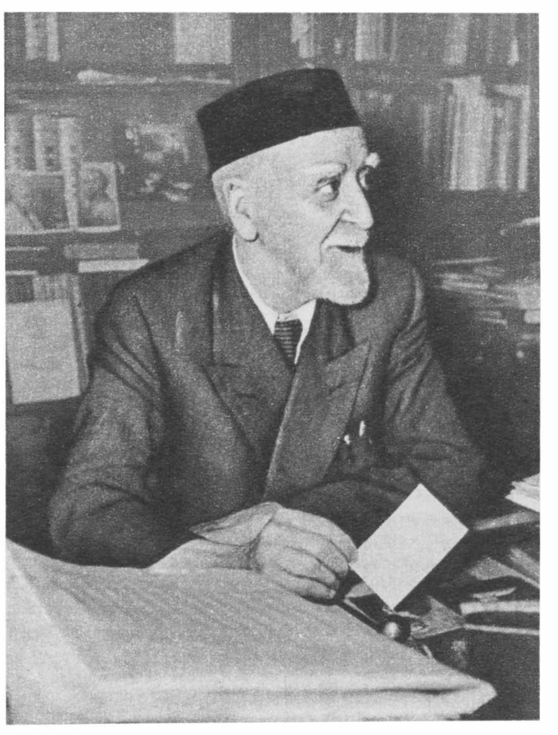
ГРЯЗЕВОЙ ВУЛКАН НА САХАЛИНЕ начал действовать близ разъезда на 23-м километре железнодорожной линии Южно-Сахалинск — Холмск.

В соседней долине земля вспучилась огромным куполом, один за другим раздалось несколько взрывов. На высоту до ста метров в облаке дыма и пара взметнулись мощные фонтаны грязи, раскидывая в стороны вывороченные с корнем деревья.

Первый человек, которому удалось сфотографировать последствия извержения, был железнодорожник Владимир Матвеевич Абросимов. Извержение продолжалось только один час. Снимки были сделаны, когда новый вулкан еще «дышал». Один из этих снимков, запечатлевший ближний к вулкану лес после извержения, мы публикуем здесь.

Фото В. Абросимова.

Скончался Глеб Максимилианович Кржижановский — старейший большевик, друг В. И. Ленина, один из основателей и виднейших деятелей Коммунистической партии. Выдающийся инженер-энергетик и ученый Г. М. Кржижановский по поручению Владимира Ильича составлял проект знаменитого плана ГОЭЛРО; как председатель Госплана СССР, он участвовал в разработке первого пятилетнего плана. С 1929 года Глеб Максимилианович — действительный член Академии наук СССР, ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РАЗДЕЛЯЕТ ДВА ЭТИ СНИМКА.

Год 1933-й. Командир звена М. С. Финогенов — первый знаменосец Почетного Революционного Красного Знамени, которым ЦИК СССР наградил Качинское авиационное училище.

Год 1959-й. Генерал-майор авиации М. С. Финогенов вручает это знамя лучшей в Качинском училище эскадрилье, занявшей первое место в социалистическом соревновании.

В числе питомцев старейшей в стране кузницы летных кадров немало Героев Советского Союза, маршалов и генералов авиации.

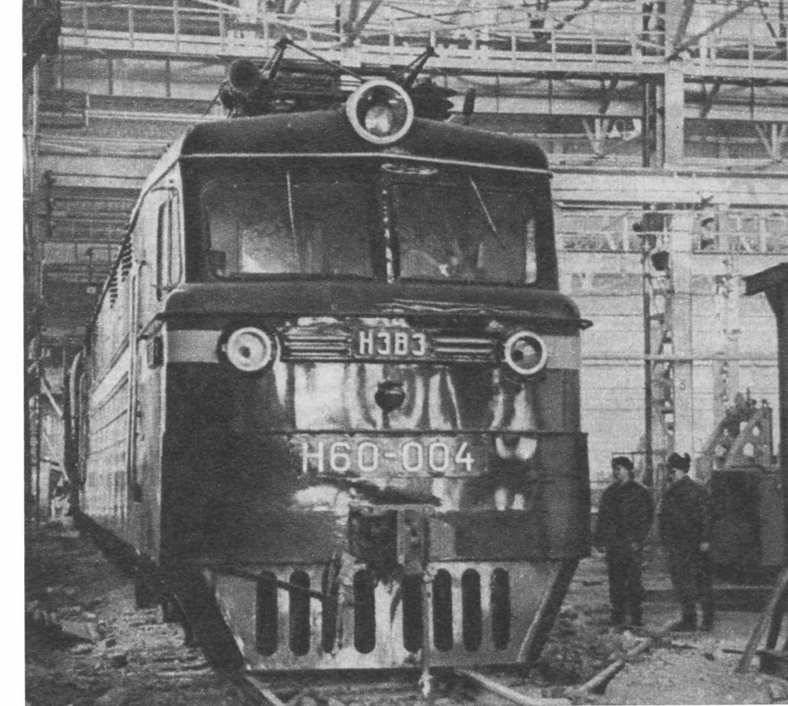
Фото П. Федоренко и И. Цветкова.

ВЫПУСКОМ НОВЫХ ЭЛЕКТРОВОЗОВ начал семилетку Новочеркасский завод имени Буденного. Электровозы работают на переменном токе. По мощности эти машины в два раза больше существующих тепловозов.

На снимке: электровоз марки «Н-60» опытной партии.

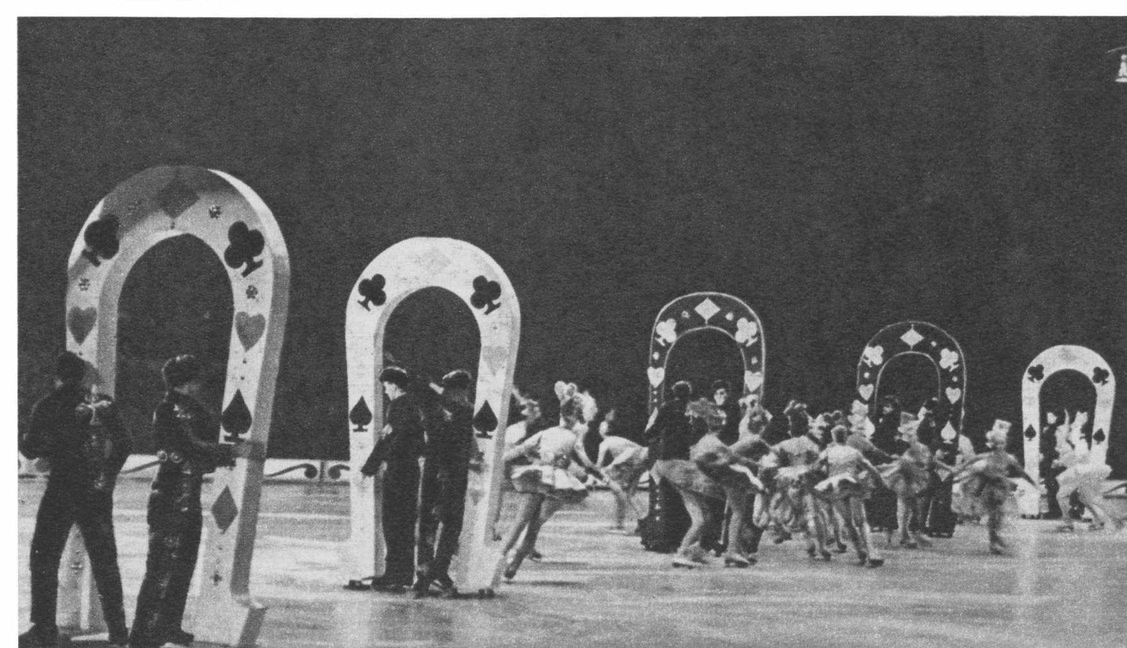
Фото Г. Санько.

«ХОЛИДЭЙ ОН АЙС» — так называется американский балет на льду, гастроли которого идут в Москве, во Дворце спорта Центрального стадиона имени Ленина.

На снимке: сцена из представления «Праздник на льду».

Фото А. Новикова.

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Глава из романа

Михаил ШОЛОХОВ

Рисунок П. Пинкисевича.

С грехом пополам выпроводив деда Щукаря, Давыдов решил пойти в школу и на месте определить, что еще можно сделать, чтобы школьное помещение к воскресенью приняло праздничный вид. А кроме того, ему хотелось поговорить с заведующим и вместе с ним прикинуть, сколько и каких строительных материалов потребуется на ремонт школы и когда приступать к нему, чтобы без особой спешки и возможно добротнее отремонтировать здание к началу учебного года.

Только в последние дни Давыдов ощутимо почувствовал, что настает самая напряженная рабочая пора за все время его пребывания в Гремячем Логу: еще не управились с покосом травы, а уже подходила уборка хлеба, на глазах начинала смуглеть озимая рожь; почти одновременно с ней вызревал ячмень; бурно зарастали сорняками и молчаливо требовали прополки невиданно огромные, по сравнению с единоличными полосками, колхозные деляны подсолнечника и кукурузы, и уже не за горами был покос пшеницы.

До начала уборки хлебов многое надо было сделать: перевезти в хутор возможно больше сена, подготовить тока для обмолота, закончить переноску в одно место амбаров, ранее принадлежавших кулакам, наладить единственную в колхозе паровую молотилку. Да и помимо этого, изрядное число больших и малых забот легло на плечи Давыдова. И каждое дело настойчиво требовало к себе постоянного и неусыпного внимания.

По старым, скрипучим ступенькам Давыдов поднялся на просторное крыльцо школы. У дверей босая и плотная, как сбитень, девочка лет десяти посторонилась, пропуская его.

— Ты ученица, милая? — ласково спросил Давыдов.

— Да, — тихо ответила девочка и смело снизу вверх взглянула на Давыдова.

— Где тут живет ваш заведующий?

— Его нет дома, они с женой за речкой, на огороде капусту поливают.

— Экая незадача... А в школе кто-нибудь есть?

— Наша учительница, Людмила Сергеевна.

— Что же она тут делает?

Девочка улыбнулась:

— Она с отстающими ребятами занимается. Она каждый день с ними занимается после обеда.

— Значит, подтягивает их?

Девочка молча кивнула головой.

— Порядок! — одобрительно сказал Давыдов и вошел в полутемные сени.

Откуда-то из глубины длинного коридора доносились детские голоса. Неторопливо обходя и по-хозяйски осматривая пустые классы, Давыдов через приоткрытую дверь в последней комнате увидел с десяток маленьких ребятишек, просторно разместившихся в переднем ряду сдвинутых парт, и около них — молоденькую учительницу. Невысокого роста, худенькая и узкоплечая, с коротко подстриженными белесыми и кудрявыми волосами, она походила скорее на девочку-подростка, нежели на учительницу.

Давненько уже не переступал Давыдов порога школы, и теперь странное чувство испытывал он, стоя возле двери класса, сжимая в левой руке выгоревшую на солнце кепку. Что-то от давнего уважения к школе, некое сладостное волнение, навеянное мгновенным воспоминанием о далеких годах детства, пробудилось в его душе в эти минуты...

Он несмело открыл дверь и, покашливая вовсе не от того, что першило в горле, негромко обратился к учительнице:

— Разрешите войти?

— Войдите, — прозвучал в ответ тонкий девичий голос.

Учительница повернулась лицом к Давыдову, удивленно приподняла брови, но, узнав его, смущенно сказала:

— Входите, пожалуйста.

Давыдов неловко поклонился.

— Здравствуйте. Вы извините, что помешал, но я на одну минутку... Мне бы осмотреть вот этот последний класс, я насчет ремонта школы. Я могу обождать

Дети встали, нестройно ответили на приветствие, и Давыдов, взглянув на девушку, тотчас подумал: «Я как прежний попечитель школы из строгих толстосумов... Вот и учителька испугалась, краснеет. Надо же было мне заявиться в этот час!»

Девушка подошла к Давыдову.

— Проходите, пожалуйста, товарищ Давыдов! Через несколько минут я закончу урок. Присядьте, пожалуйста. Может быть, позвать Ивана Николаевича?

— А кто это?

— Наш заведующий школой — Иван Николаевич Шпынь. Разве вы его не знаете?

— Знаю. Не беспокойтесь, я обожду. Можно мне побыть здесь, пока вы занимаетесь?

— Ну конечно! Садитесь, товарищ Давыдов.

Девушка смотрела на Давыдова, говорила с ним, но все еще никак не могла оправиться от смущения; она мучительно краснела, даже ключицы у нее порозовели, а уши стали пунцовыми.

Вот чего не переносил Давыдов! Не переносил уже по одному тому, что, глядя на какую-либо краснеющую женщину, он почему-то и сам начинал краснеть и от этого всегда испытывал еще большее чувство смущения и неудобства.

Он сел на предложенный ему стул около небольшого столика, а девушка, отойдя к окну, стала раздельно диктовать ученикам:

— Ма-ма го-то-вит... Написали, дети? Го-то-вит нам о-бед. После слова «обед» поставьте точку. Повторяю...

Вторично написав предложение, ребятишки с любопытством уставились на Давыдова. Он с нарочитой важностью провел пальцами по верхней губе, делая вид, будто разглаживает усы, и дружески подмигнул ребятам. Те заулыбались; добрые отношения начали будто бы налаживаться, но учительница снова стала диктовать какую-то фразу, привычно разбивая слова на слоги, и ребятишки склонились над тетрадями.

В классе пахло солнцем и пылью, застойным воздухом редко проветриваемого помещения. Теснившиеся у самых окон кусты сирени и акации не давали прохлады. Ветер шевелил листья, и по выщербленному полу скользили солнечные зайчики.

Сосредоточенно сдвинув брови, Давыдов занялся подсчетом: «Надо не меньше двух кубометров сосновых досок — заменить кое-где половицы. Рамы в окнах хорошие, а двойные в каком виде и есть ли они, надо узнать. Купить ящик стекла. Наверное, нет в запасе ни одного листа, а чтобы ребята не колотили стекла — это же невозможное дело, факт? Хорошо бы добыть свинцовых белил, а вот сколько этого добра пойдет на покраску потолков, наличников, рам и дверей? Уточнить у плотников. Крыльцо заново настелить. Можно из своих досок: распилил две вербы — и готово. Ремонт нам влезет в копеечку... Дровяной сараишко заново покрыть соломой. Да тут до черта делов, факт! Закончим с амбарами — и сразу же переброшу сюда всю плотницкую бригаду. Крышу бы на школе заново покрасить... А где деньги? Разобьюсь в доску, но для школы добуду! Факт! Да оно и разбиваться не к чему: продадим пару выбракованных быков — вот и деньги. Придется из-за этих быков с райисполкомом бой выдержать, иначе ничего не выйдет... А худо мне будет, если продать их тайком... Но все равно рискну. Неужели Нестеренко не поддержит?»

Давыдов достал записную книжку, написал: «Школа. Доски, гвозди, стекло — ящик. Парижская зелень на крышу. Белила. Олифа...»

Хмурясь, дописывал он последнее слово, и в это время пущенный из трубки маленький влажный шарик разжеванной бумаги мягко щелкнул его по лбу, прилип к коже. Давыдов вздрогнул от неожиданности, и тотчас же кто-то из ребятишек прыснул в кулак. Над партами прошелестел тихий смешок.

— Что там такое? — строго спросила учительница.

Сдержанное молчание было ей ответом.

Отлепив шарик со лба, улыбаясь, Давыдов бегло осмотрел ребят: белесые, русые, черные головки низко склонились над партами, но ни одна загорелая ручонка не выводила буквы...

— Закончили, дети? Теперь пишите следующее предложение...

Давыдов терпеливо ждал, не сводя смеющихся глаз со склоненных головок. И вот один из мальчиков медленно, воровато приподнял голову, и Давыдов прямо перед собою увидел старого знакомого: не кто иной, как сам Федотка Ушаков, которого он однажды весною встретил в поле, смотрел на него узенькими щелками глаз, а румяный рот его расползался в широчайшей, неудержимой улыбке. Давыдов, глянув на плутовскую рожицу, и сам чуть не рассмеялся вслух, но, сдержавшись, торопливо вырвал из записной книжки чистый лист, сунул его в рот и стал жевать, быстро взглядывая на учительницу и озорно подмигивая Федотке. Тот смотрел на него во все глаза, но, чтобы не выдать улыбки, прикрыл рот ладошкой.

Давыдов, наслаждаясь Федоткиным нетерпением, тщательно и не спеша скатал бумажный мякиш, положил его на ноготь большого пальца левой руки, зажмурил левый глаз, будто бы прицеливаясь. Федотка надул щеки, опасливо вобрал голову в плечи, — как-никак шарик был не маленький и увесистый... Когда Давыдов, улучив момент, легким щелчком послал шарик в Федотку, тот так стремительно нагнул голову, что гулко стукнулся лбом о парту. Выпрямившись, он уставился на учительницу, испуганно вытаращил глазенки, стал медленно растирать рукою покрасневший лоб, а Давыдов, беззвучно трясясь от смеха, отвернулся и по привычке закрыл ладонями лицо.

Разумеется, поступок его был непростительным ребячеством, и надо было соображать, где он находится. Овладев собою, он с виноватой улыбкой покосился на учительницу, но увидел, что она, отвернувшись к окну, также пыталась скрыть смех. Худенькие плечи ее вздрагивали, а рука со скомканным платочком тянулась к глазам, чтобы вытереть выступившие от смеха слезы.

«Вот тебе и строгий попечитель... — подумал Давыдов. — Нарушил весь урок. Надо отсюда смываться».

Сделав серьезное лицо, он взглянул на Федотку. Живой, как ртуть, мальчишка уже нетерпеливо ерзал за партой, показывая пальцем себе в рот, а потом раздвинул губы: там, где некогда у него была щербатина, торчали два широких, иссиня-белых зуба, еще не выросших в полную меру и с такими трогательными зубчиками по краям, что Давыдов невольно усмехнулся.

Он отдыхал душой, глядя на детские лица, на склоненные над партами разномастные головки, невольно отмечая про себя, что когда-то, очень давно, и он вот так же, как Федоткин сосед по парте, имел привычку, выводя буквы или рисуя, низко клонить голову и высовывать язык, каждым движением его как бы помогая себе в нелегком труде. И опять, как и весною при первом знакомстве с Федоткой, он со вздохом подумал: «Легче вам, птахи, жить будет, да и сейчас легче живется, а иначе за что же я воевал? Уж не за то ли, чтобы и вы хлебали горе лаптем, как мне в детстве пришлось?»

Из мечтательного настроения его вывел все тот же Федотка: словно по шарниру двигаясь за партой, он привлек внимание Давыдова, знаком настойчиво прося показать, как у того обстоит дело с зубом. Давыдов улучил момент, когда учительница отвернулась, и, огорченно разведя руками, обнажил зубы. Увидев знакомую щербатину во рту Давыдова, Федотка пырскнул в ладошки, а потом с величайшим самодовольством заулыбался. Весь его торжествующий вид красноречивее всяких слов говорил: «Вот как я тебя обставил, дядя! У меня-то зубы выросли, а у тебя нет!»

Но через минуту произошло такое, о чем Давыдов и долгое время спустя не мог вспоминать без внутреннего содрогания. Расшалившийся Федотка, снова желая привлечь к себе внимание Давыдова, тихонько постучал о парту, а когда Давыдов рассеянно взглянул на него, Федотка, важно откинувшись, полез правой рукой в карман штанишек, вытащил и опять быстро сунул в карман ручную гранату — «лимонку». Все это произошло так мгновенно, что Давыдов в первый момент только ошалело заморгал глазами, а бледнеть начал уже после...

«Откуда у него?! А если капсюль вставлен?! Стукнет по сиденью — и тогда... О, черт тебя, что же делать?!» — с жарким ужасом думал он, закрыв глаза и не чувствуя, как пот прохладной испариной выступил у него на лбу, на подбородке, на шее.

Надо было что-то немедленно предпринять. Но что? Встать и попытаться силой отобрать гранату? А если мальчишка испугается, рванется из рук и еще, чего доброго, успеет швырнуть гранату, не зная того, что за этим последует его и чужая смерть... Нет, так делать не годится. Давыдов решительно отверг этот вариант. Все еще не открывая глаз, он мучительно искал выхода, торопил мысль, а воображение помимо его воли услужливо рисовало желтую вспышку взрыва, дикий короткий вскрик, изуродованные детские тела...

Только теперь он ощутил, как медленно стекают со лба капельки пота, скользят по бокам переносицы, щекочут глазницы. Он хотел достать носовой платок и нащупал в кармане перочинный нож — давнишний подарок одного старого друга. Давыдова осенило: правой рукой он вытащил нож, рукавом левой вытер обильный пот на лбу и с таким подчеркнутым вниманием стал вертеть и рассматривать нож, как будто видел его впервые в жизни, а сам искоса посматривал на Федотку.

Нож был старенький, сточенный, но зато боковые перламутровые пластинки его тускло сияли на солнце, а кроме двух лезвий, отвертки и штопора, в нем имелись еще и великолепные маленькие ножницы. Давыдов последовательно открывал все эти богатства, изредка и коротко взглядывая на Федотку. Тот не сводил с ножа зачарованного взгляда. Это был не просто нож, а чистое сокровище! Ничего равного по красоте он еще не видел. Но когда Давыдов вырвал из записной книжки чистый листок и тут же, быстро орудуя ножничками, вырезал лошадиную голову, восторгу Федоткиному не было конца!

Вскоре урок окончился. Давыдов подошел к Федотке, шепотом спросил:

— Видал ножичек?

Федотка проглотил слюну, молча кивнул головой.

Наклонившись, Давыдов шепнул:

— Меняться будем?

— А кого на кого менять? — еще тише прошептал Федотка.

— Нож на железку, какая у тебя в кармане.

Федотка с такой отчаянной решимостью согласия закивал головой, что Давыдов должен был попридержать его за подбородок. Он сунул в руку Федотки нож, бережно принял на ладонь гранату. Капсюля в ней не оказалось, и Давыдов, часто дыша от волнения, выпрямился.

— У вас тут какие-то секреты,— улыбнулась, проходя мимо, учительница.

— Мы с ним старые знакомые, а виделись давно... Вы нас извините, Людмила Сергеевна,— почтительно сказал Давыдов.

— Я рада, что вы побыли у меня на уроке, — краснея, проговорила девушка.

Не замечая ее смущения, Давыдов попросил:

— Передайте товарищу Шпыню, пусть сегодня вечером зайдет ко мне в правление, а перед этим пусть прикинет, какой ремонт будем делать школе, и пусть подумает о смете, ладно?

— Хорошо, я все передам ему. Вы к нам больше не зайдете?

— Как-нибудь в свободную минуту загляну непременно, факт! — заверил Давыдов и сейчас же, без видимой связи с предшествовавшим разговором, спросил: — Вы у кого на квартире находитесь?

— У бабушки Агафьи Гавриловны, знаете такую?

— Знаю. А какая у вас семья?
— Мама и двое братишек в Новочеркасске. Но почему вы обо всем этом спрашиваете?
— Надо мне хоть что-нибудь о вас знать, я же ваших девичьих секретов не касаюсь! — отшутился Давыдов.
Возле крыльца толпа ребятишек плотным кольцом окружила Федотку, рассматривая нож. Давыдов отозвал счастливого владельца в сторону, спросил:
— Где ты нашел свою игрушку, Федот Демидович? В каком месте?
— Показать, дяденька?
— Обязательно!
— Пойдем. Пойдем зараз же, а то мне после некогда будет,— деловито предложил Федотка. Он сжал в руке указательный палец Давыдова и, явно гордясь тем, что ведет не просто дядю, а самого председателя колхоза, изредка оглядываясь на товарищей, вразвалочку зашагал по улице. Так они и шли, не особенно торопясь, лишь время от времени обмениваясь короткими фразами.
— Ты размениваться не надумаешь? — спросил Федотка, слегка забегая вперед и встревоженно заглядывая в глаза Давыдову.
— Ну, что ты! Дело у нас с тобой решенное,— успокоил его Давыдов.
Минут пять они шагали, как и подобает мужчинам, в солидном молчании, а потом Федотка не выдержал, не выпуская из руки пальца Давыдова, снова забежал вперед, глядя снизу вверх, сочувственно спросил:
— А тебе не жалко ножа? Не горюешь, что променялся?
— Ни капельки! — решительно ответил Давыдов.
И снова шли молча. Но, видно, какой-то червячок сосал маленькое сердце Федотки, видно, считал Федотка обмен явно невыгодным для Давыдова, потому после длительного молчания и сказал:
— А хочешь, я тебе в додачу свою пращу отдам? Хочешь?
С непонятным для Федотки беспечным великодушием Давыдов отказался:
— Нет, зачем же? Пусть пращ у тебя остается. Ведь менялись-то баш на баш? Факт!
— Как это «баш на баш»?
— Ну, ухо на ухо, понятно?
Нет, вовсе не все было понятно для Федотки. Такое легкомыслие при мене, которое проявил взрослый дядя, крайне удивило Федотку и даже как-то насторожило его... Роскошный, блестящий на солнце нож и ни к чему не пригодная круглая железка,— нет, тут что-то не так! Спустя немного практичный Федотка на ходу внес еще одно предложение:
— Ну, ежели пращу не хочешь, может, тебе бабки отдать? В додачу, а? Они у меня знаешь какие? Почти новые, вот какие!
— И бабки твои мне не нужны,— вздыхая и усмехаясь, отказался Давыдов.— Вот если бы этак лет двадцать с гаком назад, я бы, братец ты мой, от бабок не отказался. Я бы с тебя их содрал, как с миленького, а сейчас не беспокойся, Федот Демидович! О чем ты волнуешься? Нож твой на веки вечные, факт!
И опять молчание. И опять через несколько минут вопрос:
— Дяденька, а этот кругляш, какой я тебе отдал, он от кого? От веялки?
— А ты где его нашел?
— В сарае, куда идем, под веялкой. Старая-престарая веялка там такая на боку лежит вся разбитая, и он под ней был. Мы в покулючки играли, я полез хорониться, а кругляш там лежит. Я его и взял.
— Значит, это от веялки часть. А палочки железной, небольшой возле него не видел?
— Нет, там больше ничего не было.
«Ну, и слава богу, что не было, а то ты мне еще учинил бы такое, что и на том свете не разобрались бы»,— подумал Давыдов.
— А эта часть от веялки тебе дюже нужна? — поинтересовался Федотка.
— Очень даже!
— В хозяйстве нужна? На другую веялку?
— Ну, факт!
После недолгого молчания Федотка сказал басом:
— Раз в хозяйстве эта часть нужна, значит, не горюй, ты поменялся со мной правильно, а нож ты себе новый купишь,— умозаключил рассудительный не по годам Федотка и успокоенно улыбнулся. Душа у него, как видно, стала на место.
Вот, собственно, и весь разговор, который они вели по дороге, но этот разговор был как бы завершением их сделки по обмену ценностями...
Теперь Давыдов уже безошибочно знал, куда ведет его Федотка, и, когда по переулку слева завиднелись постройки, некогда принадлежавшие отцу Тимофея Рваного, спросил, указывая на крытый камышом сарай:
— Там нашел?
— Как ты здорово угадываешь, дяденька! — восхищенно воскликнул Федотка и выпустил из руки палец Давыдова.— Теперь ты и без меня дойдешь, а я побегу, мне дюже некогда!
Как взрослому, пожимая на прощание маленькую ручонку, Давыдов сказал:
— Спасибо тебе, Федот Демидович, за то, что привел меня, куда надо. Ты заходи ко мне, проведывай, а то я скучать по тебе буду. Я ведь одинокий живу...
— Ладно, как-нибудь зайду,— снисходительно пообещал Федотка. Повернувшись на одной ноге, он свистнул по-разбойничьи, в два пальца, очевидно, созывая друзей, и дал такого стрекача, что в облачке пыли только черные пятки замелькали.
Не заходя на подворье Дамасковых, Давыдов пошел в правление колхоза. В полутемной комнате, где обычно происходили заседания правления, Яков Лукич и кладовщик играли в шашки. Давыдов присел к столу, написал на листке из записной книжки: «Завхозу Островнову Я. Л. Отпустите за счет моих трудодней учительнице Л. С. Поповой муки пшеничной, размольной 32 кг, пшена 8 кг, сала свиного 5 кг». Расписавшись, Давыдов подпер кулаком крутой подбородок, задумчиво помолчал, потом спросил у Островнова:
— Как живет эта девчонка, учительница наша, Попова Людмила?
— С хлеба на квас,— передвинув шашку, коротко отозвался Островнов.
— Был я сейчас в школе, насчет ремонта интересовался, посмотрел и на учительку... Худая, прозрачная какая-то, сквозит, как осенний лист, значит, недоедает! Чтобы сегодня же отправили ее хозяйке все, о чем тут написано, факт! Завтра проверю, слышишь?!
Оставив на столе распоряжение, Давыдов прямиком пошел к Шалому.

Как только он вышел, Яков Лукич смешал на доске шашки, через плечо показал пальцем на дверь:
— Каков кобелина? Спервоначалу — Лушка Нагульнова, потом окрутил Варьку Харламову, а зараз уже переметнулся к учительнице. И всех своих сучонок кормит за счет колхоза... Распроценит он наше хозяйство, все пойдет на баб!
— Харламовой он ничего не выписывал, а учительнице — за свой счет,— возразил кладовщик.
Но Яков Лукич снисходительно улыбнулся:
— С Варькой он, небось, деньгами рассчитывается; за то, что учительница получит, колхоз расплатится. А Лушке сколько харчей я по его тайному приказу перетаскал? То-то и оно!
До самой смерти Тимофея Рваного Яков Лукич в изобилии снабжал его и Лушку продовольствием из колхозной кладовой, а кладовщику говорил: «Давыдов мне строго-настрого приказал выдавать Лушке харчей, сколько ее душенька потребуется, да еще и пригрозил: «Ежели ты или кладовщик сбрехнете хоть одно слово — не миновать вам Сибири!» Так что ты, милый, помалкивай, давай сала, меду, муки, на весах не вешая. Не наше с тобой дело судить начальство».
И кладовщик отпускал все, что требовал Островнов, и по его же совету ловко обвешивал бригадиров, чтобы скрыть недостачу в продуктах.
Почему же теперь Якову Лукичу было не воспользоваться удобным случаем и еще лишний раз не очернить Давыдова?
Изнывая от безделья, Островнов и кладовщик долго еще «перемывали косточки» Давыдова, Нагульнова и Разметнова, а тем временем Давыдов и Шалый уже действовали: чтобы в сарае Фрола Рваного стало светлее, Давыдов взобрался на крышу, вилами снял солому с двух прогонов, спросил:
— Ну, как, старина, виднее теперь?
— Хватит разорять крышу! Зараз тут светло, как на базу,— отозвался изнутри сарая Шалый.
Давыдов прошел по поперечной балке несколько шагов, легко спрыгнул на мягкую, перегнойную землю.
— Откуда начнем, Сидорович?
— Хорошие плясуны танцуют всегда от печки, а нам с тобой начинать поиск надо от стенки,— пробасил старый кузнец.
Вооружившись наскоро сделанными в кузнице щупами — толстыми железными прутьями с заостренными концами,— они пошли рядом вдоль стены, с силой опуская щупы в землю, медленно продвигаясь к веялке, лежавшей у противоположной стены. Не доходя нескольких шагов до веялки, щуп Давыдова почти по самую рукоятку мягко вошел в землю, глухо звякнул, коснувшись металла.
— Вот и нашли твой клад,— усмехнулся Шалый, берясь за лопату.
Но Давыдов потянул лопату к себе.
— Дай-ка я начну, Сидорович, я помоложе.
На метровой глубине он обрыл кругом массивный сверток. В промасленный брезент был тщательно завернут станковый пулемет «Максим». Из ямы вытаскивали его вдвоем, молча развернули брезент, так же молча переглянулись и молча закурили. После двух затяжек Шалый сказал:
— Всурьез собирались Рваные щупать Советскую власть...
— А ты смотри, как по-хозяйски сохранили «Максима»: ни ржавчинки, ни пятнышка, хоть сейчас заправляй ленту! А ну, дай-ка я поищу в яме, может, еще что нащупаем...
Через полчаса Давыдов бережно разложил возле ямы четыре цинки с пулеметными лентами, винтовку, початый ящик винтовочных патронов и восемь ручных гранат с капсюлями, завернутыми в полусопревший кусок клеенки. В яме, уходившей под каменную стену, валялся и пустой самодельный чехол. Судя по длине его, в нем когда-то хранилась винтовка.
До заката солнца Давыдов и Шалый разобрали в кузнице пулемет, тщательно прочистили, смазали, а в сумерках, в предвечерней ласковой тишине, за Гремячим Логом воинственно и грозно зарокотал пулемет. Одна длинная очередь, две коротких, еще одна длинная — и опять тишина над хутором, над отдыхающей после дневного жара степью, пряно пахнущей увядшими травами, нагретым черноземом.
Давыдов поднялся с земли, тихо сказал:
— Хорошая машинка! Машинка хоть куда!
В ответ ему гневно забасил Шалый:
— Зараз же пойдем к Островнову, возьмем щупы и весь его баз и все забазья излазим! И в доме у него учиним поголовный обыск, хватит ему в зубы заглядывать!
— Ты с ума спятил, старик! — холодно отозвался Давыдов.— Кто же это нам разрешит производить самочинные обыски и будоражить весь хутор? Нет, ты просто спятил с ума, факт!
— Ежели у Рваного мы пулемет нашли, то у Островнова где-нибудь на гумне трехдюймовка зарыта! И не я с ума сошел, а ты оказываешься умным дураком, вот что я тебе скажу начистоту! Погоди, придет время, откопает Лукич свою пушку да как шарахнет по твоей квартире прямой наводкой, тогда будет тебе факт!
Давыдов расхохотался, хотел обнять старика, но тот круто повернулся, плюнул с великим ожесточением и, не прощаясь, бормоча ругательства, зашагал к хутору.

ВЕНГРИЯ СМОТРИТ В БУДУЩЕЕ

Фото Венгерского телеграфного агентства.

Четвертое апреля 1945 года...

Изгнан последний гитлеровский солдат с венгерской земли. Окончилось господство предательской хортистской клики. Советская Армия принесла исстрадавшемуся венгерскому народу свободу. После долгой ночи гитлеровской тирании венгры увидели свет дня. Вышли из подполья и первыми принялись за созидательную работу лучшие сыны народа — коммунисты. Началось восстановление, обновление страны руками ее подлинных хозяев — рабочих и крестьян.

Впервые за свою историю венгерский народ обрел подлинную независимость, национальный суверенитет. Жизнь, новая, светлая жизнь вступила в свои права. Быстро развилась национальная промышленность. Поднялось сельское хозяйство. Великие достижения культуры стали народным достоянием.

Прошло четырнадцать лет. За это время венгерскому народу пришлось пережить еще одно трагическое испытание — организованный империалистами фашистский мятеж 1956 года. Но в памяти народа были живы исторические уроки 1919 года. Народ научился и привык сам управлять своим государством, он не захотел снова посадить себе на шею извечных угнетателей — помещиков и капиталистов. Заговор контрреволюционеров и их зарубежных вдохновителей окончился провалом.

Сейчас народная Венгрия живет полнокровной жизнью в семье братских социалистических стран. Народ беззаветно поддерживает свою родную Венгерскую социалистическую рабочую партию и Революционное Рабоче-Крестьянское правительство. Рука об руку со всеми дружественными странами венгерский народ вдохновенным трудом воздвигает величественное здание социализма.

Е. ТУМАРКИНА

Вот он, Будапешт, красавец город, столица народной Венгрии, с его древней Будой и более молодым Пештом, прекрасными мостами и памятниками национальной культуры, старыми улицами и новыми жилыми кварталами! Он хорош в яркий, солнечный день и прекрасен вечерами, залитый огнями уличных фонарей и витрин. И даже в ненастную погоду, когда Дунай катит серые, мутные волны и все затянуто пеленой дождя, Будапешт сохраняет неповторимую прелесть.

Чепель... Красный Чепель! Когда-то одно название этого рабочего района вселяло тревогу в хозяев-капиталистов, а грозные боевые песни чепельцев заставляли содрогаться сердца хортистов. Теперь все здесь принадлежит народу, Чепель плавит сталь, изготовляет тончайшие приборы и делает бумагу. Какие только изделия не расходятся отсюда по белу свету! На снимке: бригадир Ференц Ионаш берет пробу.

Венгерский крестьянин понял выгоды и преимущества коллективного хозяйствования. Во многих частях страны при поддержке государства возникают все новые и новые кооперативы, растут их доходы, а вместе с ними — и уверенность крестьян в завтрашнем дне, их безграничное доверие к родной народной власти. Вот эти двое славно потрудились и неплохо заработали. Подсчет трудодней веселит их сердца.

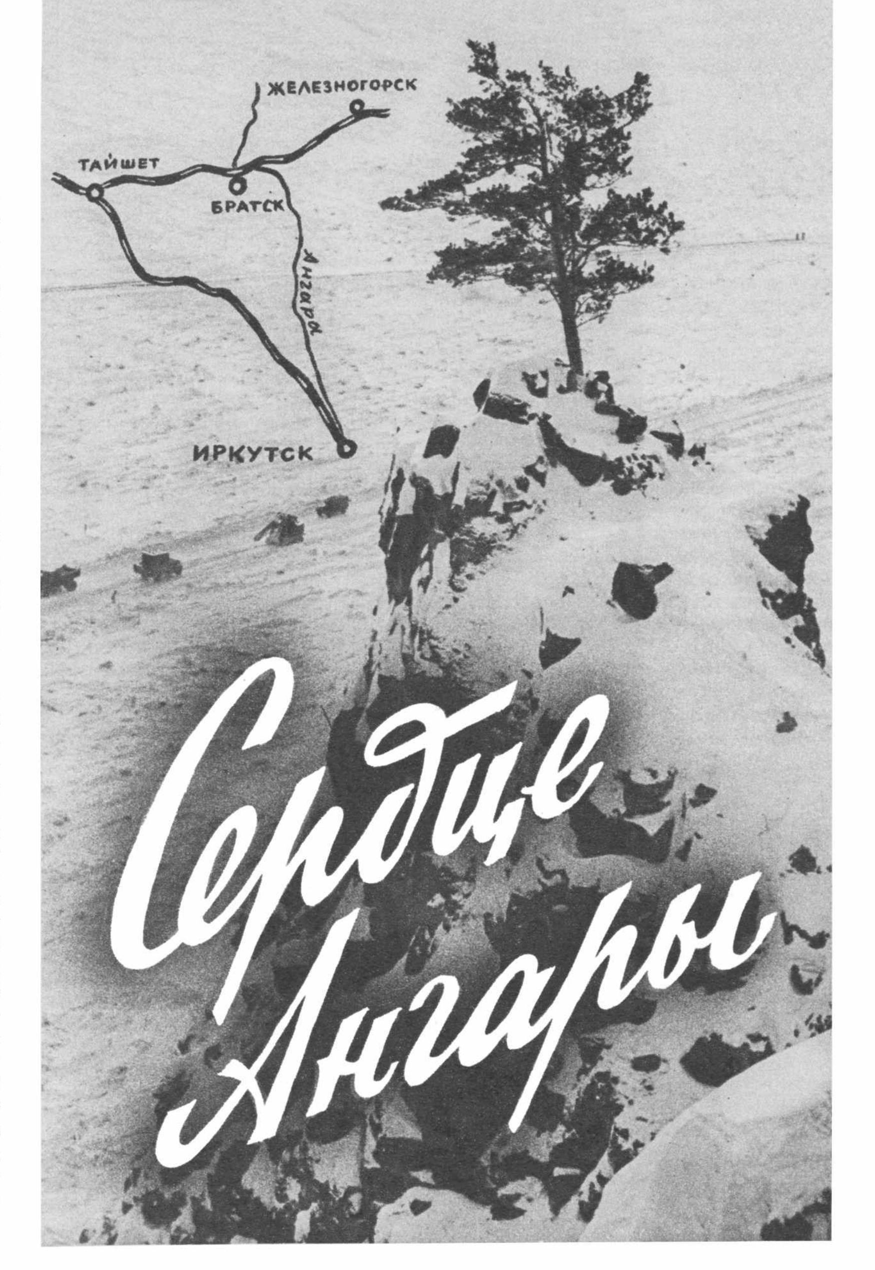
Дети... Будущее венгерского народа... Русые, черные, светлые головки, карие, серые, синие любознательные глаза. В народной Венгрии, как и во всех социалистических странах, все делается для их блага и счастья. Это для них воздвигаются новые дома и школы, для них строятся заводы и электростанции, для их светлого завтра трудятся ученые. Все для детей!

Фото Н. Козловского.

Категория твердости

Не грозный Падун — сегодняшняя достопримечательность Ангары, нечего с ним сейчас разговоры вести, убеждать покориться. Два года назад, когда впервые в истории гидростроительства перекрыли правую часть реки прямо со льда, померкла прежняя слава Падуна. На мартовский лед тогда положили двойной настил, сотни машин со снятыми на случай опасности дверцами возили камень, гравий. Трудно было побороть даже подледное течение Ангары: ведь сила удара ее потока — три тысячи тонн. Все же люди закрыли проран за девять часов. И теперь разве что местный художник Николай Сластенко один бродит по камням Падуна, запечатлевая его образ на картине.

Крепкий, как чугун, камень долбит на дне Ангары бригада Бориса Гайнулина — первая бригада коммунистического труда. Знаменательно, что она родилась именно в котловане, на труднейшем участке. Люди и диабаз сходятся здесь характерами. Берега и дно Ангары имеют твердость девятой категории, это предпоследняя, к десятой принадлежит алмаз. Своей каменной основой и великолепна будущая плотина Братской ГЭС. Работает бригада комсомольцев кирками и лопатами. И не потому, что стройка обеднела перфораторами: вокруг и так стоит адский пулеметный стук. От взрывов диабаз трескается, а бригада Гайнулина должна так обработать основание под плотину, чтобы на нем не осталось ни единой трещины. Деликатного обращения требует такая работа. Вот и попробуй определи категорию твердости человеческого характера!

Сердце Ангары

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото Ю. Кривоносова.

И уж если речь зашла о характерах, то нельзя не рассказать о Володе Иващенко. В марте прошлого года связисты подвешивали над Ангарой кабель. Его ждали все, кто работал на правом и левом берегах. И когда по льду размотали трос, подтянули и закрепили его на мачтах и трактор потащил скользящий на роликах кабель, произошла авария. С берега в бинокль было видно, что кабель и трос перепутались. Кажется, сбывались предостережения некоторых специалистов, которые протестовали против подвесного километрового кабеля, признавая только испытанную прокладку по дну реки. А связисты избрали оригинальный и, по правде говоря, рискованный путь, чтобы удешевить стоимость работ в десять раз и, главное, сжать годовой срок до полумесяца. Но, видимо, надо было начинать все сначала.

И там, на краю стометрового обрыва, где люди, хмурясь, смотрели на недосягаемый узелок, к прорабу подошел парнишка и сказал:

— Давайте я полезу.

Его назвали мальчишкой, даже накричали сгоряча, а он твердил свое. Его хотели припугнуть: «А если трос не выдержит?» Но и это не смутило парнишку: «Я сам его закреплял!» И вот прораб, который больше всех протестовал (он в ответе за жизнь сорванца!), посерьезнел и сказал:

— Хорошо, попробуем.

Каждый, кто был на скале, проверил, как застегнуты пояса, один под мышками, другой выше колен. Вот цепь надета на ролик. И в наступившей тишине, перебирая трос руками, смельчак закачался над пропастью с ледяным дном. Он смотрел в небо и не видел, как останавливались на дороге машины, как шоферы выскакивали из кабин и задирали головы, как перестал клевать камень экскаватор, кажущийся с высоты меньше цыпленка... Вот подвешенная фигурка доползла до места аварии — всего двести метров от мачты, но эти двести, если преодолевать их с помощью рук, значительно удлиняются. Связисты не были виноваты: кабель оказался с заводским браком, на нем лопнула и замоталась жилка.

Несколько часов провисел смельчак над Ангарой. Стоял тридцатиградусный мороз, дул ледяной ветер, и шел снег. Юноша ни разу не надел рукавиц, распутывая тонкую проволоку. Прораб топтался вокруг опоры и вспоминал о парнишке все, что знал. Володя Иващенко — монтажник четвертого разряда. Комсомолец. Окончил в Черемхове семилетку, приехал на стройку с матерью. Кажется, большая семья, человек пять. Лет ему? Около двадцати. Подавал заявление на повышение разряда. Вот и все.

Биография комсомольца Иващенко только начинается. Но как прекрасно это начало! Наверное, юноше (он долгое время боялся рассказать о случившемся матери) присущ талант высотника. И у него особенно редкий дар, если учесть высказывание специалистов из одного технического журнала, которые, узнав о случившемся, категорически заявили: «Так не может быть». Но так было, и мы согласны с геологами, которые сказали: «Этот юноша как алмаз».

Командная высота

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...

Эти стихи прозвучали у Падуна, когда первые строители поселились у подошвы скалы.

У левого берега над Ангарой высится голый утес, а на нем сосна. Все как по Лермонтову. Только, пожалуй, красивее: у ног ангарской красавицы беснуется Падун. Грозный, он не всякому позволит любоваться собой. Перегородил подковой Ангару и для наглядности ломает, как спички, почтенные трехсотлетние стволы, а те, которых допускает в жерло свое, ударяет о страшный камень Черныш, потом о камень Язык, и выскакивают они беленькие, оструганные. Много перевидела одинокая сосна на своем веку. Только была она все это время безымянной. А теперь величается Лермонтовской.

Строители обосновались выше Лермонтовской сосны. Над котлованом, на стодвадцатиметровой высоте, обрывается трамплином полотно эстакады. На скале разложены фантастических размеров металлические детали, их передвигает башенный кран.

Штаб монтажников — на высоте птичьего полета. И если на диабазовом дне работы закончатся с приходом весны, то монтажники в это время только начнут со своего трамплина главный бросок на Ангару. Это люди завтрашнего дня.

И какой беспокойный человек на башенном кране! То и дело он выбегает на площадку, кричит, машет руками, волнуется и, когда его не понимают, решительно лезет по лестнице вниз. А тот, кто на земле, поспокойней. У него просто стальное терпение: копается и копается в масленых деталях, и руки у него почему-то не пристывают к железу, хотя мороз стоит крепчайший.

Теперь мне понятна горячность крановщика, который то и дело спускается и поднимается по пятидесятиметровой лестнице. Василий Кондратьевич Пилявский собирает кран «СМК», на котором он потом начнет работать. Мне понятно и мужество известного гидромонтажника Анатолия Ивановича Никуличева, того самого, что собирал шлюзы, плотины, здания ГЭС на Цимле и Волго-Доне, в Усть-Каменогорске, Каховке, Куйбышеве и Сталинграде. Любая из этих строек — превосходная школа для строителя. Можно считать, что Никуличев окончил несколько университетов.

Но здесь все ново даже для опытных монтажников. Во-первых, «СМК», что означает «специальный монтажный кран». «Специальный» тоже имеет особый смысл: такой кран изготовлен впервые, и именно для Братской ГЭС. Боковое строение крана, лежащее на площадке, занимает территорию с футбольное поле, а подвешенные стрелы могли бы прихватить и «трибуны». Не думайте, что «СМК» высок и худ, как большинство его собратьев. Уникальный кран приземист, как каракатица. Он тяжелоатлет: он может поднимать двумя своими подвесками восемьдесят и тридцать тонн. И выступает в самой тяжелой категории, веся более полутысячи тонн. «СМК» будет монтировать главную эстакаду через Ангару.

Второе новшество на Братской стройке — самая высотная эстакада, которая перекинется с берега на берег. Четыре железнодорожных состава одновременно будут въезжать под кран, и одной подвеской «СМК» возьмет с платформ металлические опоры и поставит их на бетонные «бычки», которые растут сейчас в котловане, а второй подвеской опустит на опоры сорокачетырехметровые пролеты эстакады. Кран пойдет вперед по тому пути, который сам же сделал для себя.

А вслед за краном-великаном двинутся другие краны, не такие огромные, но тоже не карлики. Их называют двухконсольными кранами-бетоноукладчиками, и это третье здешнее техническое новшество, потому что в Советском Союзе такие еще не применялись. Своими стрелами, каждая из которых больше пятидесяти метров, шесть бетоноукладчиков прикроют все строительство плотины. С их появлением пойдет большой бетон. Со скоростью ста метров в минуту помчатся двадцатидвухтонные тележки с бетоном, и крановщик будет следить за их

Бригадир гидромонтажников Анатолий Никуличев. Братская ГЭС — его седьмая стройка.

Василий Пилявский собирает монтажный кран, которым он будет и управлять.

Геолог Женя Ефременко. На дне Ангары она бурит скважины для моста. Летом отсюда начнется перекрытие левой части реки.

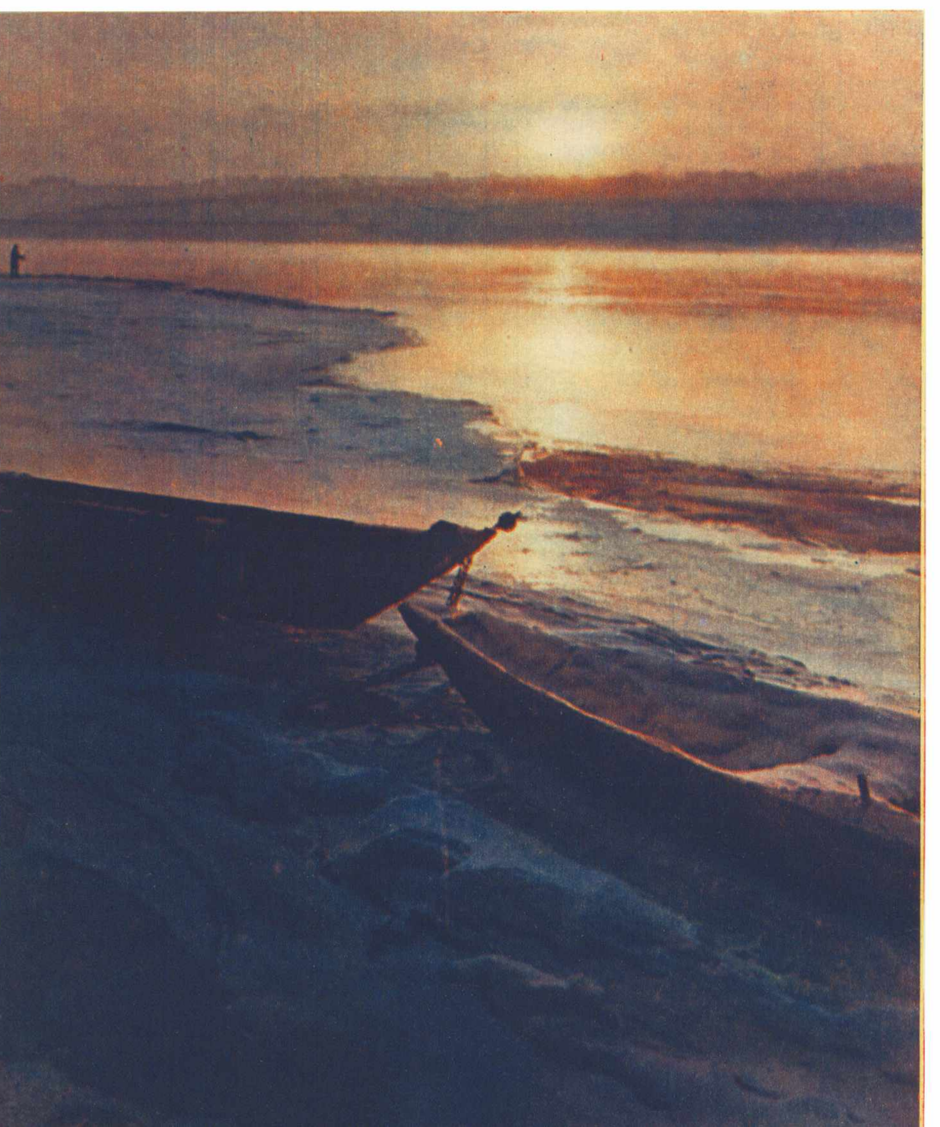

Нина Лобода жила и училась в старом Братске, где было лишь несколько телефонов. А вот на стройке Братской ГЭС в распоряжении дежурного техника АТС телефонная сеть, равная иркутской.

Улица Гидростроителей в поселке Постоянном.

И зимой не везде замерзает Ангара.

Татьянка Кравчук, именем которой названо открытое недавно Татьянинское месторождение.

Первая бригада коммунистического труда во главе с Борисом Гайнулиным. (крайний слева внизу).

движением по телевизору и радиотелефону: какая там «вирамайна» на такой высоте!

Так будет на верхнем этаже эстакады. А по нижнему в конце будущего года помчатся поезда Тайшет-Ленской дороги, поедут автомашины. Когда рядом с эстакадой поднимется плотина, шоссе и железную дорогу перенесут на ее гребень. А куда же денутся двадцать семь тысяч тонн уникального «металлолома», составляющего тело главной и вспомогательной эстакад? «СМК» обратным ходом с левого берега на правый разберет эстакаду, и металлоконструкции отправятся в путешествие на следующую ГЭС.

Участок гидромонтажа называют командной высотой. Что же, сказано метко. Отсюда хорошо видна перспектива рождения крупнейшей в мире электростанции. Есть один рубеж: в 1961 году Братская ГЭС должна дать первый ток. И этому сроку подчинено здесь все. Летом перекроют левую протоку Ангары, у реки отвоюют новый котлован. А потом начнет расти плотина. Перепад воды на Братской ГЭС будет вдвое больше Ниагарского водопада.

Плотина будет держаться за скалы и каменистое дно и потребует сравнительно немного арматурного железа. Зато «Ее Бетонное Величество» должно по плану состоять из 5,7 миллиона кубометров бетона. Но и тут строители борются за удешевление работ и решили сэкономить полтора миллиона кубометров бетона, из которого можно построить еще одну крупную гидростанцию.

На шестьсот километров разольется через несколько лет Братское водохранилище, самое большое в мире искусственное море. Города и деревни, пашни и дороги переносятся на новое место, отвоеванное у тайги. Переедут вскоре и совсем молоденький Братский аэропорт, и Усольский соляной завод 1703 года рождения, и поселок у Падуна, откуда три столетия тому назад русские совершали вверх по Ангаре походы, в одном из которых заложили Иркутское зимовье.

Энергия Ангары даст жизнь десяткам еще не существующих заводов и предприятий. Родится мощный Братско-Тайшетский промышленный узел, который станет поставщиком металла, сборных домов, строительных материалов.

Надо сказать, что большой коллектив «Братскгэсстроя» вместе с гидростанцией строит и горнообогатительный комбинат в Коршунихе и крупнейший в мире лесопромышленный комплекс. Начальник «Братскгэсстроя» И. И. Наймушин, недавно утверждавший вместе с другими делегатами XXI съезда партии семилетний план, рассказал нам:

— Энергетической базой узла явится Братская гидростанция. Сегодня здесь практически решаются поставленные в докладе на XXI съезде партии Н. С. Хрущевым задачи создания в Восточной Сибири Братско-Тайшетского промышленного узла. Справа и слева от Братска родится второй, не менее важный объект: металлургический завод в Тайшете будет плавить руду Коршуновского месторождения. У деревни Коршуниха за год вырос прекрасный поселок строителей рудника — Железногорск, который скоро станет городом рудокопов. На месте Тайшетского завода пока тайга, но уже в этой семилетке он даст металл, используя иркутские угли. Кроме того, близ Братска и в других районах возникнет мощная лесная промышленность...

Богатства промышленного узла этим не исчерпываются. Нетронутыми лежат угли Азайского и Новометелкинского месторождений, залежи каменной соли. Геологи предсказывают алюминиевое сырье, цветные металлы, нефть и совершенно справедливо считают, что для полноты картины недостает еще алмазов, подобных знаменитым якутским. Достойное украшение для горячего промышленного сердца Ангары!

Своим биением оно омолодит весь таежный край и почтенный город Иркутск в том числе. Когда-то на гербе Иркутска изображался бегущий барс с соболем в зубах. Был тогда этот город центром торговым и административным, но не промышленным. А недавно Иркутский совнархоз утвердил

→

свою марку. Мы видим на этом новом гербе все приметы Братско-Тайшетского узла: трелевочный трактор, плотину, трубы заводов и многокубовой экскаватор, черпающий руду или уголь.

И, конечно, не в одном Иркутске дело. Когда по стране зашагают мачты Единой энергетической системы Сибири, границы узла раздадутся широко, а продукция его заводов и фабрик будет путешествовать не только по стране, но и по всему миру.

Такая картина близкого будущего видится с высшей точки строительства — с «командной высоты».

Кстати говоря, с неприступного утеса, увенчанного одинокой Лермонтовской сосной, картина уже

Начальник «Братскгэсстроя» Иван Иванович Наймушин.

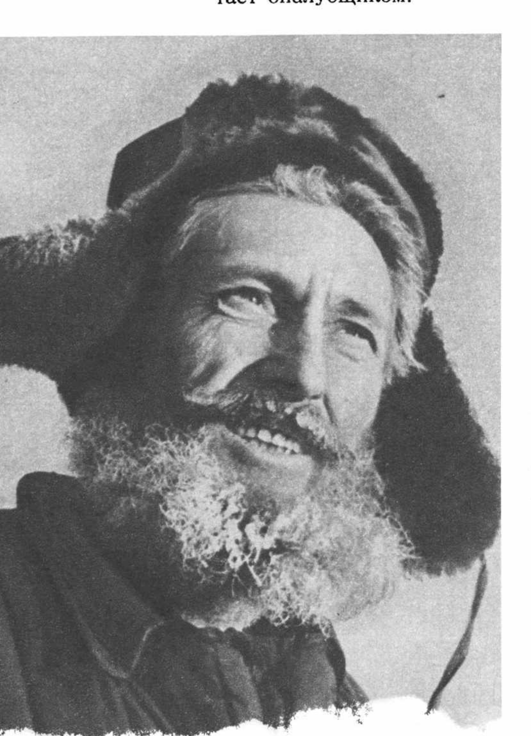

Лида Кузуб варит борщи... на дне Ангары.

Молодожены в Железногорске — Галя Зюлькина и Василий Тявкин.

Житель поселка Падунский Василий Иванович Наваров ныне работает опалубщиком.

иная. Каменный великан вскоре окажется под водой. А что будет с сосной? По твердому закону очистки морского дна ее, очевидно, срубят. И это неплохая участь, потому что скорее всего попадет ангарская сосна на один из лесозаводов, и сделают из нее или балку для дома, или стул. Смотря какой характер окажется у поэтической одиночки...

Самые богатые — самые экономные

Знаете ли вы, что жители Иркутской области — самые богатые в мире владельцы леса? На каждого из них приходится по 45 гектаров превосходной тайги, тогда как вообще житель земного шара теоретически может рассчитывать всего на полтора зеленых гектара. И любой европейский лес покажется просто парком после тайги. Пройдите по тайге — и вы будете изумлены ее мощью и красотой. Вот лиственница, крепчайшее, тонущее в воде дерево, настоящий сибирский дуб; кедр — по существу жиромолочный комбинат: в кедровых орехах жиров больше, чем в плодах маслины, масляной пальмы и грецкого ореха; и «музыкальная душа» ель, что идет и на пианино и на рудничные стойки; и затерявшаяся в хвойняке милая береза, дающая и деготь, и лодки-берестянки, и превосходные лукошки для хранения брусники.

И, конечно, наипервейшая красавица — знаменитая ангарская сосна. Многие спрашивают, чем она так прославилась? Лесники отвечают: «Взгляните на ее макушку — голова отвалится, нагнитесь над пнем — увидите, что стояла здесь современница Петра Первого, сосчитайте деревья на одном гектаре — дня не хватит». Но, конечно, это не главные достоинства ангарской сосны. Можно философствовать сколько угодно, пока дерево стоит на корню. А подошел к нему лесоруб с пилой — и ложится на него ответственность: не транжирить этакое богатство и как можно больше пользы извлечь из каждого дерева. Для знакомства с хозяйским отношением человека к лесу мы и приглашаем вас, читатель, поприсутствовать при рождении Братского лесопромышленного комплекса, одного из важнейших предприятий здешнего края.

В тридцати километрах от строительства ГЭС вдоль дороги тянутся палатки. Совсем не такие, что ставили тут когда-то пионеры Зеленого городка. Те палатки разбивались наспех на снегу, а об этих приехавший только что из Башкирии с комсомольской путевкой Владислав Трофимов сказал: «Мы думали, что здесь койки на снегу стоять будут, а имеем палатки с паркетом и радио».

И комфортабельные палатки, как и Зеленый городок, очень скоро уйдут в историю. Рядом уже стоят в лесах двухэтажные дома будущего города Братска, большого и красивого. Не станем описывать спрятанные в вековой тайге дома в несколько этажей, обрывающиеся у моря улицы, пароходы и баржи в порту. Каждый, кто проедется в троллейбусе или автобусе по Братску через несколько лет, увидит, что город лесников прекрасней самых красноречивых обещаний и его сто тысяч жителей имеют всевозможные удобства. А промышленный район Братска будет неповторим. Представьте корпуса величиной в двадцатиэтажные дома, растянувшиеся на шесть километров. Таков Братский лесопромышленный комплекс, феноменальный таежный гигант: в его составе несколько заводов, фабрика, комбинат, различные цехи. И все это приведет в действие энергия Ангары.

Вот где проявятся достоинства и ангарской сосны и ее таежных родственников. Из Братских ворот начнут они путешествие по всему свету в самом различном виде: в щитах сборных домов, деталях кораблей, самолетов, вагонов и в искусственном шелке, в изящной мебели и бумаге. Вряд ли догадаются женщины, что их платья находятся в самом близком родстве с тридцатиметровой сосной, вернее, с ее опилками и щепками: ведь вискозная целлюлоза станет изготовляться из отходов. И в огромном количестве: в два раза больше, чем выпускают ее в стране сейчас. А другая часть отходов превратится в картон. Ученые подсчитали, что ежегодно на всевозможную тару и упаковку тратится лесополоса шириной в два километра и длиной от Москвы до Ленинграда. Замените мысленно эти большие и маленькие ящики из ценной древесины картонными — и вы оцените значение Братского картонного комбината, который даст картона в несколько раз больше, чем все нынешние картонные фабрики. Наконец, каждый кубометр опилок на лесохимическом заводе, где будут получать сырье для промышленности — спирт, заменит 275 килограммов зерна или 700 — картофеля. Вот что будет означать одно из правил новостройки семилетки: работать без отходов!

Самые богатые окажутся самыми экономными и по-прежнему будут богатыми.

Татьянка, хозяйка горы (Письмо геолога Розы Максимовой)

«Дорогая Симка! Привет тебе из Железногорска. Что, ты не знаешь такого? Ты очень умная, Симка, но на картах, которые ты чертишь, ни такого города, ни такого поселка нет.

А это поселок, и еще какой, хотя в марте ему только-только исполняется год. Представь себе Киев в тайге. Это и есть Железногорск. Улицы вьются по горе змейками, каждый дом на цыпочки встал на склоне и выходит на улицу обязательно углом. Я долго думала, почему углом, а потом узнала, что в этом есть смысл: все дома стоят фасадом на юго-восток, лицом к солнышку. И тайгу здесь любят: между домами обязательно оставляют деревья. Один бульдозерист наехал на сосну и сломал ее, так его за это на месяц с бульдозера сняли.

Забыла, что ты любишь точность. Железногорск стоит на двести километров восточнее Братска. Здесь большое месторождение. Вон из моего окошка три горы виднеются. Это все железо. Я только вернулась из штольни. Сначала боялась одна в темноту идти, а потом вспомнила, что меня командировал институт за образцами, и полезла. И какие куски достала: тридцать, сорок, шестьдесят процентов железа, на глаз видно!

В газете я прочитала, что о железных горах еще в семнадцатом веке известно было. Жил на горе человек Шестачко Коршунов и в кузнице своей ковал скобы и мотыги. Посылал он образцы воеводе в Иркутск, и тот просил у царя двести рублей и несколько человек, чтобы открыть заводик. Но никто сюда больше не приходил, и народ прозвал гору Коршунихой. Только в 1947 году появились геологи и сосчитали руду. А потом провели железную дорогу Тайшет — Лена.

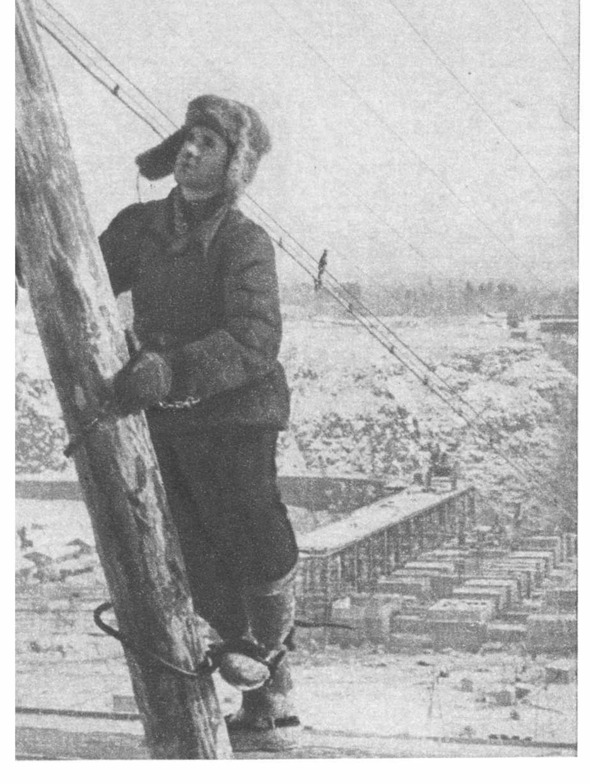
Живет в Железногорске Татьянка Кравчук. Первоклассница, а такая же знаменитая, как бородач кузнец Коршунов. Голос у нее звонкий, глаза серые, ресницы пушистые, а косички щекочут пятки. Любит она петь, говорить вслух стихи и особенно рисовать дома, краны, улицы. И эта обыкновенная первоклашка — хозяйка целой горы в семьдесят миллионов тонн. Ее именем геологи назвали Татьянинское месторождение. Открыто оно 18 июля 1954 года, когда Татьяне исполнилось два года. Вот какие щедрые мы, геологи, какие подарки иногда делаем!

Счастливая эта Татьянка! Утром выйдет на крыльцо и видит, как бульдозеры от снега дороги расчищают. Сколько его навалило! На домах и сараях просто мономахские шапки. Тяжелые! В некоторых домах балконы рухнули. А на другом склоне экскаваторы работают: там промплощадка горно-обогатительного комбината. И мать Татьянки, Анна Степановна, на той горе. А рядом буровая вышка, и к вышке все ближе улица подвигается.

И самое главное о Железногорске. Кончили люди работать и идут в свои квартиры. Здесь у каждой семьи отдельная квартира. Такое правило установили строители, когда закладывали город. Что это за правило, я поняла, когда познакомилась с одними молодоженами. Милые и простые Василий Тявкин и Галя Зюлькина. Он тракторист, а она маляр, он строит дороги, а она — домá. Пришла я к ним и вижу: печка вовсю трещит, и сидят они и пьют из больших кружек чай. Меня такая вдруг зависть взяла. У людей своя отдельная квартира, и стояли они «в очереди» за ней всего два месяца. И я подумала: «А почему я не могу уехать из своего большого города; что меня там «держит»?» Конечно, я понимаю, что если осчастливлю Железногорск своей особой, то не в ту же минуту буду развешивать занавески на окнах. Придется пожить и в палатках — это закон новостроек. Зато меня когда-нибудь назовут старожилом.

Ой, совсем я заболталась! Все спят, и Татьянка в своем доме спит. Один директор строящегося комбината Краснов не спит: все рассматривает планы своего удивительного Железногорска. Тут и кино, и театры, и бассейн, и скверы. И троллейбусы, и автобусы, и такси. И даже свежие огурцы, которые должны расти в школьной теплице.

И не спят, кроме директора, буровики. А сейчас начнет кричать по телефону скандальный человек. Как ночь, так он требует от кого-то вагон кислорода. А телефон в гостинице один, и все его слушают. Он и эту ночь не сможет прожить без кислорода. И зачем ему, Симка, нужен вагон кислорода?»

Геодезист Анна Степановна Романова, мать «хозяйки горы» — Татьянки.

Монтажник-связист Володя Иващенко.

Владислав Трофимов — строитель домов в новом Братске.

От А до Я

Все молодо в вековой тайге. И города и люди. Можно бродить целый день по стройке, и не встретишь пожилого человека. А молодежь с каждым днем прибывает: манит к себе Сибирь. Но бывает и так: едва приехал молодой человек, не успел еще даже осмотреться, а уже идет в комитет комсомола вести разговор об учебе. И с места в карьер: «Я окончил десять классов, определите в институт». А его начинают спрашивать о производственных успехах, об общественной работе.

Таков порядок. Даже на курсы повышения квалификации рекомендацию дает комсомол. И это никакие не ограничения. В отделе подготовки кадров «Братскгэсстроя» нам сообщили, что здесь только за два минувшие года прошли обучение девять тысяч юношей и девушек.

Скромное рабочее название у этого молодежного университета. Начинался он несколько лет назад в любой свободной будке, где можно было поставить стол и скамейку. А сейчас отдел подготовки кадров занимает двухэтажный дом в поселке Постоянном, имеет отделения в других поселках. И, тем не менее, в чистых, светлых комнатах всегда тесновато: ныне опять учатся четыре с половиной тысячи строителей. Сорок три профессии приобретает молодежь на разных курсах, быстрым маршем одолевает школьную программу, слушает лекции институтских курсов. Принимают экзамены инженеры, и строго принимают, сверх программы обязательно дают задачи из практики стройки.

И вспоминается картина К. А. Савицкого «Беглые в Сибири», из Иркутского краеведческого музея. Савицкий никогда не бывал в Сибири, но написал то, чем печально знаменит был далекий край в недавнем прошлом: группу беглых, просящих по пути милостыню. И рядом с этой правдивой сценой каким проницательным выглядит революционер Радищев, предвидевший прекрасное будущее Сибири! Прошли века, и мы говорим о Сибири не как о географическом понятии, а о промышленно-экономических ее узлах, о рождающихся индустриальных районах, которые сыграют огромную роль в экономике страны.

У Сибири юное и прекрасное лицо. Лицо мужественное и умное, простое и доброжелательное. Так выглядит рабочий-студент, который в недалеком будущем станет ученым. Сегодня он строит коммунизм, строит с песнями, которые сочинил сам:

Дом родимый свой
У Москвы-реки
Мы оставили навсегда,
Чтобы здесь, в тайге,
встали фабрики,
Встали новые города.

Железногорск.

Масштабы этого края

Уникальный каскад ангарских гидростанций способен дать 80 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Это больше, чем энергетические ресурсы Волги, Камы, Днепра и Дона. Себестоимость киловатт-часа на Братской ГЭС составит от 0,4 до 0,7 копейки.

Со дна крупнейшего в мире Братского водохранилища надо убрать более 300 тысяч гектаров леса. На 60 километров сократится водный путь из Иркутска в Братск. Шесть портов вырастут на берегах искусственного моря. Его воды будут бороздить суда повышенной прочности, которые во время штормов найдут укрытие на специальных якорных стоянках. Рыборазводные заводы заселят море хариусом, омулем, осетром и другой промысловой рыбой.

Сравните некоторые показатели Братской ГЭС с показателями крупнейших в мире станций:

	Братская	Куйбышевская	Сталинградская	Боулдер-Дам (США)	Гренд-Кули (США)
Установленная мощность в тысячах киловатт	**3 600**	**2 100**	**2 310**	**1 385**	**2 314**
Полный объем водохранилища в миллиардах кубометров	**179**	**58**	**33,5**	**37,5**	**11,7**
Высота плотины в метрах	**126**	**28**	**26**	**228**	**168**

Несколько лет назад геологи подсчитали, что Ангаро-Илимский бассейн имеет около миллиарда тонн железной руды. В 1961 году даст первую руду Коршуновский горнообогатительный комбинат. Первенец металлургии Восточной Сибири Тайшетский завод будет выплавлять самый дешевый на Востоке металл.

Иркутская область самая богатая в мире по лесным ресурсам. Из ее 8 миллиардов кубометров древесины свыше 1,3 миллиарда находится в зоне Братско-Тайшетского промышленного узла. Строящийся Братский лесопромышленный комплекс рассчитан на переработку 3,5 миллиона кубометров древесины в год. За семилетку производство домов в Иркутской области возрастет настолько, что составит жилищную площадь всего Иркутска 1958 года.

ЧАС И РУБЛЬ

Георгий РАДОВ

На уровне тридцать третьего. «Охолонь трошки!» Где Гиталовы и Мануковские!

Бывает же этак: ездишь, ездишь, смотришь на что-то привычное, примелькавшееся и уже не отдаешь себе отчета, хорошо это или дурно, и вдруг одна встреча, один разговор осветит все, как спичка в ночи...

Три года тому назад заехали мы в Пятигорск, в знаменитый, едва ли не лучший на юге колхоз «Пролетарская воля». И тогда, как и нынче, председательствовал там Луценко Семен Васильевич — хозяин отменнейший, умница. Легенды ходили о его предприимчивости, а в колхоз со всех концов света ехали и ехали гости...

Зашли на молочную ферму. То была образцовая ферма! В помещении ни сориночки! Коровы... Нет, черт возьми, ни до, ни после того я не видел таких огромных и важных коров! Удои... Да что там говорить об удоях, когда вымя каждой коровы наверняка бы не поместилось в ведре! Удои, словом, были рекорднейшие для юга. В общем, все было великолепно, и надо же было мне спросить:

— А сколько коров у вас обслуживает доярка?

— Двенадцать,— сказал Луценко.

Двенадцать... И тут-то — бог ведает, как это вышло,— память из каких-то глубин достала сравнение: в тридцать третьем году у нас на Кубани, в станице Ново-Титаровской, доярка тоже обслуживала двенадцать коров. В тридцать третьем, на заре колхозов!..

Огорошенный, я оглянулся. Нет, все было правильно: мы стояли на одной из лучших ферм государства, она вполне могла соперничать с фермами московской выставки. Все тут было: и автопоилки, и электродойка, и чистые деревянные полы, и подвесная дорога. Но и тут, как в тридцать третьем году, доярки, надсаживаясь, вилами раздавали корм, и вручную таскали тяжелые фляги, и вручную вычищали навоз, а неподалеку от фермы из траншеи с двухметровой глубины дюжий парнишка-скотник так же, как это четверть века назад делал его отец, вилами выбрасывал на поверхность пахучий силос.

— Двенадцать коров...— сказал я вслух.— Как в тридцать третьем году? Та же производительность?

— А что ты сделаешь? — живо возразил Луценко.— Машиной загонишь корм в корову? Машиной навоз подберешь? Нет такой машины, не придумана. И потом, людей-то у нас хватает...

— Людей-то у них хватает, даже с лишком хватает,— говорил, когда мы возвращались из колхоза, попутчик, экономист из Тимирязевки.— Людей хватает, да вот молочко-то им в убыток...

— Как в убыток? Сейчас в убыток? При таких закупочных ценах?

— В том-то и штука, что цены подняты, как говорят в колхозах, «под самую завязку». И все равно молоко многим колхозам убыточно. Луценко тут вовсе не исключение. Производительность-то на фермах архинизкая, трудовые затраты огромные, а трудодень дорогой. Вот и набегает копеечка на центнер молока. Нет, тут перед нами такая неподнятая целина... Да вот смотри.—Он достал из кармана потертую тетрадку, раскрыл ее.— Вот данные по группе хороших колхозов юга: на центнер молока они тратят по двадцать — двадцать пять человеко-часов. А, между прочим, американцы затрачивают на центнер всего четыре с лишним часа. Двадцать и пять! — воскликнул он. — Да я как вычитал эти цифры, — не знает душа покоя...

С тех пор я много странствовал по колхозам. Бывал и на Алтае, и в енисейской тайге, и под Харьковом, и за Новгородом, и на Рязанщине, и в Ставрополье — везде люди воевали за молоко. Везде росли «разы»: в полтора, в два, в три раза больше молока, чем в недавние годы, давали колхозы. И везде была одна и та же «слабинка». Правда, редко-редко где учитывались затраты труда в человеко-часах — в обильной колхозной статистике такой нужнейшей цифре почему-то не находилось места,— но где бы я ни спрашивал, сколько коров обслуживает доярка, везде отвечали: десять, двенадцать, от силы пятнадцать. А из Америки возвращались наши люди — зоотехники, инженеры, колхозные деятели — и, вздохнув, рассказывали: один человек там на фермах и кормит и доит пятьдесят — шестьдесят коров...

Словом, огромнейшие просторы целины лежали нетронутыми в животноводческом цеху государства. Чем ее поднимать?

Экономисты высказывались на этот счет решительно и категорично:

— Все спасение в комплексной механизации! В комплексной! Механизировать не только поение и доение, а все процессы труда на фермах. Все процессы, до единого! Тогда вырастет производительность, снизится себестоимость...

Нет, черт побери, просто зависть брала: до чего же им все было ясно, экономистам!..

Но в Министерстве сельского хозяйства толковый, опытный зоотехник, когда я передал ему заключение экономистов, поморщился:

— Отрываются от грешной земли ученые мужи. Комплексная механизация! Да по плечу ли она сегодня колхозам и совхозам? У нас же на фермах вообще преобладает ручной труд. Вообще преобладает! Вот данные, пожалуйста: из каждых ста колхозных и совхозных коров в стране девяносто шесть, заметь, девяносто шесть из ста, доятся вручную, а семьдесят три и не нюхали автопоилок. И в такой обстановке кричать о комплексной механизации? Да это же прожектерство! Сколько у нас коров на фермах? Миллионы? Попробуй-ка снабди каждую персональной автопоилкой! Сколько надо металла? А заводы когда с этим управятся? А ведь автопоилки — ты сам видел — вовсе не решают проблему. И при них и при электродойке все еще высоки затраты труда. Автопоилки — это самое простое, и этого-то простого нам вдоволь пока не дала промышленность. А экономисты твердят о комплексе. Нереальные люди...

И он развел руками: рад бы, мол, в рай, да грехи не пускают...

А прошлым летом на юге председатель большого колхоза, миллионер из миллионеров, убеждал меня:

— Да ты охолонь, ради бога! Производительность у нас на фермах низкая? Молоко дорогое? Мясо дорогое? Ручной труд? Переживем! Людей у нас все равно девать некуда, пускай работают в охотку. А будут убытки от молока и мяса, мы их прибылями перекроем. Какими? Да от садов, от огородов, от свеклы, от зерна есть у нас прибыль? Еще и какая! Перекроемся... Тут главное, народу молочко дать, главное, мясо дать. А гроши... Да грець с ними, с грошами, мы их на другом заработаем!

И он говорил это с гордостью: вот, мол, ни с какими убытками и жертвами не считаюсь во имя снабжения народа!

Да, это было прошлым летом, как раз в те дни, когда Александр Гиталов и Николай Мануковский начисто вытесняли ручной труд с кукурузных полей. Догоняли Америку по самому главному, по самому важному счету — по счету производительности труда.

Но той же осенью в журнале «Октябрь» была напечатана статья секретаря Краснодарского крайкома партии Ф. Коломийца, в которой он признавал, что в колхозах Кубани на центнер молока расходуют два с половиной — три человеко-дня. Человеко-дня! Щедрые кубанцы не часами, а днями считали трудовые затраты. Три человеко-дня — двадцать четыре часа. А в Америке, как сообщала печать, центнер молока «стоит» меньше пяти часов...

И думалось: «Да неужто в огромном и могучем животноводческом цеху государства не найдется своих смельчаков-запевал, своих Гиталовых и Мануковских?!.»

Формула Сергея Дудченко. Тащев учит. Магнитка и корова

Нет, неправда, были они. И одного из них, Сергея Ивановича Дудченко, повидал я на Черниговщине, а в Киеве о нем говорили так: «Тридцатитысячник, инженер-конструктор, начальник главка республиканского министерства, по доброй воле выбрал отсталейший колхоз в селе Иваницах, выбрал такой колхоз, на котором «три года бюро райкома сидело полным составом, да так-таки ничего и не высидело». А выбравши этот колхоз, на который районные власти махнули рукой и лишь поддерживали его, что называется, на подпорках — кредитами и безвозвратными даяниями,— он, Сергей Дудченко, устроил в этом колхозе за два года «полный переворот». А четыре года спустя все «удесятерил»: и выход молока, и мяса, и денежные доходы, и выдачу на трудодень...

Разумеется, все это — инженер-тридцатитысячник и «полный переворот» в захудалом колхозе — было не в новинку. Не то что очерки, а толстущие романы уже были написаны об этом. Но вот что заинтересовало: рассказывая о Дудченко, киевляне предупреждали, что и сейчас, после «переворота», хозяйство в Иваницах «выглядит не авантажно. Не для кино...».

Из Киева мы выехали вместе. Дудченко — он не молод, сединкой тронуты темные волосы, но руки необыкновенно сильны, под рукавами бугрятся мускулы, и крепкие пальцы цепко держат баранку руля,— Дудченко вел машину лихо, стремглав гнал ее по асфальту и молчал, не оборачивался. Но в Прилуках на автостанции, где он отлучился насчет заправки, к нам подошел немолодой селянский дядько. Прикурил. Осмотрел машину. Спросил:

— Чья?

Ответили:

— Дудченки.

— Иваницкого? — оживился дядько.— О, тот знает маневр!

— Какой?

Дядько посмотрел на нас хитрющими, серыми, с рыжинкой глазами, усмехнулся:

— А вы не чули байку про двух ковалей? Нет? Ну как же!.. Являются в село два коваля — наниматься. Один важный, солидный, ус подкручивает, а другой худой, невидненький, жмется сзади него. Кого нанимают? Понятно, солидного. Командуют ему: «Спеши, друг, жить дальше нельзя без коваля!» «Э, нет,— говорит,— подождите! Первый вопрос: ставьте мне образцовую кузню!»

Идет месяц, другой, а коваль и за ухом не чешет, все у него вопросы: то ему дайте горно особенное, то купите дорогой мех. А невидненький коваль нанялся на хутор, зашел в ихнюю завалюху, дрючком стену подпер, мех залатал, огонь развел, поплевал на руки — враз и коней подковал, и колеса ошиновал, и лемеха оттянул... Поняли? А не так у нас другой раз случается, как у того важного коваля? Говорят голове колхоза: «Берись, друже, за молоко, за мясо, надо Америку догонять!» А он? «Нет,—говорит,— подождите, первый вопрос: создайте мне условия! Дайте мне миллион в кредит да отпустите кирпича, да железа, да шифера, да чугунных труб. Буду строить образцовую ферму. Да еще подмогните насчет кормов, особенно концентратов, аж тогда, дайте срок, будет вам мясо...»

— А Дудченко не так?

— А Дудченко вот как. Образцовой фермы у него и по сей день нема, так что можете до дому вертаться: парадного там, в Иваницах, не побачите. Что же он сделал? Да приспособил все сараюшки, все завалюшки под скотину. Развел ее видимо-незидимо, в тесноте развел, в грязи, а все-таки погнал молоко и мясо. С первого года погнал, да еще и как! И молодец! Разве ж народу фермы нужны, чтоб на них любоваться? Народу молоко нужно, мясо нуж-

но, продукция, одним словом, а не стены, не кафель, не видимость... И вот пока другие хлопотали насчет кредитов та железа, пока пестались над образцовыми постройками, Дудченко их на голову обошел. Маневр?

Да, он был прав, прилукский дядько: в Иваницах мы «не побачили» ничего «парадного». Скота, правда, было много, особенно свиней — в глазах рябило от этой бело-розовой хрюкающей, колышущейся массы. Но теснота в свинарниках была ужасающая. Во всех бригадах шла стройка, возводились просторные корпуса, но только воздоились...

— Время выиграли, темп выиграли! — сказал Дудченко, словно бы подтверждая слова дядька.— Кабы мы в самых примитивных условиях не развернулись с молоком и мясом, а ждали конца стройки,— быть бы нам бедными.

Они не стали бедными! Колхоз уже получал — повторяю, в самых примитивных условиях — почти по триста центнеров молока и по семьдесят центнеров мяса со ста гектаров...

Другим, совсем другим был озабочен иваницкий председатель.

— Заходил в Киеве в молочный магазин,— рассказывал он, нервно меряя шагами комнату.— Совестно смотреть в глаза людям! Пять лет прошло после сентябрьского Пленума, а цену-то мы не снижаем на молоко! Молока много, а цена та же! Почему? Думаешь, это зависит от правительства? Да от нас же это зависит! От колхозов! От совхозов! Меня, коммуниста, послали в село — должен я думать о благополучии рабочего человека? О бюджете рабочей семьи должен я думать? А у нас собивартисть — по-русски говоря, себестоимость — такая в колхозах, что еле укладываемся в высокую закупочную цену... А кой-кто и не укладывается... Собивартисть в колхозах кой для кого — это цифирка в сводке, а это ж острейший вопрос для народа, для рабочего класса! Что завтра нам, колхозникам, скажет рабочий человек?

— Какой же выход?

Дудченко нахмурился.

— Выход! Вот думаем...— Он подошел к столу, переворошил кипу бумаг.— Вот они, проекты коровников и свинарников. Типовые! А хоть один из них рассчитан на то, чтобы получить продукцию без ручного труда и при наименьших затратах? И цели такой не ставили перед собой уважаемые проектанты. А я же сам конструктор! Я знаю: если тебе дают задание, так ты, будь ласка, так спроектируй коровник, так разработай технологический процесс, чтобы я получил наидешевейшее молоко!.. А тут что? — Он резко отшвырнул проекты.— Тут же дорогие толстостенные постройки, устаревшая, громоздкая механизация и вдобавок ручной труд. Заранее рассчитано на отставание от Америки по производительности... Наука!

— Но выход?

— Думаем,— сдержанно сказал Дудченко и устало предложил: — Спать пора!

Это было осенью, а в один из первых февральских дней он приехал в Москву, вошел взбудораженный, веселый, шумный, потряс газетой:

— Ну, пошли в ход дела! На декабрьском Пленуме говорили! На съезде говорили! Честно признали: по производительности отстаем от Америки. Поставили как боевую задачу...

Прошелся по комнате и предложил:

— Ну, времени у меня в обрез. Айда-ка к москвичам. Посмотрим новинки механизации...

— В институт? К архитекторам?

— А! — отмахнулся он.— В Балашиху поедем, там, я слыхал, живет смелый человек...

В тот же день в Балашихе, в совхозе «10 лет Октября», директор Николай Андреевич Тащев — пожилой, седой, только глаза молодили его — вел нас по ферме. Что удивительно, и эта знаменитая ферма, как и у Дудченко, выглядела «не авантажно». Хозяева явно не рассчитывали на «кино». Старенькие, обычные свинарники были расширены по дешевке, но так, что вмещали по тысяче свиней — вчетверо больше, чем раньше. Свиньи были отменные, но Дудченко это не удивило: и в Иваницах были не хуже!

— Сколько свинарок в корпусе? — спросил он у Тащева.

— Одна в смену...

— Одна на тысячу голов?! А сколько человек готовят и развозят корм для тысячи свиней?

— Не для тысячи,— спокойно возразил Тащев.— Три человека готовят и развозят корм для двенадцати тысяч...

— Не может быть! — вырвалось у меня.

Нет, это было именно так. Тащев подвел нас к высокому строению и показал кормокухню. Чудокухню! Корм варился в больших качающихся чанах, и только два человека, орудуя кнопками и рычагами, загружали чаны разнообразным «сырьем», и только один человек — шофер — через шланг «высасывал» корм в цистерну, а потом, подъехав к свинарнику, через тот же шланг спускал еще теплое варево в бункер. А свинарка открывала заслонку, и варево самотеком лилось в вагонетку...

— Автоматика, как на заводе! — восхищенно сказал Дудченко, схватив наметанным инженерским взглядом всю «систему».— Спасибо за науку, Николай Андреевич! Только мы, кажись, сделаем подругому. По-своему...

А на обратном пути, когда постройки совхоза скрылись из виду, он, до боли сжав мне локоть, сказал глуховато:

— Ну, знаешь, жив не буду, а годочка так через два получим мы литр молока за гривенник, а кило мяса за полтинник...

Сказал и поднял руку, остерегая: не спорь, мол, как ни дерзки цифры, а мы от них не отступимся, — и тотчас заговорил о том, что с мясом ему все ясно: уже продуман и делается механизированный свинарник, а с молоком... Что ж, и для коров уже поставлены рядышком два новых корпуса и соединены доильной площадкой. Да, да, площадкой: не доярка пойдет к корове, а корова — к доярке. Площадка же новозеландского типа— ничего нет зазорного перенять полезное у заморских крестьян, — очень удобная площадка: коровы в ней станут елочкой в два ряда, а доярка пойдет по траншее — это чтоб ей не нагибаться. Пойдет и за час выдоит шестьдесят коров. Минута — корова.

— Вот еще б кормить без ручного труда! — вздохнул он.— Есть, правда, соображение...

— Механический кормораздатчик? — подсказал я, вспомнив, что два года назад в совхозе «Шугарово» уже видел дивную эту штуку. Там доярка не разносила корм. Там она лишь нажимала кнопку пускателя, и поезд из пяти ковшей, проносясь над коровьими мордами, сам высыпал в кормушки и силос и сено...

Но Дудченко почему-то рассердила эта подсказка.

— Механизмы, механизмы! — поморщился он.— Да мы же молимся на корову! Пожалуйста, ваше величество, не волнуйтесь, ради Христа, мы вам все подадим на тарелочке с каемкой. Персональные поилки устроили! Трубы подвели! Траву зеленую, и ту разносим. Культ коровы! А сколько металла вгоняем в коровники! Ты не взвешивал? А я взвешивал! По два центнера металла на корову — вот она, наша механизация, а еще, говорим, неполная! А в стране-то миллионы коров! Сколько надо металла? Целой Магнитке пыхтеть на коров!.. Стоят они того?

Выругался и спросил неожиданно:

— А рассудок, он есть у коровы, как ты думаешь? — И тут же сказал властно: — Слухай, будь ласка, слетай в Пятигорск...

— А что там?

— Кажись, коровий рассудок взяли в расчет. Слетай — расскажешь.

Четыре тысячи триста разведчиков. Доверяйте корове. Главный счет...

В Пятигорске у меня был единственный знакомый адрес — колхоз «Пролетарская воля». Но не туда, нет, не туда в снежные и вьюжные дни этого февраля вела проторенная дорога. Четыре тысячи триста гостей — так сказали в городском комитете партии — за два месяца навестили не «Пролетарскую волю», а абсолютно безвестный до этого молочный совхоз. Четыре тысячи триста! Разве что Терентий Семенович Мальцев, разве что только он принимал по стольку ходоков за умом-разумом...

Директор, Герой Социалистического Труда Иван Александрович Прудников, видимо, совершенно обалдевший от неслыханного нашествия гостей, буркнул что-то, что можно было принять и за «милости просим» и за «черт вас носит», и, печально вздохнув, покорно повел нас на ферму.

— Измучили его вконец ходоки! — вполголоса сказал, шагая за директором, зоотехник из министерства Анатолий Антонович Котович.— Едут, едут, тратят командировочные. На днях с Дальнего Востока примчалась делегация. А зачем ездят? Что тут смотреть? Да метод же настолько прост и доступен, что все ясно из краткого описания. Именно в простоте сила пятигорского зачина... Смотрите!..

Нет, честное слово, даже обидной показалась эта обыкновеннейшая крестьянская простота и нехитрость пятигорского «метода». Вспомнилось, сколько мытарств претерпели колхозные председатели тут, на юге, правдами и неправдами доставая для ферм то «персональные» автопоилки, то подвесные дороги! Сколько копий сломалось в ученых полемиках о «системе» механизации в животноводстве, а между тем...

Весь смысл «конструкции» пятигорского коровника был в том, что там решительно ничего не было. Ничего: ни полов, ни кормушек, ни рельсов, ни труб, ни поилок!

В совхозе «Пятигорский». Фото Н. Резниченко.

Четыре стены. Земляной пол с соломенной подстилкой. Корыто, его по инерции сделали из металла, а должно оно быть деревянным или бетонным. Все... Как сказал один экскурсант-украинец, «к бисовому батьке повыкинули всю механизацию»...

По пустому сараю, уминая перемешанный с соломой навоз, разгуливали коровы. Они выходили во двор, устланный гравием и огороженный частоколом, подходили то к скирде сена, то к скирде пряного, пахнущего наваристым чаем кукурузного силоса, просовывали головы сквозь решетку и, похрустывая, уминали корм.

— Без рационов?! — испуганно воскликнул ходок с Орловщины, низенький, кривоногий, шустрый мужчина.— Без веса даете корм? От пуза? Да они же, проклятые, сожрут колхоз!

— Не сожрут,— успокоил его Прудников.— Они же видят, что корма много, и не жадничают. Подсчитано: на прокорм коровы уходит меньше сена и силоса, чем при рационах, а молока она дает больше...

— А на дойку когда гоняете?

— А зачем ее гонять? Она же с понятием,— улыбнулся Прудников, приласкивая ладонью крупную глазастую буренку.

А потом был час дойки, и у дверей в доильное помещение на самом деле в очередь стояли коровы. Это было уморительно: они стояли чинно, терпеливо ждали, пока доярка распахнет дверь, а входили, не торопясь, привычно занимали места в стойлах и протягивали морды к крохотным кормушечкам, куда доярка одним нажатием рычага всыпала из дозатора ровно полкило отрубей. Да, прав был Дудченко: тут явно рассчитывали на коровий «ум». Во всем устройстве фермы угадывалось явное уважение к рассудку животного...

— А кто навоз убирает? — не унимался орловец.

— Никто,— сказал Прудников.— Зачем его убирать? Пусть преет, накапливается, чудесное выйдет удобрение. А через полгода загоним сюда бульдозер...

— Дела-а,— как-то даже разочарованно протянул орловец, оглядывая ферму.— Полнейший примитив! Буду рассказывать — не поверят...

Да, это был примитив, но примитив умнейший, та самая простота, которая всегда соседствует с гениальностью. Все тут было сделано с умом, с умыслом, с расчетом на отдачу, а главное, на совершеннейшую доступность для любого хозяйства! Сараи тут стоили копейки по сравнению с той «копеечкой», в которую влетали четырехрядные механизированные дворцы из стекла и железобетона, которые повсеместно строились для коров по рекомендации сельскохозяйственной выставки. Но в том-то и смысл, что в дешевейших прудниковских сараях добывалось наидешевейшее молоко! На пятигорскую ферму пошло вдесятеро меньше металла, чем обычно, и это, конечно же, могло высвободить в масштабе страны едва ли не целую Магнитку! И если вчера, при старом методе, за двумя с половиной сотнями коров ходило двадцать три работника, то сейчас то же стадо обслуживали десять человек, а на каждую доярку «падало» шестьдесят две коровы. Шестьдесят две вместо двенадцати!..

Это был переворот. Это была, без всяких прикрас, революция в технологии молочного животноводства, в крупнейшем цехе народного хозяйства страны. И в том, что это был переворот, убеждала еще одна самая ценная, самая главная цифирка: на ферме Пятигорского совхоза центнер молока «стоил» четыре человеко-часа!.. Четыре, а не двадцать — двадцать пять, как на Кубани, о чем, повторяю, официально сообщал в журнале секретарь крайкома. Четыре, а не четыре с лишним, как в Соединенных Штатах Америки. Одним рывком, одним усилием при наименьших затратах и удивительной простоте пятигорцы вышли на рубеж, занятый американцами, и оседлали его...

Но Прудников не вполне был доволен.

— Лучшие фермы Америки получают молоко с еще меньшими затратами. В Калифорнии, пишут, тратят на центнер три часа с минутами...

— В чем же вы от них отстали?

— В механизации.

— В механизации?! — не понял я.— Да вы же ее всю повыбросили «к бисовому батьке»!..

Нет, оказывается, не всю. «Повыбросили» громоздкую, лишнюю, «персональную» механизацию. Но, как воздух, нужны были отличные доильные аппараты: нынешние на шесть — семь лет отстали по конструкции от лучших европейских и американских образцов. Нужны были, и опять-таки отличные, механизмы для переработки молока. Нужно было легкое, удобное навесное орудие для резки и уборки навоза...

— Эх, если б развернулись заводы! — вздохнул Прудников.— Если б развернулись! Мы же им вдесятеро уменьшили объем работы. Если б они нажали на качество...

Мы сидели в директорском кабинете. На столе стоял макет новозеландской «елочки», о которой толковал Дудченко. Прудников сказал нетерпеливо:

— Ну, что ж, теперь мы дорожку пробили, надо внедрять. Скорей внедрять...

— По всему югу?

— Уже выдумали! — рассердился он.— Уже выдумали отговорку... Да кто же это сказал, что наш метод годится только для юга? Чепуха! В Канаде при сорокаградусных морозах держат коров без привязи — и ничего. А для Сибири уже есть придумка: строить вместе четыре скотных двора на четыреста голов и только в одном устраивать механизацию. А коров гонять по очереди на кормление и дойку...

Он задумался, черты лица его смягчились:

— А знаешь, хоть и замучили меня гости, а все же польза: посмотрел людей. И вот что скажу: сильный народ! Да разве ж такие у нас были раньше председатели, директора, бригадиры? Небо и земля! Сейчас приезжали образованные, дельные, настырные. О, сильный народ...

Да, пожалуй, из всего, что я видел, это было самое главное. Я вспомнил Дудченко, образованного, опытнейшего человека, который сменил в Иваницах растяпу-председателя; посмотрел на Прудникова — человек восемь лет директорствовал во всемирно знаменитой «Кубани», совхозе с просто-таки выставочным порядком, и вот поехал сюда, к разбитому корыту, и сделал из него «картинку», а теперь опять, как в «Кубани», задает тон на всю страну. Вспомнил подмосковного Тащева и подмосковного же Минина, давнего бойца за дешевое молоко. Да, это были хозяева образца семилетки — не чета тем полуграмотным, неумелым практикам, которые еще вчера встречались в деревне!

— А неплохо получилось,— впервые высказал удовлетворение Прудников.— На декабрьском Пленуме Никита Сергеевич сильно сказал насчет производительности труда в сельском хозяйстве, а у нас к той поре уже и образец был готов! Неплохо, я думаю, начали семилетку животноводы...

Он нахмурился, на полном лице резко обозначились скулы.

— Только ж спрашивать надо! Народ сильный, с него надо и спрашивать по-крупному и подстегивать! Не только за тонны молока, не только за центнеры мяса, а за производительность, за себестоимость...

— По главному счету?

— Вот именно, по главному... Сдюжают!

...Перед отъездом из Пятигорска я побывал в «Пролетарской воле». Нельзя было не навестить Семена Васильевича Луценко. Что ж, «Пролетарская воля» жила, как всегда, широко и богато. К сорока миллионам рублей подкатился доход. Простились с трудоднем: рубль, хозрасчет — единственная мера действовала теперь и в производстве и распределении. Построили роскошную школу, закладывали на колхозные деньги больницу... И только на фермах, да, только на фермах, как и три, как и двадцать пять лет тому назад, доярки обслуживали те же двенадцать коров...

— Знаю, знаю, о чем спросишь! — предупредил Семен Васильевич Луценко.— У Прудникова на ферме был? Знаю... Неплохую придумали штуку...

Он сказал это, признаюсь, без восторга: как и всякий хозяин, он, понятная вещь, ревновал к соседу.

— Ну, а вы как? По-старому будем держать скот?

— Почему по-старому? Применим...

— Но людей-то у вас излишек? Чем займете?

— Мы-то? — усмехнулся Луценко.— А сады? А завод? Мы же завод консервный покупаем... Завод! На миллион банок в год... Займем народ!

Он не постарел, Семен Васильевич. В яловых сапогах, в полушубке, невысокий, ладный, он был похож на крепыша-юношу.

— Смотри, Семен Васильевич,— остерег его наш спутник, заместитель председателя крайисполкома Александр Николаевич Попов.— Смотри, как бы не обошли тебя дружки! Производительность труда у вас в животноводстве — ниже некуда. А спросят...

— А спросят — ответим!

— Этот сделает! — сказал Попов, ласково глядя на Луценко, отошедшего к дояркам.— Упрямый, хитрый, но сильнейший мужик. С такого полной мерой спроси — все сделает...

В подмосковном совхозе имени «10 лет Октября». Директор совхоза Н. Тащев и заведующий фермой Н. Исаев знакомят со своим хозяйством гостя с Украины С. Дудченко.

Фото Д. Ухтомского.

ШКОЛА ПРЕКРАСНОГО

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото А. Невежина.

Мы познакомились с большой группой рабочих и служащих московского завода «Станколит». Знакомство это состоялось не в цехе, не у станка. Все мы сидели в просторном зале клуба и слушали лекцию Г. Назаряна на тему, довольно далекую от заводской жизни: он посвящал нас в тайны музыки, учил слушать и понимать звуки, обладающие силой волшебства.

Можно быть слесарем или счетоводом, пожилым человеком или юношей, но в равной мере любить все прекрасное: музыку, живопись, театр. Много таких любителей и на заводе «Станколит». До сих пор каждый из них сам по себе прокладывал тропу к познанию искусства: ходил в концерты, посещал выставки, бывал в театрах. Но хотелось не только смотреть и слушать, наслаждаться отличным спектаклем или прекрасно исполненной картиной — хотелось вникать в суть, понять законы, которые существуют в мире прекрасного. Ведь иной раз знаменитая симфония оказывалась недоступной, в широко известных картинах не удавалось разобраться. Человек в подобных случаях говорит: «Не понимаю» или: «Мне не нравится». Бывает так, что хвалят плохую, фальшивую пьесу и, наоборот, бранят настоящую живопись и талантливую музыку.

— А ведь художники пишут картины, композиторы — музыку не для избранных,— говорит секретарь партокома завода «Станколит» Василий Филиппович Дудукин.— Значит, дело не только в произведении, а и в нас самих, в том, что маловато у нас знаний, не очень-то развит художественный вкус. А это ведь не пожизненно. Знания в области искусства можно приобрести так же, как и в любой другой. Это и навело нас на мысль создать в своем заводском клубе университет искусств.

— Мне кажется,— продолжает Василий Филиппович,— что каждому человеку, помимо своей профессии, следует знать много других вещей, конечно, если он хочет быть понастоящему культурным. Я окончил бауманское высшее техническое училище и на заводе работаю уже двадцать пять лет. Чтобы знать музыку и театр, разве достаточно слушать радио, читать рецензии в газетах?

В университете искусств В. Ф. Дудукин занимается на двух факультетах сразу: музыкальном и театральном.

Примеру Дудукина следуют многие; в университете около двух тысяч постоянных слушателей. Здесь директор завода «Станколит» Петр Федорович Кулешов, револьверщица завода «Борец» Тамара Ягодина, студенты, инженеры, школьники...

Дудукин знакомит нас со слушателями, которые работают на «Станколите».

Лида Филина, окончив 10-й класс, решила во что бы то ни стало стать актрисой. Но пришлось ей работать на заводе в скромной должности счетовода, и она теперь мечтает о другом: поступить в вечерний механический техникум, в котором учатся многие ее подруги и товарищи по работе.

Когда в клубе завода «Станколит» началась запись в университет искусств, Л. Филина взяла себе два абонемента — на музыкальный и театральный факультеты. Ведь театр-то Лида любит по-прежнему. Но теперь она будет не только смотреть, как в огнях рампы расцветают возвышенные чувства, но и проникнет за театральный занавес; узнает о творчестве своих любимых актеров из Малого и Художественного театров, о знаменитых симфониях, выдающихся композиторах и драматургах.

Анатолий Двойнин — модельщик. У него на учете каждая минута: он участвует в самодеятельности, занимается в спортивной секции, учится в вечернем механическом техникуме. А теперь стал слушателем театрального факультета. На этом же факультете учится и Александр Соболев, который работает в ОТК по разметке сложных деталей. Одновременно он занимается в вечерней школе.

— Не мешало бы,— говорит Соболев,— здесь же, в клубе, продавать книги по искусству. Специальная литература нам очень нужна. Ведь я о театре, вернее, о его истории, слышу впервые в жизни.

Михаил Захарович Хазанов, начальник транспортного цеха, занимается в университете вместе со своей женой, Марией Яковлевной.

— Я вчера до глубокой ночи хозяйничала,— улыбается Хазанова,— чтобы освободить сегодняшний день и прийти на лекцию.

Мария Яковлевна работает в районном отделе народного образования и преподает географию в школе. Она окончила два вуза: экономический и педагогический.

— Это будет третий,— говорит Хазанова.— В университете занимается много наших педагогов. И хорошо! Честно говоря, в школе да и в семье слишком мало еще внимания уделяется эстетическому воспитанию детей. И главным образом потому, что часто мы сами плохо знаем и понимаем музыку, живопись, театр. Университет многому научит и нас, преподавателей, и родителей.

Виктор Мушников сам еще недавно выступал здесь, в этом зале. Он делился опытом своей работы, рассказывал, как вместе со своими товарищами добивается почетного звания — бригады коммунистического труда. Виктор — бригадир. Занятия в вечернем техникуме — серьезная вещь, но он нашел время и для учебы в университете искусств, так как убежден: человек нового, коммунистического общества должен быть всесторонне развитым и культурным.

В университете три факультета: театральный, музыкальный и изобразительных искусств. Курс обучения рассчитан на два года. За это время слушатели познакомятся с историей и теорией театра и музыки, с основными формами и жанрами русского и западноевропейского искусства; живописью, графикой и скульптурой; с жизнью и творчеством выдающихся русских, советских и зарубежных художников, композиторов, актеров и драматургов.

Каждая лекция иллюстрируется сценами и отрывками из опер, драматических представлений, сопровождается музыкальными фрагментами. Слушатели посещают выставки и музеи.

←
В университете занимаются и ученики 10-го класса 295-й школы...

Лекция иллюстрируется сценами из драматических постановок. Слушателям показывают отрывок из «Недоросля» в исполнении артистов театра имени Моссовета.

СУДЬБА ПОДВИГА

С. МОРОЗОВ

Его имя в одном ряду с именами Колумба и Баренца, Магеллана и Дежнева. Его портреты на страницах школьных учебников и на стенах академий. Это он полстолетия назад запрятал меж ледяных торосов бутылку с запиской:

«90° с. ш. Северный полюс.
6 апреля 1909 года.
Сегодня я водрузил национальный флаг Соединенных Штатов Америки в точке, где, согласно произведенным мною астрономическим определениям, лежит северо-полярная ось Земли...

Р. Э. Пири».

Шелковое знамя, подаренное Роберту Пири женой, пятнадцать лет сопровождало его в высоких широтах. Он неизменно оставлял кусочек ткани в самой северной точке, которой удавалось достичь. Если сложить вместе все время, потраченное американским путешественником на экспедиции в Арктику и на подготовку к ним, то в сумме получится 23 года. Почти четверть века!

Кого не взволнуют строки, переведенные на многие языки мира, изданные миллионными тиражами, строки, впервые начертанные карандашом в помятой тетради походного дневника при свете незаходящего солнца полюса:

«Об этом нелегко писать, но я знал, что мы вернемся домой с повестью, которую мир жаждал услышать в течение четырех столетий, с победной повестью о разрешении человеком труднейшей географической задачи... Моя мечта претворилась в действительность. Не верится... Все кажется таким простым и обычным».

Да, надоевшей, примелькавшейся картиной были для Пири заснеженные торосы, черные пятна разводий, туман испарений. Сырой мороз пронизывал до костей. После сотен километров на собачьих упряжках и пешком по дрейфующему льду океана хотелось только одного: спать. Ломило суставы от ревматизма, мучительно ныли кости ног, сросшиеся после давних переломов, болели натруженные ступни, на которых не хватало пальцев.

Роберт Пири.

Героичен облик Роберта Пири — первооткрывателя Северного полюса. Но многое в его дневниках читается порой с усмешкой, с горькой усмешкой сожаления. Очень уж противоречивой была эта несгибаемая натура, очень уж часто самоотверженный риск сочетался с мелочным и вздорным расчетом.

Доктор Гудсэл, профессор Марвин, капитан Бартлетт — все они были верными спутниками Пири в многолетнем штурме твердынь Арктики. Но в последней экспедиции к полюсу он доверил им только вспомогательные партии, поочередно отсылая каждого обратно, по мере того, как преодолевался очередной участок пути. Американец Пири не хотел делиться славой ни с кем из белых. В последнем, решающем броске к полюсу его сопровождали негр Хенсон и четыре эскимоса: Ута, Укеа, Сиглу и Эгингва. «Цветные», люди «низшей расы» были не в счет для национального героя Соединенных Штатов.

И судьба жестоко посмеялась над честолюбцем...

Хоть и целая армия газетных корреспондентов встречала экспедицию Пири на обратном пути, но лавры первооткрывателя у него едва не похитили. Видный полярный исследователь доктор Фредерик Кук за время отсутствия Пири успел объявить, что побывал на полюсе еще раньше — в апреле 1908 года. В падкой на сенсации прессе разгорелась бурная и долгая полемика, нередко носившая скандальный характер. Кук не брезговал прямой клеветой. В 1911 году, когда Пири должны были присвоить чин адмирала, его соперник писал президенту Соединенных Штатов:

«Если вы подпишете билль о Пири, то тем самым вы окажете честь человеку с греховными руками, похитившему деньги у наших невинных детей. Часть этих денег, я полагаю, ушла на то, чтобы распространить в Арктике многоженство. В данное время на безотрадном севере есть по крайней мере двое детей, которые кричат по хлебе, молоке и своем отце. Они являются живыми свидетелями пакостей Пири, который покрыт паршью невыразимого порока...»

Кук сумел представить многочисленные «доказательства» своего вымышленного посещения полюса. Такие полярные авторитеты, как американец А. Грили и норвежец О. Свердруп, выступали в его защиту. Только позднее путешественникам Расмуссену и Мак-Миллану случайно удалось разоблачить мистификацию. Повстречав эскимосов—недавних спутников Кука,— они установили, что предприимчивый доктор прошел по морскому льду к северу лишь двенадцать миль и здесь, водрузив над снежной хижиной американский флаг, сфотографировал его. Эскимосы узнали фотографию в книге Кука, где под снимком стояла подпись: «На полюсе».

Так люди «низшей расы» помогли восстановить попранную справедливость в отношении «белого джентльмена» Пири.

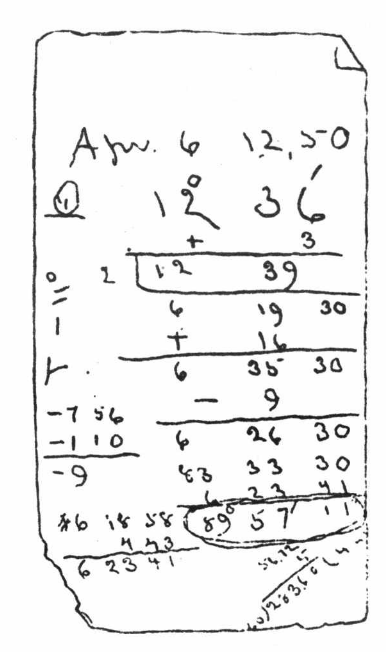
Грязная авантюра не случайно стоит рядом с великим географическим открытием. Таков стиль отношений между людьми, обуянными тщеславием, таковы волчьи законы бизнеса.

Сегодня, оглядываясь на полувековой путь, пройденный с той поры человечеством в полярных странах, стоит задуматься над судьбой подвига Пири.

Как бы смел и самоотвержен ни был путешественник, но, ослепленный личным честолюбием, он неизбежно становится близоруким. Современники Пири — норвежский ученый Ф. Нансен и русский адмирал С. О. Макаров, также стремившиеся к полюсу,—как известно, не достигли его. Но они сослужили великую службу науке, прогрессу: Нансен заложил основы арктической океанографии, Макаров, создав ледокол, открыл новую эпоху в мореплавании. А наследие Пири более чем скромно. Доведенная им до совершенства методика санных путешествий с развитием техники изжила себя. На смену собачьей упряжке в Арктику пришел мотор. Пири был еще жив, когда поляк Ян Нагурский, офицер русского флота, стал первым в мире полярным авиатором. Сменил нарты на самолет и дирижабль Руал Амундсен, в свое время многому научившийся у Пири.

Однако технический прогресс сам по себе не решал еще проблемы освоения Крайнего Севера. Новая география Арктики была создана после великих социальных перемен, происшедших в мире. В отсталой некогда России, ставшей первой в мире социалистической державой, наука, поставленная на службу народу, сотворила чудеса.

Там, где дрейфовал на своем «Фраме» Нансен и зимовал у пустынных берегов Амундсен, пролегла судоходная трасса Северного морского пути. На лед полюса, к которому тернистым путем десятилетия пробирался Пири, советские воздушные корабли доставили отряды ученых, оборудование больших обсерваторий. На заснеженных островах зажглись огни полярных станций. В устьях сибирских рек выросли порты. В тундре задымили заводы. Сквозь вечную мерзлоту к богатствам полярных недр устремились стволы шахт.

Астрономические определения Пири на полюсе.

Каждое лето все флаги мира гостят в Игарке: нет в мире леса лучше енисейского. Морскими воротами Тикси обогатилась прежде оторванная от мира Якутия. Ярче северного сияния светит электрическое зарево Норильска.

Диксон, Певек, бухта Провидения... Что ни точка на карте, то очаг мирного созидательного труда. Неузнаваемо преображен фасад Советской страны, обращенный к северу.

Ну, а там — в западном полушарии,— по другую сторону полюса? Что имеют сегодня в своем активе соотечественники Роберта Пири?

Поселок Туле на севере Гренландии известен миру как база дальнебомбардировочной авиации США.

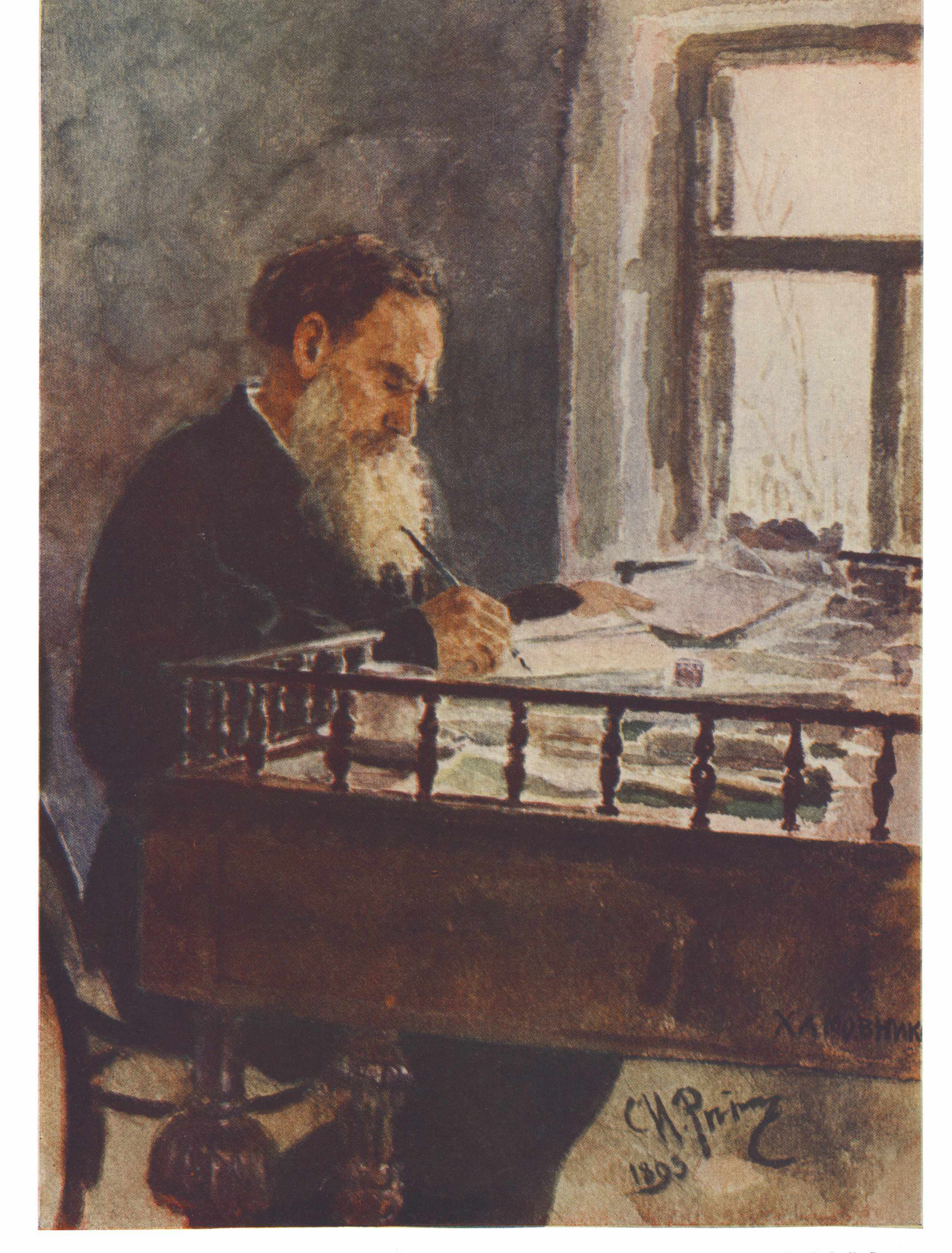
Метеорологическая станция на ледяном острове, дрейфовавшая несколько лет в районе полюса, недаром именовалась «Тарджет» («Мишень»). Ее создавали и обслуживали авиаторы Аляскинского военно-воздушного округа.

Не раз после второй мировой войны в моря американской Арктики отправлялись вслед за ледоколами авианосцы, крейсеры, эсминцы.

Когда летом прошлого года атомная подводная лодка «Наутилус» прошла подо льдом через полюс из Тихого океана в Атлантику, американская печать откровенно подчеркивала не столь научное, сколь военное значение этого плавания.

Факты говорят сами за себя.

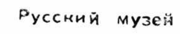
Но логика истории, воля народов — против поджигателей войны. Современная Арктика, освоению которой служит труд многих поколений и разных наций, принадлежит всему человечеству. В этом смысл подвигов первооткрывателей.

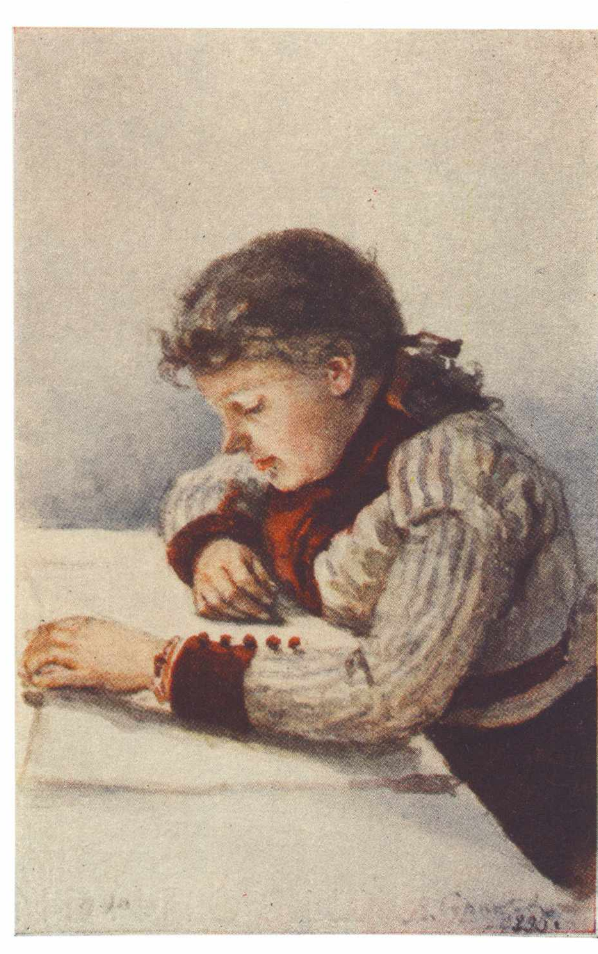

И. Е. Репин. ПОРТРЕТ Л. Н. ТОЛСТОГО, 1893 год. Музей Л. Н. Толстого.

АКВАРЕЛИ РУССКИХ МАСТЕРОВ ЖИВОПИСИ

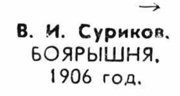
И. Е. Репин. ПРИЕЗД ЦАРЕВИЧЕЙ ПЕТРА И ИВАНА НА СЕМЕНОВСКИЙ ПОТЕШНЫЙ ДВОР. 1900 год.

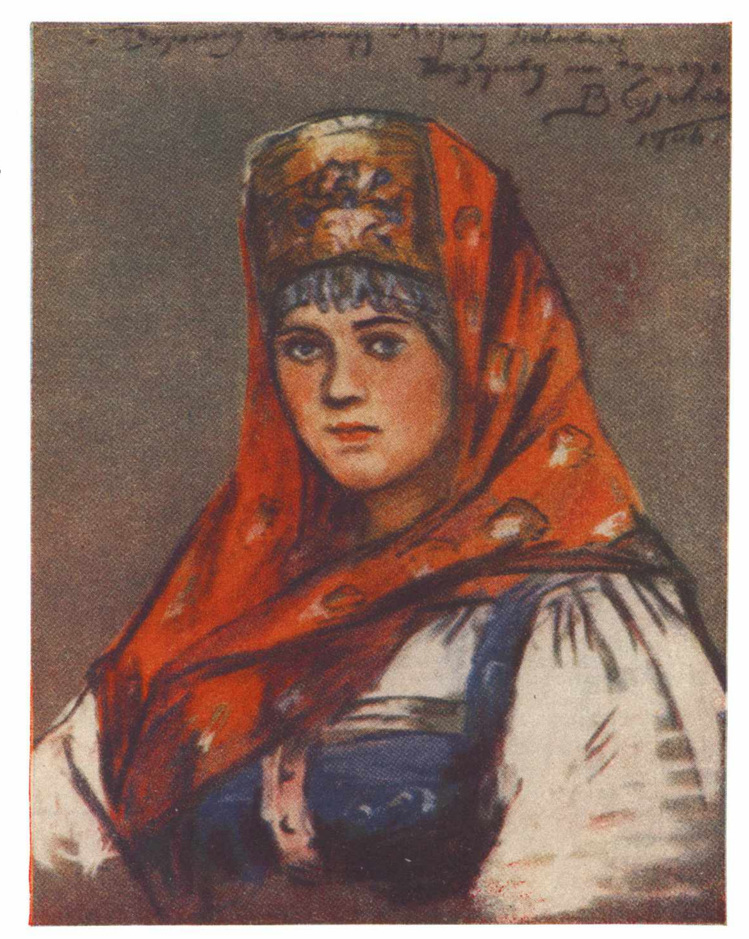

Русский музей

Б. И. Суриков.
ПОРТРЕТ
К. М. ВЕРХОТУРОВОЙ.
1890 год.

Государственная
Третьяковская
галерея.

→
В. И. Суриков.
БОЯРЫШНЯ.
1906 год.

Куйбышевский
художественный
музей

И. К. Айвазовский. МОРЕ.

Третьяковская галерея.

А. А. Иванов. ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК В РИМЕ. 1842 год.

Третьяковская галерея.

К. П. Брюллов. СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА В ИТАЛИИ. 1830 год. Третьяковская галерея.

Многие русские художники любили акварельную технику за ее тонкость, прозрачность и своеобразное изящество. Хорошая акварель как бы светится изнутри, белая бумага всегда «звучит» сквозь тонкий слой водяных красок.

Акварель не любит поправок и многократных прописок, поэтому художник, работающий в этой технике, должен уверенно и точно рисовать, безошибочно чувствовать цвет.

Недаром такие замечательные рисовальщики и живописцы, как Александр Иванов, Брюллов, Репин, в то же время были превосходными акварелистами.

Большую серию акварельных работ создал известный маринист Айвазовский. Художник чрезвычайно правдиво передал и прозрачность морской воды и особую чистоту, свежесть воздуха.

Мастером акварельного портрета был Илья Ефимович Репин. Портрет Льва Толстого за работой написан Репиным в московской усадьбе Толстых, в Хамовниках. Помимо необычайного мастерства, произведение это подкупает своей искренностью, простотой, особой «светоносностью».

В своих многочисленных акварельных портретах и этюдах В. И. Суриков добивался не только точной характеристики образа, но и насыщенности, интенсивности цвета. В этом смысле акварели Сурикова не уступают его работам маслом.

Однако не только пейзаж и портрет являются достоянием акварельной техники. Ею можно выполнять и сложные жанровые и исторические композиции. Особой популярностью пользовались жанровые сценки, написанные акварелью, в первой половине XIX века, их авторами нередко были крупнейшие художники: Иванов, Брюллов, Федотов...

В произведении А. Иванова «Октябрьский праздник в Риме» изображен один из эпизодов традиционного осеннего праздника итальянского народа — так называемый «Танец Воздыхания». Девушка в белом платье приглашает на шуточный танец долговязого старика-англичанина, видимо, богатого туриста. Чопорный иностранец, которого под руки ведут к партнерше, не очень-то расположен к веселью и тем более танцам.

Репин избрал сюжетом для своей композиции встречу молодого царя Петра с «потешными».

Потешные войска со временем перестали быть простой забавой царевича, они стали ядром Семеновского и Преображенского гвардейских полков, а затем и всей регулярной армии. Но вместе с тем серьезной воинской подготовке в потешных войсках сопутствовали всякого рода озорство и шуточные обряды, изобретателем которых был главным образом сам Петр. На репинской акварели мы видим царя, лихо отплясывающего в паре с шутом.

В музеях к акварельным работам относятся особенно бережно. Как правило, их не бывает в постоянных экспозициях, они хранятся в фондах. А если акварель и попадает на выставку, то ее прикрывают матерчатой шторкой, потому что, к сожалению, у «водяных красок» есть один большой недостаток: они выцветают на свету.

Г. АЛЕКСЕЕВ

РАЗНОЦВЕТНЫЕ КАМЕШКИ

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки Д. ДУБИНСКОГО.

1

Был десятый час вечера. Слегка прихрамывая, Григорий Афанасьевич шел берегом моря.

В сандалиях на босу ногу, в измятых парусиновых брюках и в парусиновом пиджаке ему было легко и просторно. В карманах лежали московские папиросы «Казбек», чистый носовой платок. И он был один. Что еще нужно отставному полковнику, доживающему свой срок в южном доме отдыха?

Возле столовой, за балюстрадой, по бетонной площадке шаркали под радиолу мужчины и женщины. Так они будут шаркать и шаркать до самого отбоя, до тех пор, пока не погасят фонарь.

Впереди чернел Карадаг. Григорию Афанасьевичу казалось, что он различает в темноте отроги и скалистый хребет, хотя то, что он принимал за хребет, было уже небо. Море тоже едва угадывалось, и неизвестно было, где кончается черная вода и начинаются черные небеса.

Григорий Афанасьевич приезжал в Крым второй год подряд. Он любил соленый воздух лукоморья, грохот волны и раскаленную солнцем гальку. Его тянули сюда и воспоминания: лет тридцать пять назад он привозил в эти места жену Леночку, и они целый месяц прожили под солнцем, как дикие мартыны, без денег и без крова. Они лазали воровать цветы на соседнюю дачу, забирались на Святую гору и пели на могиле татарского проповедника: «Долой, долой монахов, долой, долой попов!» Заводилой, конечно, была Ленка. С тех пор она сильно сдала, теперь сидит дома, в Малаховке, сажает цветы и поливает грядки. Недавно пошла на рынок в его пиджаке, бренчащем орденами и медалями... Григорий Афанасьевич улыбнулся. Он уверен, что и сейчас, уходя на рынок, она прячет ключ в условное, известное только им двоим место. Под верхний наличник. Сказывается привычка думать о муже.

Второй раз Григорию Афанасьевичу пришлось быть здесь в горячие годы войны. Осенней штормовой ночью он высадился с десантом на крымскую землю и чуть не сложил под Эльтигеном свою бритую голову.

И вот теперь, уже на склоне лет, второй год подряд он приезжает сюда, в дом отдыха железнодорожников. Путевку ему достают по обменному фонду. Людей, не имеющих отношения к Министерству путей сообщения, здесь считают чужими и называют «обменный фонд». Чужим считают и Григория Афанасьевича и опасливо смотрят на его серое, как пемза, лицо и на привычно сжатые командирские губы.

Медленно шагая, Григорий Афанасьевич зашел далеко. Вокруг было пустынно и тихо. Впереди мигала яркая точка — то ли фонарь на горе, то ли звезда на небе.

У воды смутно белела женская фигура. Он остановился и спросил:

— Нина?

— А то кто же... — послышался ответ.

Хотя было темно, он ясно представил себе худую фигурку Нины, ее ситцевое платьице, пятнами прилипшее к мокрому телу.

Он чувствовал, что она дрожит. «Простудится»,— подумал он укоризненно и собрался сделать замечание, но Нина отгадала его мысль.

— Ничего,— сказала она, разыскивая босой ногой туфлю.— Во мне жару много!

Ему не казалось странным, когда Нина угадывала, что он собирался сказать. Нина была единственным человеком, с которым он здесь дружил и беседовал. Их связывало давнишнее знакомство: еще с войны. В сорок третьем году он утащил ее прямо из-под носа у немцев. Правда, сам Григорий Афанасьевич забыл это событие — мало ли что бывало на войне,— но в прошлом году, когда впервые приехал в дом отдыха и пришел в столовую, Нина (она работала официанткой) от неожиданности чуть не уронила тарелки. Она сразу узнала его. Это было удивительно: во время боев под Эльтигеном ей было лет пять, не больше. А еще удивительней было то, что она помнила подробности, о которых не подозревал и Григорий Афанасьевич. Она вспоминала, например, что, когда по ним стреляли, он надел ей на голову свою каску.

— Честное комсомольское! — говорила Нина.— А когда вы упали, она с меня слетела и потерялась...

— Не может быть! — удивлялся Григорий Афанасьевич.

Ничего этого он не помнил. Помнил только, что в глазах плавали красные круги и губы высохли до того, что их можно было отколупывать, как яичную скорлупу. А может быть, помнил и еще что-нибудь, но скрывал, потому что слушать об этом от Нины было приятней.

Впрочем, Нина относилась к нему без особенного почтения. Вместе с подружками-официантками она подтрунивала над ним и называла его «обменный фонд»...

Нина нашла туфлю, достала из нее часики и, прыгая на одной ноге, обулась.

— Поедешь? — спросил Григорий Афанасьевич, подразумевая ее поездку в Харьков, в заочный техникум, и уверенный, что она поймет его.

— А как же! Поеду,— на лету поняла Нина.— Вы домой?

Так происходило каждый вечер. К половине десятого Нина убирала столы и бежала на любимое место «окунаться». К тому времени, когда она причесывалась, с неизменной офицерской точностью появлялся Григорий Афанасьевич.

Они пошли рядом.

— Идемте верхней тропкой,— предложила Нина.

Григорий Афанасьевич догадался, что ей хочется танцевать, и согласился.

Нина хорошо видела в темноте. Она подала ему руку и повела вверх по крутому склону. Светло было только на площадке между акациями и балюстрадой; дальше свет фонаря не пробивал темноты, и издали казалось, люди толкутся, как мошкара в светлом шаре, погруженном на дно крымской ночи. Музыка слышалась громче. Слышней и четче шаркали подошвы по цементной площадке: чик-чик, чик-чик, — словно работала паровая машина.

Нина вошла в полосу света. Музыка кончилась. Девчата столпились возле затейника, заспорили, какую пластинку ставить.

— Поставь «Пальчики»,— просила Нина.— «Пальчики» поставь...

Затейник отдавал предпочтение местным жителям.

Радиола запела:

Двадцать пальцев-крошек
Не любить нет сил.

Пары начали разбираться. «Чик-чик» — зашаркали по бетону туфли.

Пусть растут они все,
Живут они все
На радость мам и пап,
Пап, пап... пап-пап-пап...пап, пап... —

пела радиола.

На площадке становилось все тесней и плотней, а Нину никто не приглашал.

Она стояла под фонарем, стараясь делать вид, будто ей совершенно безразлично.

К сожалению, так бывало довольно часто.

И хотя внешне полковник в отставке оставался невозмутимым, он в таких случаях расстраивался и обижался.

«Молодые люди, а никакого вкуса,— ворчал он про себя, как старуха.— Ничего не понимают... Конечно, сбоку на нее будешь смотреть — ничего не увидишь. А ты имей терпение, дождись, когда она повернется и взглянет на тебя двумя глазами».

Действительно, в профиль Нина казалась некрасивой, но когда она смотрела в упор своими продолговатыми черными глазами, в ней угадывалось что-то неуловимо-привлекательное, яркое, восточное. Отец ее был татарин, мать — русская. И имени у нее было два: одно — русское, другое — татарское, нежное: Найле.

Среди других танцевала чрезвычайно высокая Надежда Борисовна. Она работала в техникуме, куда Нина собиралась подавать заявление. Григорий Афанасьевич просил ее присмотреть за Ниной в Харькове. Надежда Борисовна согласилась. Через три дня у нее кончался срок, и она предложила забрать Нину с собой.

Григорий Афанасьевич был благодарен Надежде Борисовне, но сегодня сердился и на нее.

«Удивительно,— думал он, глядя на ее лицо с густо накрашенным ртом, то и дело мелькающее над головами танцующих.— Ее приглашают, а Нину нет... А что она такое против Нины...»

— Я и не хочу танцевать,— сказала Нина.— Народу много, только ноги давить...

Она снова угадала его мысли. Ей было неприятно и совестно.

«Сама виновата,— подумал он сердито.— Зачем натянула джемпер? Зачем — лаковый пояс? Чтобы выдавались груди? Очень красиво!..»

Нина угадала и это.

— Я пойду, ладно? — сказала она, виновато взглянув на него снизу вверх продолговатыми черными глазами.

Ему стало жаль ее, и он проговорил примирительно:

— Спокойной ночи, Найле.

2

На следующий день перед ужином Григорий Афанасьевич, как обычно, пошел на волейбольную площадку. Там собиралось почти все пестрое население дома отдыха, множество игроков и еще больше зрителей. Приходила Надежда Борисовна, приходил профессор — специалист по тепловозам, иногда забегала Нина.

Большинство играть не умело. Профессору кричали: «Мазила!» Он виновато улыбался и бегал за мячом в колючий кустарник.

Надежда Борисовна никак не могла постичь премудрости перехода и не понимала, что значит перемена подачи. Однако это не мешало ей спорить, волноваться и после каждого удара спрашивать: «Какой счет?»

Ежедневно часов в шесть вечера появлялись «местные» — два парня и девушка. Они втроем приезжали на одном велосипеде. Это были ловкие, дочерна загоревшие люди, рабочие соседнего совхоза. Их называли «три мушкетера». Скрестив сильные руки, они с непроницаемыми лицами смотрели на бестолковую игру и, дождавшись очереди, вступали на площадку.

Прежде всего мушкетеры проверяли высоту сетки. Потом сетку испытывали на упругость. Потом надували и перешнуровывали мяч. Мушкетерша Муся заново прочерчивала границы площадки.

Когда приготовления заканчивались, самый высокий мушкетер командовал:

— Михаил — на третий номер... Муся — на четвертый. Нина — на подачу.

Профессор в полосатой пижаме жалобно смотрел на капитана. Тот медленно произносил:

— Пижама — в угол.

И низко над сеткой пролетал первый «крученый» мяч.

Но еще интересней становилось на волейбольной площадке, когда приходил Павел Евгеньевич — долговязый, слегка полысевший человек с длинной шеей и большим кадыком. На вид ему было немногим больше тридцати лет. Он приехал из Ленинграда на собственной «Волге» и остановился в пансионате. Ходил он в шелковой рубашке с короткими рукавами, которую называл «бобочкой», в тщательно отглаженных зеленых брюках и в соломенной шляпе с лентой. За лентой всегда торчало что-нибудь смешное: то куст полыни, то куриное перо.

Павел Евгеньевич играл во что угодно с утра до поздней ночи: со студентами — в шахматы, с парикмахером — в шашки, с осводовцами — «забивал козла».

Когда бы его ни позвали играть, он поднимался и говорил:

— Я, как пионер, всегда готов!

Очень быстро Павел Евгеньевич перезнакомился со всем пляжем. Играл он весело, с шалостями и тихие игры всегда превращал в шумные. Его называли Паша и взрослые и ребята. Держал он себя со всеми одинаково просто, приветливо, и только стороной можно было узнать, что этот долговязый шалун — известный научный работник, даже лауреат, автор трудов по меченым атомам.

Сегодня мушкетеры играли с какими-то новыми, белокожими людьми, а Паши еще не было.

Специалист по тепловозам сообщил, что вновь прибывшие — две супружеские пары, что все они четверо — строители железной дороги Тайшет — Лена, что одного мужа зовут Гоша-седой, а другого — Гоша-рыжий и что, самое главное, они один раз уже выиграли у самих мушкетеров!

Игра шла красиво, бесшумно. Мяч подолгу не подпускали к земле. Надежда Борисовна обижалась, что ее игнорируют, и Гоша-рыжий иногда пасовал ей, заранее мирясь с потерянным очком.

— Нинка! —закричал капитан мушкетеров.— Быстрей! Наших бьют!

К площадке шла Нина.

Она посмотрела на Григория Афанасьевича и надулась.

«Ну, так, что ли?» — обиженно и виновато спросили ее продолговатые черные глаза.

Он сразу заметил, что на ней нет лакового пояса.

— Сними часы,— проворчал он добродушно.

Нина отстегнула ремешок, нацепила свои теплые часики на его полную волосатую руку и с разбегу, как в холодную воду, бросилась на площадку.

Играла она прекрасно. Хотя счет был безнадежен и стоять приходилось против солнца, Нина делала все, чтобы помочь своей команде. Заметив слабое место, она стала подавать на Надежду Борисовну и этим коварным приемом заработала шесть очков. Счет постепенно выравнивался. Сибиряки заволновались, стали поругивать ни в чем не повинных жен и требовать от Надежды Борисовны, чтобы она принимала мяч «на пальчики».

Вскоре им снова удалось вырваться. Оставался единственный завершающий удар — и местные чемпионы с позором полезут под сетку.

Низко пролетел «крученый» мяч. Его приняли, навесили на Нину. Она выгнулась упругой скобкой, в воздухе свистнула ее длинная рука, и молниеносный, почти невидимый удар послал мяч в ноги противнику.

Довольная Нина словно невзначай стрельнула глазами в сторону Григория Афанасьевича: видел ли он, оценил ли?

— Вижу, вижу,— добродушно ворчал Григорий Афанасьевич, и Нина чувствовала, что он любуется ею, и была счастлива.

Она не переставала удивляться, зачем такой солидный, проживающий в Москве человек ради нее рисковал жизнью. Что она такое по сравнению с ним? Нина со страхом подозревала, что и ногу ему испортили из-за нее. Несколько раз она пыталась выяснить, когда его ранили, но бывший полковник отшучивался и уводил разговор от войны.

В его присутствии Нина всегда настораживалась, как лесная птица. Иногда нервное напряжение становилось невыносимым; в такие минуты она могла безошибочно определить, как он о ней думает — хорошо или плохо.

А думал он почти всегда хорошо, и за это Нина любила его. Ей всегда хотелось сделать для него что-нибудь нужное, важное.

Но что она могла сделать, такая никчемушка?

Быстрей обслуживать посетителей в столовой, быть вежливой и внимательной к отдыхающим да стараться лучше всех играть в волейбол — вот все, что было возможно.

«Поеду в Харьков, поступлю в техникум, тогда поглядим...» Нина стала думать, что будет, когда она кончит техникум, но вовремя спохватилась: прямо на нее летел мяч.

Нина похолодела. Проворонить очко при Григории Афанасьевиче!.. Ужас! Собравшись в один тугой мускул, она ловко достала мяч и, довольная, взглянула на Григория Афанасьевича.

Она взглянула на него и застыла от неожиданности: он смеялся.

Смеющимся она не видела его почти никогда. Но сейчас он смеялся, колыхаясь всем своим большим, грузным телом.

Ничего не понимая, Нина осмотрелась. Все вокруг хохотали. Сняв очки, смеялся профессор. Надежда Борисовна заливалась, как маленький ребенок.

«Неужели надо мной?» — испугалась Нина.

— Что наша жизнь? Игра! — послышалось откуда-то сверху.

Она обернулась.

На суку шелковицы сидел Паша и любовался всеобщим весельем.

Вскоре все выяснилось. Оказывается, он пришел со своим мячом, бросил его Нине, и несколько секунд возбужденные волейболисты играли двумя мячами.

— Паша, к нам! К нам, Паша! — кричали с обеих сторон.

Он спрыгнул на площадку, громко возвестил: «Счет ноль — ноль», — и началась потеха.

— Беру-у-у! — дико кричал Паша, устремляясь к мячу, летящему в аут. Он поднимал пыль, опрокидывал скамейку, падал на зрителей, и мяч сбивал с него соломенную шляпу.

Он резвился, как маленький ребенок: то метался по площадке, расталкивая игроков, то замирал, растопырив ноги, в позе индийской танцовщицы, то с вытянутым лицом подходил к сетке и спрашивал упустившего мяч профессора: «Как ваша фамилия?», — то примерялся подавать «бомбу» и посвящал эту свою особенную подачу Надежде Борисовне, с которой уже был знаком и однажды ходил в горы.

— Какой счет?! — кричала Надежда Борисовна счастливым голосом, но все смеялись, и никому не было никакого дела до счета.

Всеобщее веселье нарушилось внезапно.

После долгих попыток профессору удалось поднять мяч над сеткой. Развеселившимся мушкетерам представился случай показать свое искусство. Капитан ударил изо всей силы, а Надежда Борисовна попыталась принять страшный мяч, как ее учили, «на пальчики».

Раздался стон.

От сильной боли Надежда Борисовна присела на корточки.

— Трите к носу, Надя, — посоветовал Паша, — все пройдет.

— Довольно паясничать! — оборвала его Надежда Борисовна. — Мне сломали палец.

Игру остановили. Все столпились вокруг пострадавшей. Выяснилось, что палец не сломан, только растянуты сухожилия. Но тут же определилась другая беда: приседая, Надежда Борисовна неловко подвернула ногу и сломала каблук.

— Боже! И каблук сломали, — тихо и беспомощно произнесла Надежда Борисовна. — Что же это такое?

— Я извиняюсь, — произнес капитан мушкетеров гордо.

— И это называется дом отдыха? Это называется отдых?

— А я говорю, извиняюсь, — повторил мушкетер сердито.

— Мы оплачиваем путевки, — дрожащим от слез голосом продолжала Надежда Борисовна. — Едем за тысячу километров отдыхать, укреплять нервы, а местные босяки нахально лезут на нашу площадку и в довершение всего ломают руки... Да какое они имеют право? Гнать их надо отсюда!.. Гнать!..

Мушкетеры молча направились к велосипеду.

— Куда вы?! — всполошился профессор.— Ей напекло голову... Муся, куда вы?

Но мушкетеры были непреклонны. Они посадили Мусю на раму и уехали — трое на одном велосипеде.

— Это неприлично, — произнес профессор, багровея. — Это низко, Надежда Борисовна!

— А руки ломать прилично? Это наша площадка! Наша! Дом отдыха наш, значит, и площадка наша! Мы, если хотите знать, и площадку оплачиваем! А тут приезжают по обменному фонду...

Что этим хотела сказать Надежда Борисовна, неизвестно. Нина подошла к ней вплотную и проговорила, сверкнув глазами:

— Вы перейдите на другой столик. Я вам подавать не буду.

Надежда Борисовна тупо посмотрела на нее сквозь слезы. Потом сняла туфли и ушла в чулках, жалкая, несчастная.

— Нехорошо, Нина, — упрекнул ее Григорий Афанасьевич.

— А мне все равно. Пусть хоть уволят — подавать ей не буду. Наше... Ваше... Противно слушать!

Она попробовала надеть часики, но пальцы дрожали, и ничего не получалось.

— Все равно нехорошо, — повторил Григорий Афанасьевич, поднимаясь, чтобы помочь застегнуть ремешок.

Нина капризно дернула плечом и отошла. Это была ссора.

Григорий Афанасьевич улыбнулся и, слегка прихрамывая, отправился умываться.

Пока Нина орудовала с неподатливым ремешком, подошел Паша. Во время скандала он не терялся и тут же успел сыграть в двадцать одно на пальцах.

— Молодец! — сказал он. — Как вас звать?

— Нина! — по инерции сердито бросила она, не оборачиваясь.

— А по фатеру?

— Что? — оглянулась Нина.

— По батюшке.

— Юсуповна. — Нина вопросительно посмотрела на Пашу и оттянула книзу джемпер.

— Так. Нина плюс Юсуповна, — повторил Паша. Он медленно и подробно осмотрел ее и спросил: — Почему я вас не замечал раньше?

Он собирался сказать еще что-то, но издали послышались звуки гонга, призывающие к ужину. Нина ахнула и побежала в столовую.

3

После ужина Григорий Афанасьевич почитал газету «Медицинский работник», которую в большом количестве выписывала администрация дома отдыха, поднялся с постели, запер комнату, положил ключ на верхний наличник и вышел прогуляться.

Как всегда, он пройдет берегом, дойдет до мыска, где купается Нина, немного с ней поболтает и вернется назад. Он вернется в комнату, посмотрит, нет ли на стене сколопендры, и с чувством острого одиночества уляжется на новую, щелкающую сеткой казенную кровать.

Таких вечеров осталось три. Потом он уедет на поезде домой и вряд ли когда-нибудь попадет сюда еще. Сердце пошаливает, надо лечиться в Кисловодске, а лучше всего доживать век дома, в Малаховке.

«Как там моя старуха? — думал Григорий Афанасьевич, шагая берегом моря. — Как яблоньки? Наверное, весной зацветут. Надо поправлять забор, добывать гвозди, олифу, штакетник».

Ночь была светлей, чем вчера. Наружный кант огромного, вполнеба, облака постепенно становился мутно-белым, словно раскаляясь изнутри лампами дневного света; причудливые очертания его обозначались все ясней и отчетливей, и, наконец, ровный яркий диск луны, окруженный опаловой туманностью, важно выдвинулся на чистое место, и через все море, от самого горизонта, к ногам Григория Афанасьевича легла ослепительная лунная дорожка.

Но мысли его были уже дома, и он смотрел вокруг словно из домашнего окошка, как будто это были не горы, а воспоминания о горах, не море, а воспоминание о море. Так же издали, словно из Малаховки, он размышлял о Нине. По сравнению с прошлым годом она заметно повзрослела, желания ее стали смелей и определенней. И не трудно было угадать, о чем она думала чаще всего. Она ду-

НАВСТРЕЧУ СВЕТУ

Николай СИДОРЕНКО

Ровесникам

Уж многих из нас не хватает!
Как вспомнишь, душа холодеет.
Так роща из мачтовых сосен
Во время порубки редеет.

Мы смотрим на синее небо.
А быть бы могло и иначе.
За угол не прячась от пули,
Мы вынули жребий удачи.

Нам жизнь улыбнулась, как
прежде,
Пришли мы к родным и
любимым.
Легла непосильная тяжесть
На плечи, пропахшие дымом.

Но все по плечу оказалось,
Мы, видно, бывалое племя.
Безжалостно инеем ранним
Виски нам осыпало время.

Не раз мы брались за винтовку,
Потом рукава засучали,
На свежих лесах новостроек
Рассветное солнце встречали.

Мы пели задумчиво песни
О дальних походах, о войнах,
О звездах, о девушках нежных,
О наших сердцах неспокойных.

Покоя не ведает сердце.
Да здравствуют сборы в дорогу!
Люблю безысходной любовью
Путей неоткрытых тревогу.

Скоро ледоход

Сосулек тонкие свирели,
Как дети, плачут по утрам.
Смотри, как сосны отсырели,
Как можжевельник свеж и прям!

Серебряным ручьистым косам,
Подснежным всплескам нет
числа,
И у пруда над водосбросом
Синица щебет пронесла.

Снежок лепечет: «Таю, таю...»
Он был недавно нем и глух.
А с юга мчится уток стая,
Переговариваясь вслух.

Гудит за рощей канонада —
Под утро грянет ледоход.
Весне бездумно верить надо,
А то, глядишь, и снег пойдет.

* * *

Только горе бывает гранитное
В одиноком молчанье своем.
Ну, а счастье, оно беззащитное,
И беречь его нужно вдвоем.

На войне я б не сладил
с безмерностью
Дочерна обожженных дорог,
Если б счастье любовью
и верностью,
Как и ты вдалеке, не берег.

— Камни не нуждаются в благодарности, — сказал Григорий Афанасьевич.

— Какие камни? Посмотрите, во что вы превратили женщину. Ни глубины чувства, ни страсти...

— А вам зачем?

— Что?

— Страсть.

— Вы спрашиваете, как... — она помедлила, ища сравнение, — как юный пионэр.

— Пионэр, пионэр! — проговорил Григорий Афанасьевич, рассердившись оттого, что слово «пионер» она произнесла как-то по-английски. — Домой вам ехать пора, Надежда Борисовна...

Она невесело усмехнулась.

— Так... Мне домой, а вам купаться с молодыми татарочками?

Григорий Афанасьевич вздрогнул.

— Что? — спросил он беспомощно.

— Не прикидывайтесь! Стареете, полковник, — сказала Надежда Борисовна и ушла.

Григорий Афанасьевич долго стоял ошеломленный. Сердце его колотилось. На голове выступил пот.

— Замолчите! — вдруг громко произнес он в темноту.

Ему захотелось поскорей бежать отсюда, бежать домой, в Малаховку. Он поднялся на откос и пошел верхней дорожкой, мимо зарослей ежевики и дикой мальвы. «Ну вот, теперь не уснуть, — подумал он. — Черт знает что такое!» Быстрая ходьба утомила его и несколько успокоила. На танцевальной площадке опять играли «Двадцать пальцев-крошек» — очевидно, пластинка нравилась.

«Если бы мне было двадцать лет, мне бы тоже нравилось», — подумал Григорий Афанасьевич.

Танцевали двумя кругами. В широком, наружном, двигались новички и начинающие — здесь были и сибиряки с женами. Внутри, в малом кругу, выделывали замысловатые фигуры опытные танцоры.

Двадцать пальцев-крошек
Не любить нет сил.
Двадцать пальцев-крошек,
Каждый пальчик мил... —

электрическим голосом пела радиола.

Григорий Афанасьевич прошел было мимо, как вдруг ему показалось, что во внутреннем кругу мелькнул джемпер Нины. Сквозь неплотный строй зрителей, лущащих тыквенное семя, он пробрался вперед. Да, это была Нина.

Вот оно что! Он понял причину возбуждения Надежды Борисовны и покачал головой: Нина танцевала с Пашей.

Хотя мешали мелькающие пары, он успел заметить, что Паша танцевал хорошо. Паша вел Нину осторожно, заранее угадывая свободное пространство в изменчивом людском лабиринте. Белый отложной воротничок «бобочки» прилично лежал на его пестром, в перепелочку пиджаке.

Григорий Афанасьевич смотрел на Нину и радовался. Наконец-то заметили девчонку! И не кто-нибудь, не какой-нибудь там мушкетер или осводовец, а ленинградец с умной головой и хорошим вкусом. Нинка-то! Вон как сияет, вон как — как новый двугривенный!

Пластинка кончилась.

— А теперь похлопаем сами себе! — воскликнул культурник. — Три, четыре!..

Все захлопали и засмеялись. И Нина хлопала громче всех.

— Очень хорошо! — сказал культурник.

Паша взял Нину под руку и повел к скамейке. Глаза ее сияли. Она посмотрела на Григория Афанасьевича в упор и не увидела его. Она прошла совсем близко, так близко, что он почувствовал, как от нее пышет теплым девичьим потом, и села, обмахиваясь носовым платком.

Музыка заиграла снова.

Паша встал перед Ниной и слегка поклонился.

Она встала против него, стройная, сияющая, положила свой носовой платок в карман его пиджака и оттянула книзу тугой джемпер.

Григорий Афанасьевич смутился, словно подсмотрел что-то недозволенное, выбрался из толпы и пошел спать. Про Надежду Борисовну он забыл вовсе.

(Окончание следует.)

мала: «Не бойся: тебе не придется краснеть за меня. Вот увидишь: я буду достойной и тебя и этого прекрасного мира, в который ты вынес меня из огня и праха». Конечно, она думала не так вычурно и не такими смешными словами, но суть была эта.

Как и вчера, возле столовой горел фонарь Там играла радиола и танцевали.

Григорий Афанасьевич шел все дальше. Берег был пустынен. Море накатывало легкую волну, тихо перебирало гальку.

Он свернул влево, вышел к мыску и остановился в недоумении.

Нины не было.

Это пустяковое обстоятельство озадачило его чрезвычайно, будто с привычного места исчезла не Нина, а по крайней мере гора Карадаг.

«Ну-с, что будем делать?» — подумал Григорий Афанасьевич и вопросительно посмотрел на лунную дорожку. Он немного постоял, ожидая чего-то, и, ничего не дождавшись, повернул назад.

И как только повернул назад, увидел Надежду Борисовну. Она шла быстро, изо всех сил, словно нарочно торопилась устать.

Поравнявшись с ним, она остановилась, достала из сумочки сигарету, начала торопливо разминать ее. Она была чем-то возбуждена. Худое лицо ее с черными в лунном свете губами выглядело измученным.

— Библейская красота! Правда? — сказала она, привычно окидывая выбеленные луной, оцепеневшие в неудобных позах скалы Карадага и торчащие из воды камни.

— Библии не читал. Не знаю.

Она поняла, что Григорий Афанасьевич не расположен к разговорам, и, не меняя тона, спросила:

— Скажите, полковник, почему вы все такие ничтожества?

— Кто все?

— Вы. Нынешние мужчины. Возьмите Толстого, Тургенева... Как они ценили красоту! Как боготворили! А теперешние?.. Хотя бы элементарная благодарность...

А. ВОРОНЧАНИН

Фото М. Евстратова.

Играете ли вы в лапту?

Эрудицию спортивного болельщика измерить невозможно. Настоящий любитель спорта знает все.

И только сейчас, пожалуй, болельщик станет в тупик, посмотрев на эти фотографии. Что это? Теннис, хоккей, баскетбол, волейбол, ручной мяч? Нет. Объектив фотоаппарата выхватил отдельные моменты игры, к сожалению, мало знакомой широкому зрителю. Это русская лапта. А ведь на Руси играют в лапту более трех веков.

Вывезенная эмигрантами в XVIII веке в Канаду и Америку, русская лапта стала там родоначальницей знаменитого бейсбола, а у себя на родине она получила права спортивного гражданства только в прошлом году, «родившись», так сказать, заново, будучи трехсотлетней!

Лапта не сложна. Игра в нее не требует почти никаких материальных затрат и может культивироваться в любом спортивном обществе, любом колхозе или пионерском лагере. Представьте себе прямоугольник поля длиной от 40 до 60 и шириной от 30 до 35 метров. На поле две команды: одна — «бьющая» — вытянулась ленточкой вдоль линии «города», другая — «водящая» — рассыпана по всему полю. Свисток судьи. Мяч после удара битой круто уходит ввысь, и перед вами вспыхивает напряженная спортивная схватка. Цель «бьющих» — пробежать через все поле до противоположной линии «кона» и обратно, «водящих» — осалить мячом соперников, лишив их тем самым призовых очков. Проходит всего 2—3 минуты — и вновь все спокойно. Спортсмены ожидают удара следующего забойщика. Два тайма, по 30 минут каждый.

На первый взгляд ничего сложного в этой игре нет. Однако техника и тактика лапты по сложности и многообразию приемов мало чем уступают таким видам спорта, как травяной хоккей и ручной мяч, получившим за последние годы распространение в Советском Союзе. Физическую же подготовку игрока, без сомнения, следует поставить на один уровень с тренированностью футболиста или хоккеиста высокого класса.

Игрокам нередко приходится пробегать в течение состязания до десяти километров. Причем бег, как правило, не «гладкий», где можно заранее рассчитать график. Бег от «города» к «кону» и обратно бывает до предела стремительным, с неожиданными остановками, поворотами, рывками и даже прыжками. Шестьдесят минут такого почти беспрерывного спринта может выдержать только отлично подготовленный спортсмен.

Почему же популярная среди народа лапта до сих пор официально, так сказать, не была узаконена?

Одна из причин — множество правил игры. В каждой местности, в каждом городе и даже деревне существовали, да и теперь существуют, свои собственные, идущие от дедов и прадедов правила. В некоторых районах средней полосы России продолжительность одной партии исчислялась временем от суток до трех.

Были и другие причины, тормозящие развитие этого вида спорта, в частности равнодушное отношение к нему со стороны физкультурных организаций.

И все же прошлой осенью впервые проводился чемпионат Российской Федерации по лапте.

Победителями оказались студенты Воронежского лесотехнического института в составе Виктора Щербакова, Владимира Бережного, Виктора Потемкина, Александра Кириллова, Владимира Коноплина и Юлия Буванова.

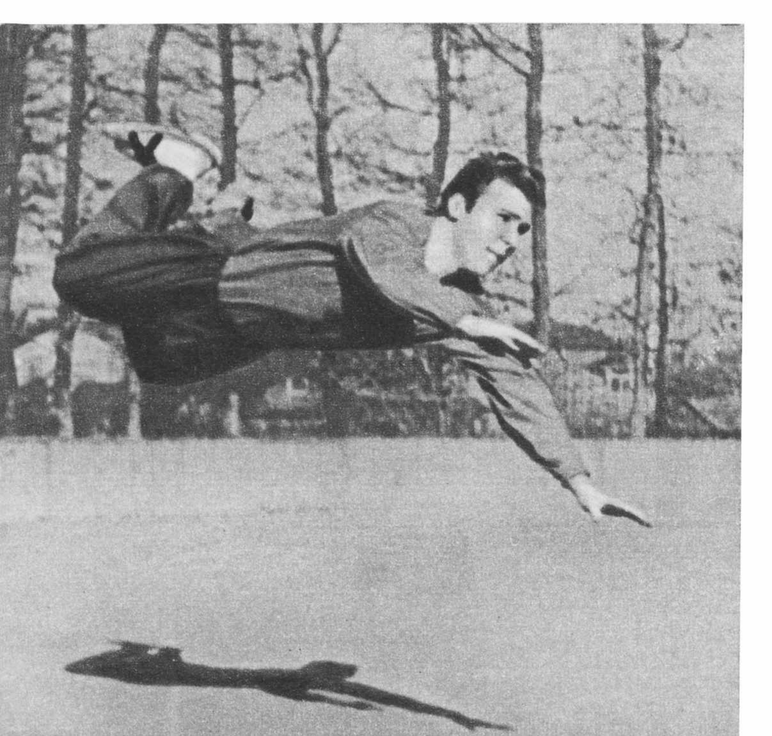
...Мы встретились с ними на высоком берегу реки Воронеж, среди густых рощиц, столетних кленов и лип, где высилось белокаменное здание института.

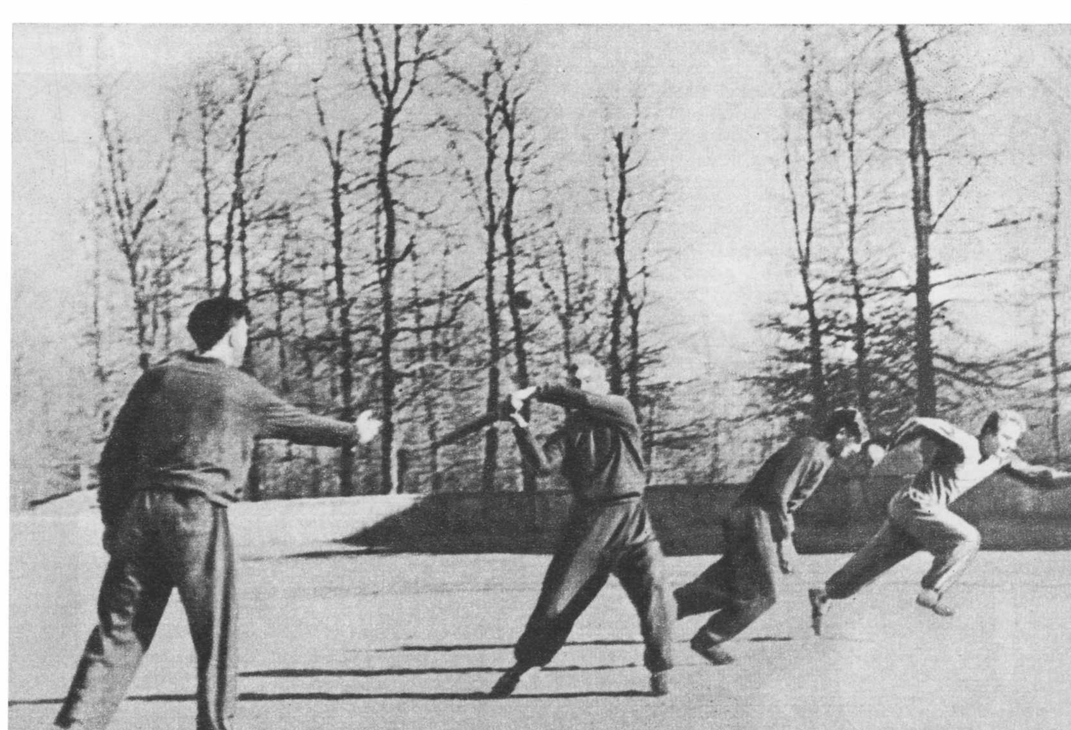
Все они учатся хорошо, получают стипендии и любят спорт. В любое время года друзей можно встретить и на студенческом катке и на лыжной прогулке, а то и далеко от родного города, в туристском походе. Увлекаются ребята не только лаптой. Они перворазрядники и по хоккею и по ручному мячу.

Прошлой осенью в розыгрыше первенства по лапте принимали участие команды восьми русских областей и Мордовской АССР.

Наступающий спортивный сезон будет сезоном массовых состязаний по русской лапте. Этот вид спорта включен в программу состязаний Спартакиады народов РСФСР.

Теперь за звание чемпиона будут бороться команды семидесяти областей, краев и автономных республик — целая армия спортсменов.

НА БЕРЕГАХ ТЭДОНГАНА

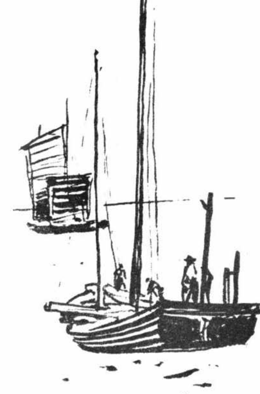

Новый Пхеньян.

Евгений **КРИГЕР**

Фото А. Воронцова.

Рисунки В. Высоцкого.

Земля Кореи... Мохнатые зеленые горы, совсем другие, чем у нас на Кавказе или на Урале, тянущиеся не хребтами, а отдельными пиками, обособленными вершинами. Необузданная фантазия природы, породившей эти горы, дополняется энергичным вмешательством человека: на пути от моря все чаще дает о себе знать геометрия каналов, водохранилищ, плантаций, желтых дорог.

Виднеются ворсистые, шершавые прямоугольники, своим бархатно-коричневым цветом они напоминают головки камыша. И тут же другие, пронзительно зеленые, или стальные, или медные с прозеленью квадраты и прямоугольники. Я долго всматривался в них и заметил, что падающий под углом из облаков солнечный луч заставлял квадраты тускло светиться. Это похоже на чешую огромной рыбы или на инкрустацию из перламутра. Плантации риса на горных террасах. Сквозь щетинку стеблей поблескивает вода.

Земная кора здесь основательно переделывается человеком.

В аэропорте Пхеньяна меня познакомили с молоденьким переводчиком Ли. Несколько лет он учился в Московском институте международных отношений. Тут же Ли стал вспоминать Москву, Крымский мост, площадь Пушкина, улицу Горького, где он жил в студенческом общежитии. Я спрашивал его о родителях, об отце. Он сказал:

— Отец работал машинистом на железной дороге. Его убили в 1952 году.

И позже, беседуя с молодыми корейцами, я часто слышал те же слова:

— Убили отца. Убили мать. Убили сестру.

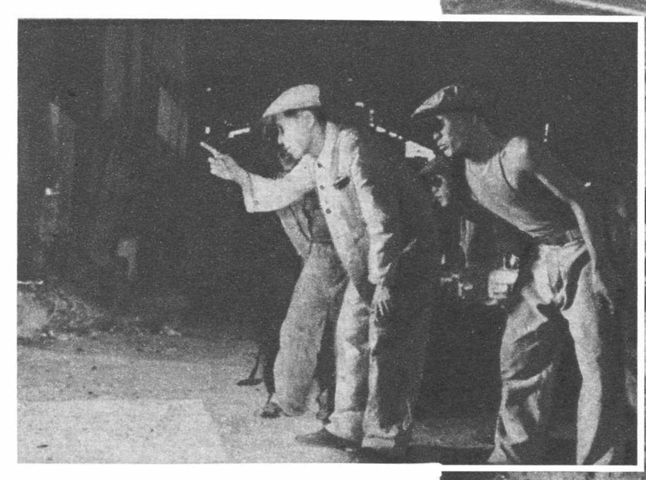
Вот мои первые впечатления о Корее...

Поначалу Пхеньян несколько разочаровал меня.

Пхеньян. Новый кинотеатр «Тэдонмун».

Завод Хванхэ. Идет плавка стали.

Река Тэдонган вблизи Пхеньяна.

Когда собираешься в новые края, заранее складывается более или менее отчетливая картина земли, городов, улиц, которые предстоит увидеть. Сложилась и у меня картина Пхеньяна. Вероятно, в ней неоправданно соединились черты Порт-Артура, Дальнего, Мукдена, где мне приходилось бывать в последние дни войны, осенью 1945 года. Я ожидал увидеть сутолоку узеньких улиц, суету базаров, причудливую на взгляд европейца архитектуру.

Ничего этого я не нашел в Пхеньяне.

Улицы в столице Кореи широкие, просторные, с бульварами, разграничивающими правую и левую проезжие части, с металлическими решетками на углах, предупреждающими пешеходов от упрямого желания перейти улицу в неположенном месте. На перекрестках стоят высокие башенки для регулировщиков уличного движения.

Вечером из окна гостиницы я увидел красные флаги над шеренгами браво маршировавших молодых людей. Песня летела над ними, заглушая обыденный, монотонный уличный шум.

— Военная подготовка? — спросил я.

— Ничего подобного,— ответили мне.— Это возвращаются домой строители. Они закончили работу.

После завтрака я пошел бродить по городу.

В центре столицы все те же европейского типа улицы.

В пхеньянской гостинице, переполненной чехами, поляками, русскими, венграми, немцами, я читал «Землю людей» Антуана де Сент-Экзюпери. Хорошая книга, и о главном: о величии долга, жизненной энергии, которые должны побеждать, не считаясь с жертвами. Но странно, здесь, в Корее, где так остро и близко ощущение недавней беды, где я прочел в газетах сообщение о том, как в штреке Накенского рудника обнаружили восемьсот трупов мужчин и женщин, замученных лисынмановцами, где земля еще помнит о слезах и крови,— здесь эта хорошая книга не очень взволновала меня.

Почему?

Философия фатальной доблести, свойственная Экзюпери, на наш взгляд, абстрактна. Летчик гражданской авиации летит в закрытых туманом горах и гибнет, и представитель авиакомпании, зная о возможной гибели замечательного пилота, своего друга, приказывает заранее готовить второй самолет, чтобы рейс продолжался, чтобы деловые люди, коммерсанты, туристы были доставлены в следующий пункт минута в минуту по расписанию. Это делает честь его хладнокровию и чувству долга, но ореол «философичности», приданный этому событию талантом Экзюпери, не производит большого впечатления на людей, знающих, что такое доблесть высокой цели.

Я читал «Землю людей», а с ее романтикой спорили простые факты, поражавшие меня в Корее.

Есть здесь старинный город Кэсон. Находится он поблизости от 38-й параллели, разграничивающей Северную и Южную Корею. В Кэсоне создан экономический институт, в нем учится много молодых людей, бежавших с юга, из-под власти Ли Сын Мана. Как и все корейские студенты, во время летних каникул они строят железные дороги, рудники, помогают крестьянам в сооружении ирригационных систем. И вот возник у юношей и девушек обычай: они выполняют не только свою трудовую норму, но работают за тех, кто остался в Южной Корее. Они говорят:

— Мой отец остался в Сеуле. Я работаю здесь за него...

— У меня на юге два брата. Я работаю здесь за них...

— Моя сестра не могла бежать сюда вместе со мной. Я работаю здесь за себя и за нее...

Выполнить две нормы очень и очень нелегко. Но студенты Кэсона выполняют две нормы, и после работы вид у них самый обыденный, никто из них не говорит о доблести.

Мне рассказывали, что на стройках есть один веселый обычай. После отбоя, когда кончается работа, люди говорят:

— Сделаем еще один удар киркой.

И на севере, на востоке, на западе, в лесах и в горах, в городах и в селах миллионы людей делают еще один лишний взмах.

Десять миллионов добавочных ударов киркой...

...Дороги в Корее отличные. Шоссе, ведущее в город Сонним, вьется среди сопок в тени акаций и стеблей гаоляна с мохнатыми шапками. Деревни прячут свои хижины за высокими, как деревья, зарослями подсолнечника, на крышах рассыпаны гроздья красного перца, перед усадьбами расчищены небольшие площадки, там играют дети.

Гаолян и подсолнечник вторгаются на окраины Соннима, и это составляет главную прелесть города, изувеченного воздушными вторжениями врага. Грустно видеть голые пространства, ничем не напоминающие о том, что здесь существовали улицы с большими домами, магазинами, ресторанами, шумными рынками. Не видно даже камня, из которого были сложены стены Соннима.

Город расположен в котловине между лесистыми горами.

Высоко-высоко на склоне сопки я прочел надписи, выложенные камнем, написанные как бы на гигантском листе бумаги,— труд великанов. Надписи видны за много километров, и если пройти надпись во всю длину, то придется, наверно, пробираться в горах в течение часа, если не больше. Я попросил спутника перевести слова, которыми горы взывают к людям. Он читал:

«Американские вампиры — вон из Кореи!»

«Сплотимся вокруг партии!»

В центре Соннима видны кварталы новых четырехэтажных домов, пока еще разрозненные, не сомкнувшиеся в улицы.

Аллеи подсолнечника, узкие проходы среди зеленых сопок незаметно вводят вас в мир индустрии. Душа Соннима — металлургический завод Хванхэ. Когда открылось перед нами зрелище завода, сохранившего рядом с собой нежную, хрупкую жизнь деревьев, я вспомнил маленькие, тонкие руки корейцев, умеющих добывать руду и легкой кистью писать картины на шелку.

Металлургический завод Хванхэ. На снимке: члены передовой бригады доменного цеха, возглавляемой товарищем Ли Тал Реном.

Фото Хан Чон Сика.

Металлургический завод в парке среди зеленых холмов — вот что такое Хванхэ. Когда рабочие, крестьяне и солдаты начали восстанавливать первую доменную печь, им пришлось прежде всего заваливать девять тысяч воронок от американских бомб.

Корейские инженеры и студенты приступили к работе над проектом восстановления доменной печи, имея дело с чудовищным хаосом изорванных, измятых, изуродованных взрывами конструкций. Возводить новую печь в тысячу раз легче: есть наука, есть расчеты и формулы. Наука о возрождении машин из праха еще не полностью разработана. Помощниками инженеров стали рабочие. Монтажник Ван Дон Дюн и верхолаз Лим Чан Хо, люди пожилые, но не растратившие юношеской дерзости, предложили план сборки крупных узлов на земле с тем, чтобы устанавливать на печи уже готовые конструкции. Они сократили срок сборки с девятнадцати месяцев до трех, и им было присвоено звание Героя Труда.

В мартеновском цехе я спросил бригадира смены Ли Ун Сека:

— Ведь у японцев отличные инженеры. Почему же сейчас вы получаете на мартеновских печах больше стали, чем получали японцы?

— Прежде всего японские печи были рассчитаны на пятьдесят тонн плавки. А советские специалисты помогли нам установить стотонные печи. Но главное, мы стали распорядителями процесса. Я старый мартеновец, работал при японцах. Они не доверяли нам самых элементарных сведений по технологии плавки. Пробу металла брали тайком от нас: как бы корейские рабочие не распознали секретов режима печей. Мы были париями. Рабочий-японец получал две иены в день. Корейцу платили пятьдесят сен за двенадцать — шестнадцать часов напряженного труда.

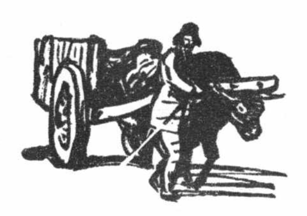
Через три дня мы отправились к устью реки Тэдонган у моря, в портовый город Нампхо. Это город рыбаков, судостроителей, меделлавильщиков. Издалека увидели мы гигантскую трубу завода цветных металлов.

— Самая высокая заводская труба в Азии! — сказали нам, не скрывая своей гордости.

С 1907 года в Нампхо начала хозяйничать японская компания Кухара. Первые цехи были деревянные, производство начинали кустарными способами. В 1936 году

Долина Намури. Поля рисовой рассады.

японцы приступили к реконструкции завода. Руду тащили со всех концов Кореи, привозили из Маньчжурии, с Филиппин, из Чили. Почему же компания построила завод не на месте добычи сырья, а в Корее? Предпринимателей привлекала дешевизна рабочей силы. Плиты черновой меди увозили в Японию. От корейцев скрывали, что в этих плитах содержится серебро и золото.

Осенью 1958 года мы застали на территории завода обширные работы по строительству комбината. Из корейской руды будут добывать целый ряд ценных продуктов: медь, цинк, серебро, золото, серную кислоту, химические удобрения. В цехе электролиза цинка нам показали изящные серебристые плитки со штампом: «Корея. Цинк электролитный. Нампхо». Завод работает и на экспорт. С берегов Тэдонгана готовый металл отправляют в Англию.

Нампхо, как и все города Кореи, изранен войной. Пустыри вдоль улиц ныне затянуты кустарником, розовые цветы придают мертвому пространству окраску возвращающейся жизни.

Мы побывали здесь на судостроительной верфи, где, помимо деревянных рыболовецких ботов, строят речные трамваи и морские суда в тысячу и три тысячи тонн водоизмещением. Осмотрели большой стекольный завод, выпускающий оконное стекло, бутылки, вазы, посуду, лабораторное оборудование.

Я обратил внимание, и не первый раз, на природную артистичность движений корейцев. В цехе листового стекла мы наблюдали за работой молоденькой девушки. С помощью алмаза и длинной рейки она доводила громадные хрупкие листы до нужного размера. Скользящим, летучим мановением руки отделяла лишние доли стекла, не глядя, отбрасывала в сторону и тут же примерялась к операции со следующим листом. Это была скорее игра, нежели работа, казалось, она не стоит девушке никаких усилий.

В Корее элементы искусства естественно и неразрывно связаны с жизнью, самой простой и самой героической. В столичном парке Моранбон мы любовались великолепным зданием театра. Он построен в последние годы, но удивление и восторг в большей мере вызывает другой, невидимый театр. Его сооружали под землей в содрогавшемся от взрывов Пхеньяне. Подземный театр построен в недрах горы Моранбон. В годы войны там, под землей, шли спектакли национального оперного театра — сказания о прошлом Кореи. Пхеньян был в огне, но места в театре всегда были заняты. Это напоминало голодный, измученный стужей обороняющийся Ленинград, где Дмитрий Шостакович писал Седьмую симфонию.

Мы были на выставке живописи. Я не забуду большое панно в вестибюле, против лестницы, — «Праздник луны» Тин Дя Ена. Ночью бьют барабаны. Танцуют под барабанный бой крестьяне, юноши и девушки. Вы слышите задорную дробь барабанов. Вам хочется смеяться, петь, танцевать. Праздник полнолуния...

Картина Ли Сек Ю «Лес» написана тушью. Это не пейзаж. Это сама душа леса. Нет силуэтов деревьев, не видно земли, травы, неба. Легкими касаниями кисти художник вводит вас в дебри, где ветви густо переплетены, где днем царит мгла, где манит путника таинственная тишина и плачет невидимый филин, бессонный сторож древнего леса.

Распрощавшись с Нампхо, мы направились в Киян. На пути остановила нас картина грандиозного ирригационного строительства. Руками крестьян и рабочих-механизаторов возводится в горной лощине плотина. Земля дрожит от моторного гула. Грызут землю бульдозеры, механические реки транспортеров днем и ночью движутся в лабиринте стройки, высоко на склоне горы виднеется выложенная камнем белая линия — она обозначает высоту будущей плотины.

Однажды мы покинули берега Тэдонгана, чтобы побывать в сельском кооперативе «Намчир». Кооператив имел отношение к нашей теме: его земли снабжаются водой из Енпхунского горного водохранилища, накапливающего в горах паводок Тэдонгана.

Создан кооператив был для бездомных крестьян провинции Канвондо, близ 38-й параллели. В «Намчир» шли вдовы и дети погибших солдат, старики, люди, потерявшие землю и кров. К ним присоединились местные бедняки — 15 дворов. Создавался кооператив на пустом месте — не было ни тягловой силы, ни орудий, ни семян. Зажиточные крестьяне пугали пришельцев: «Загонят вас в стойло, будете жить, как скоты».

Поначалу имелось в кооперативе полтора быка. Почему полтора? Имелся один полноценный бык, а другой принадлежал двум крестьянам, один из которых остался единоличником, а другой отдал вторую половину быка в общее хозяйство. Государство помогло кооперативу семенами, выделило кое-какой инвентарь. Председателем избрали Тен Сен Бока, человека мягкого в обращении, но упорного в достижении цели.

Зарождался кооператив тяжело, хлебнули бедняки горя с маловерами, с трусами, ходившими на поводу у богатеев. Но жизнь брала свое. Тен Сен Бок стал перечислять имущество и владения «Намчира». Я только поспевал записывать. К полутора быкам присоединили 65 новых быков. Свиней не было вовсе — сейчас откармливают 280 свиней. Купили 46 повозок, а в 1956 году приобрели грузовой автомобиль. Построили мельницу, лесопилку, установили 29 электродвигателей. Завели свой рыболовецкий промысел на берегу моря: пять парусных судов и один моторный бот. Открыли свою больницу, 3 детских сада, 7 яслей, парикмахерскую, баню, прачечную. В прошлом году в новые дома переселились 60 семей, сейчас строят еще 50 домов.

Все это материальная сторона дела. По-новому устраивались судьбы людей. После войны ходил по домам просить подаяния житель разоренной провинции Канвондо Пак Те Су. Под бомбами погибли его жена, дети. От горя человек помешался, бродил по дорогам, молча ждал, когда ему подадут горсть риса или немножко кимчи. К нему присматривались: сильный мужчина, тихий, покладистый. Решили оставить его в кооперативе, дали кое-какую одежонку, кормили, поставили на самую легкую работу—посыльным.

И добрым отношением излечили человека. Помогли и врачи из больницы. Пак Те Су женился, построил себе дом, по трудодням получает больше всех односельчан, работает возчиком. Мы видели, как он вел запряженного в повозку быка по той самой улице, где когда-то бродил в поисках подаяния. Рядом с ним шел его маленький сын...

Неподалеку от уездного городка Дэчхен к самой воде выходят плантации тутовника. Это владения сельского кооператива «Пхэнхва». Как говорят, здешние девушки — самые богатые невесты во всей округе. По-солдатски суровый, неразговорчивый председатель кооператива Кан Ден Юн без тени улыбки делился с нами историей рождения коллективного хозяйства. Земли вокруг принадлежали 19 местным помещикам. Батрачили у них крестьяне из рода Пяков и рода Канов. С незапамятных времен представители двух родов враждовали, хотя бедствовали одинаково: у Пяков и Канов не было ни кола, ни двора. Спорили, какой род знатнее. Пяки утверждали, что их род знатнее, так как из их среды один Пяк все-таки вышел в люди: в годы войны стал полковником.

— Сейчас Пяки и Каны прикуривают от одной спички,— говорил не без юмора Кан Ден Юн, бывший, как легко понять, из рода Канов. — Они получили землю, принадлежавшую девятнадцати помещикам. И помещики работают вместе с ними.

— И хорошо работают? — спросил я.

— Гм. Не очень,— ответил председатель.— Но время их образумит.

Он угостил нас отличным обедом, а потом пригласил в клуб на крестьянский концерт. Мы аплодировали славным танцовщицам, а после концерта они вытащили нас во двор, и мы весело плясали под аккомпанемент баяна и барабанов.

Далеко от Москвы кооператив «Пхэнхва», но с берегов Тэдонгана созданному здесь танцу рукоплескали гости из Франции, Испании, Мексики, Англии, Германии, Аргентины. Это было в дни Всемирного фестиваля молодежи. Девушкам «Пхэнхва» хотелось рассказать в танце о том, как труд подружил давних врагов. Они изобразили сбор тутового листа.

С другой стороны Тэдонгана стоит гора Енвонсан, исхлестанная пулями и снарядами. В 1953 году там разыгралось одно из больших сражений минувшей войны. Мы подошли к подножию горы. Высокая арка ведет в залитые электрическим светом залы. В толще скалы созданы цехи большого завода автомобильных запасных частей. Около тысячи станков различного назначения работают полным ходом, ими управляют молодые рабочие — главным образом дети погибших корейских солдат, воспитывавшиеся в Китае и закончившие одногодичную подготовку на китайских заводах.

— Партия направила нас сюда, чтобы мы наладили производство автомобильных деталей,— говорил нам главный инженер завода Пак Чун Сан.— Мы благодарны партии. В ответ мы решили своими силами организовать производство автомобилей. Первая машина уже собирается. Через год мы надеемся выпускать на дороги страны не меньше тысячи автомобилей в год.

Прощаясь, главный инженер напомнил нам, что гору Енвонсан называют теперь Сынлисаном, что по-русски значит: победа.

Я хорошо запомнил нашу поездку.

Позднее мне часто виделась одна из картин жизни реки: весной приходят в леса знаменитые плотогоны, собирают плоты. С опытным, заслуженным плотогоном впервые отправится на сплав неопытный юноша. С тревогой провожают его отец и мать: опасный путь предстоит преодолеть ему.

Старый мастер учит юношу, как проходить почти отвесные перепады реки, где плот проваливается вниз, почти падает с гор в кипении бурного потока. Река здесь быстрая, узкая, стремительная.

Кое-где Тэдонган перегорожен деревянным сооружением — воротами. Плоты приходится проводить сквозь узкий проход, и тут все зависит от ловкости и быстроты маневра. На подходе к Дэчхену юноше-ученику придется пережить еще одно испытание. Там одно из самых коварных мест. Крутой изгиб реки. Нагромождение валунов. Водоворот. Река может надолго взять в плен плотогонов — настоящая ловушка. Старый мастер выходит победителем из схватки. В глазах юноши радость и следы пережитой тревоги. Учитель улыбается одобрительно и чуть лукаво...

Но шумная жизнь берегов Тэдонгана была полнее и разнообразнее, и короткий рассказ не может вобрать в себя ее бурливую полноту.

В ассортиментном кабинете комбината. Молодая художница Ирина Годунова демонстрирует платье из ткани нового рисунка.

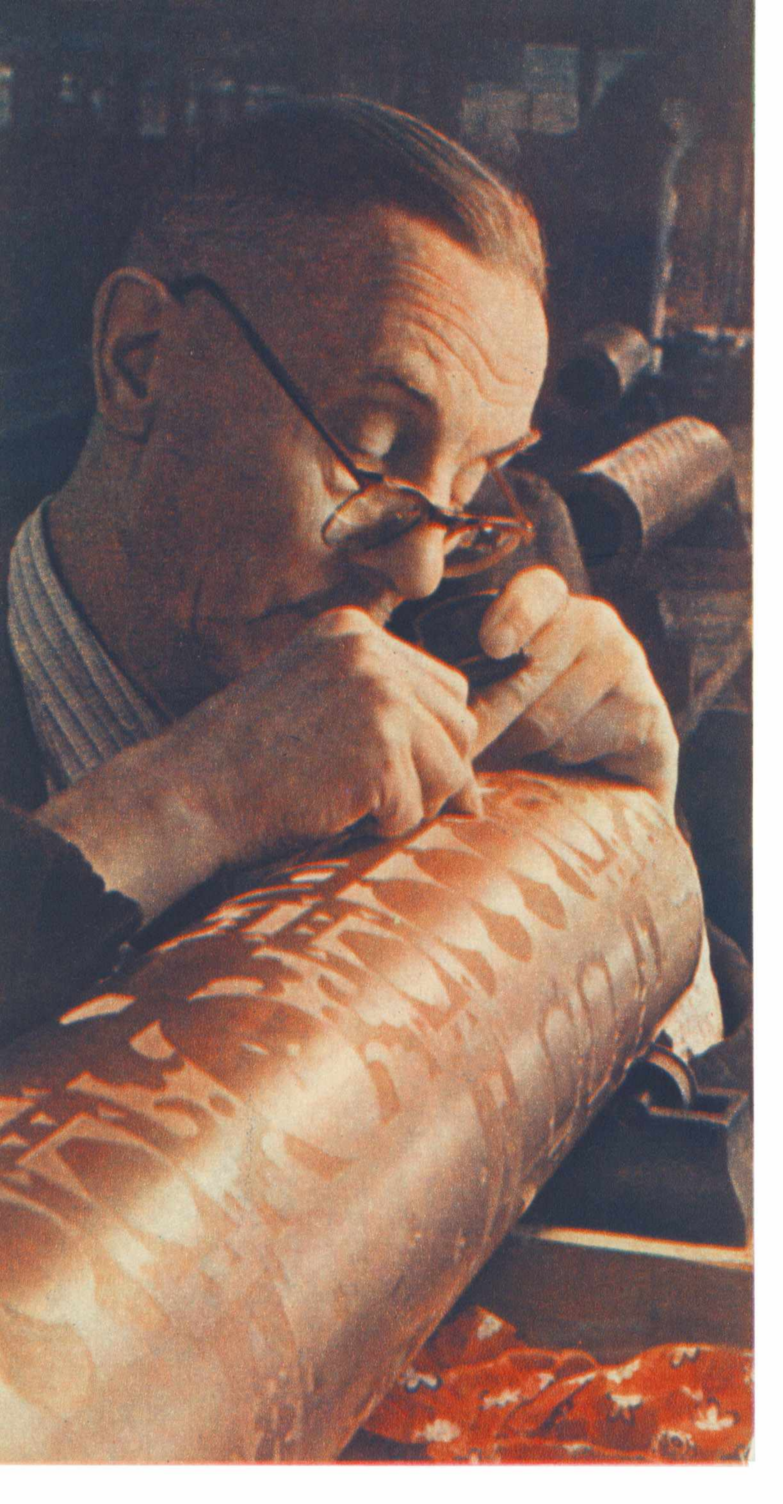
ТРИСТА НОВЫХ РИСУНКОВ

С. ФРИДЛЯНД, А. УЗЛЯН

В первый год семилетки комбинат Трехгорная мануфактура даст советским людям на четыре миллиона метров тканей больше, чем в прошлом году.

Художники комбината создадут в текущем году до трехсот новых рисунков и выпустят ткани различных и многообразных расцветок, а технологи значительно улучшат качество и отделку тканей.

«Молодежная», «Вечерняя», «Мечта», «Муар», «Ажурная»... Много новых тканей появится на прилавках наших магазинов. В отличие от прошлых лет колористы «Трехгорки» проверяют привлекательность рисунков не только по эскизам художников, но и по готовой ткани, из которой изготовлены модели платьев новых фасонов, сшитых на комбинате.

В художественной мастерской комбината А. С. Риттер занята новыми рисунками для тканей.

Почти полвека работает на комбинате Трехгорная мануфактура гравер Н. К. Александров. Он переносит рисунки, созданные художником, на печатные валы.

Эти ткани готовы.

Весенняя земля

Николай **РЫЛЕНКОВ**

* * *

Не много нужно хитрости,
То знают с давних пор,
Чтоб из карманов вытрясти
Собравшийся там сор.

Коль с ним монету выронишь —
Убыток небольшой.
Но душу-то не вывернешь!
Так как же быть с душой?

Чуть что — замок повесила,
Уж лучше не тревожь...
И все же ты, поэзия,
К ней путь всегда найдешь!

* * *

Сколько грусти было
В старой поговорке:
«Укатали сивку
Да крутые горки!»

Поговорку эту
Повторяли люди,
Растеряв с годами
Все мечты о чуде.

На большой дороге,
На глухой тропе ли
Грозы отшумели,
Соловьи отпели.

Только нас другому
Родина учила:
Что в мечте и чудо,
Что в мечте и сила.

Мы к дорогам трудным
С детства привыкали,
Мы путей обходных
В жизни не искали.

Превращали в песни
И снега, и ливни,
Дух медовый липы,
Горький дух полыни.

Где бы ни сошлись мы,
Вспомним без печали,
Как весну встречали,
Лето провожали.

И покуда глаз наш
Не померкнет зоркий,
Нас не укатают
Никакие горки!

* * *

Долга заря весенняя,
Не спит село.
В садах пора цветения,
Белым-бело.

Светлым-светло от вишенья,
От блеска глаз,
От слов, сквозь вздох услышанных,
В прощальный час,

От сладких слез, не свеянных
Росой с листка...
Долга заря весенняя...
Нет, коротка!

* * *

Пробрызнул дождь сквозь солнце,
Горячий день суля.
Томится, ждет посева
Сомлевшая земля.

Течет теплынь парная,
В кустах свистят дрозды...
А ты стоишь, взволнован,
У крайней борозды.

Земля принять готова
Любые семена,
Но ты за все в ответе,
Что принесет она.

* * *

Трактора в разгон ушли,
На стану одна лозина.
Запах вспаханной земли
Смешан с запахом бензина.

Так легко дышать с утра,
Вот она — весна большая.
И рокочут трактора,
Певчих птиц не заглушая.

* * *

Как мне жалко людей, про которых
Говорят, что угрюмый их глаз
Видит лишь водоемы в озерах,
А в лесу древесины запас;

Кто не может с речушкой сдружиться,
Не заплачет навзрыд с куликом,
Кто не знает, как пахнет душица
На поемном лугу вечерком,

Никогда не намокнет под ливнем,
Босиком по росе не пройдет,
И под небом пронзительно синим
Не забудет про дни непогод.

И, о чем бы они ни старались,
Есть присловье одно про таких:
«Ни себе, ни другим не на радость
Суетливые хлопоты их!»

Пей же всласть родниковую воду,
Росной свежестью луга дыши!
Кто не любит родную природу,
Тот не знает народной души!

Жизнь искусства

«ПЛЯШЕТ ГАВАНА»

Живая жизнь кубинского народа предстала перед советскими зрителями на концертах Мении Мартинес. Скорбная история юноши Сибонея, которого испанцы сожгли на костре за то, что он отказался поцеловать крест. Мужественная песня негра Фернандо — человека с черной кожей и черной судьбой, верящего, что придет свобода. Афро-кубинская молитва богу Элеква. Лиричные напевы крестьян. Шуточная песенка о продавце орехов.

Мения поет и танцует. И вспоминаются стихи Николаса Гильена: «Пляшет Гавана. Пляшет Гавана...»

В детстве Мения тайком убегала из дому и самозабвенно отплясывала босиком в негритянском квартале. А утром мать удивлялась: «Девочка, почему у тебя такие грязные ноги?»

Позднее Мения, дочь литератора-коммуниста, занялась классическим балетом и вступила в прославленную труппу Алисии и Фернандо Алонсо.

Семнадцатилетней балерине пришлось решать серьезный для себя вопрос: ехать ли в Мексику, куда ее пригласили для киносъемок, или же отправиться на Варшавский фестиваль молодежи, чтобы показать танцы и песни Кубы. Мения выбрала фестиваль. Деньги на поездку собрали коммунисты. В Варшаве сеньорита Мартинес решила учиться в Советском Союзе.

Мечта девушки осуществилась: она поступила в Ленинградское хореографическое училище имени А. Я. Вагановой. С радостью приняла Мения предложение Ленинградской эстрады создать концерт из кубинских мелодий. Нотного материала у юной кубинки не было. Ленинградский септет готовил программу лишь по ее напевам. Сейчас Мения заканчивает учение. Скоро она покинет Советский Союз. На родине М. Мартинес будет танцевать Одетту, Аврору, Жизель.

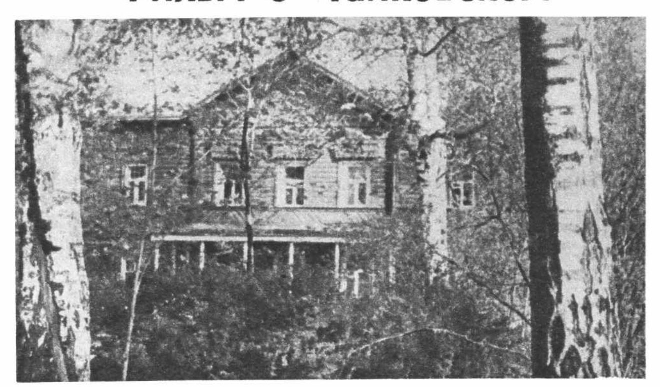
Н. ВЕРИНА

Мения Мартинес выступает в Центральном доме актера.

Фото Р. Лихач.

Фильм о Чайковском

Дом П. И. Чайковского в Клину.

На экране медленно разворачивается пейзаж, обычный для Подмосковья. Задумчиво звучит негромкий голос: «...Прогулка летом в России, в деревне по полям, по лесу, вечером по степи, бывало, приводила меня в такое состояние, что я ложился на землю в каком-то изнеможении от наплыва любви к природе...» Это слова Чайковского. И когда на экране возникает аллея старого сада в безветренный, солнечный день, звонкую тишину которого нарушает только легкое шуршание опадающих листьев, и одновременно звучит «Осенняя песня» из «Времен года», с особой остротой понимаешь, чем навеяны Петру Ильичу Чайковскому эти прозрачные, чистые звуки, такие светлые и грустные.

Любовь к родной природе, к простым народным песням — вот что составляет основу творчества великого русского композитора. Именно об этом рассказывает фильм «Чайковский», поставленный на студии «Моснаучфильм».

Возможности кино поистине неисчерпаемы. Эти возможности широко использованы создателями фильма — авторами сценария Л. Белокуровым и Б. Ярустовским, режиссером-постановщиком Я. Миримовым.

Украинские девушки поют задорную, веселую веснянку... Весь экран захлестывает буйное весеннее половодье. И тут же слышатся жизнеутверждающие, мажорные аккорды Первого концерта для фортепьяно с оркестром, над которым композитор работал, живя на Украине, в Каменке...

В небольшом фильме нелегко охватить всю жизнь и творчество Чайковского. Создатели фильма ограничились тем, что взяли лишь основные вехи биографии великого композитора, остановились на нескольких его произведениях. В нашей стране творчество Чайковского известно всему народу и горячо им любимо. Круг любителей музыки Чайковского еще больше расширится теперь, когда кинофильм позволит так широко ознакомиться с этой музыкой. Ведь нет такого уголка, куда не заедет хотя бы маленькая кинопередвижка. На берегах далеких сибирских рек, в маленьком таежном поселке смогут люди увидеть, как работал Чайковский, и еще больше полюбят его чудесную музыку.

Н. ЦВЕТКОВА

Новый спектакль «Походный марш» подготовлен недавно драматическим коллективом завода «Ростсельмаш». Все актеры — работники завода. Варю играет Э. Ерофеева, Илью — Г. Охапкин, Мальцева — А. Падченко.

Фото С. Жирнова.

Агентство не пустует весь день.

ЭТО УДОБНО!

Вот уже скоро год, как по дорогам Грузии колесит автоаптека. Заведующий автоаптечным киоском Семен Гедеонович Напетварадзе стал здесь желанным гостем. В иных сельских аптеках не всегда можно раздобыть то, что имеет лучший в Тбилиси аптекарский магазин № 1. Коллектив этого магазина и решил поделиться своими товарами с селом, организовав для этого маленький филиал на колесах, который уже прошел 22 тысячи километров.

В дальнейшем филиал будет работать по заявкам колхозов и совхозов и только в отдаленных районах республики.

* * *

— Мама, вот это, вот это, с горошками! — Девочка теребит мать и тянется к нарядному платью, выполненному из красной майи в белый горошек.

А рядом в кабине черноглазый мальчик примеряет костюм спортивного покроя.

Дети пришли со своими матерями в ателье нарядного детского платья индивидуального пошива, что открылось сравнительно недавно в Ленинграде, на Выборгской стороне. За короткий срок ателье стало популярным среди маленьких ленинградцев и их родителей. Дело в том, что покупка платья или костюма в таком ателье очень экономит время и позволяет выбрать из уже имеющихся в продаже вещей то, что больше всего по душе. В салоне до сорока различных фасонов платьев, костюмов, пальто.

Хорошо здесь поработали пятьдесят молодых мастериц. Почти все они окончили среднюю школу, а позже по объявлению пришли в ателье, где и закончили курсы по шитью детской одежды. Работают они под руководством опытных бригадиров и закройщиц.

Добрая слава об ателье распространилась далеко за пределы Выборгской стороны. Тут побывали мастера из Казахстана, Московской области, Уфы, Сталинграда, Свердловска...

Пока в Ленинграде таких ателье два. Но скоро их будет больше.

Н. ПУЧКОВА

На снимке: А. Е. Котинская примеряет платье Наташе, дочери работницы В. Д. Фафль.

Фото Б. Уткина.

Хорошо ли вас обслуживают?

ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ И ПРИЕЗЖИХ

О. МАРИН

Фото О. Кнорринга.

Представьте себе такой случай. Человек, сидя дома, вспомнил, что на днях видел в магазине хороший столик, который надо бы купить. Робот — небольшой, похожий на приемник аппарат, стоящий в углу, — моментально записал эту мысль и передал ее по радио в магазин. Там другой робот принял заказ, дал команду в автоматическую кассу и механическим погрузчикам. Через час столик был доставлен заказчику. Ему оставалось лишь уплатить деньги...

Это, конечно, пока только фантазия. Хотя при современном развитии электроники и кибернетики ничего фантастического в принципе здесь нет. Когда-нибудь, в недалеком будущем, так и будет.

А пока...

Как часто наши покупки — особенно если они громоздки — доставляют нам много хлопот! Вот вы приобрели давно облюбованный шкаф, зеркало или стол. И начинается эпопея с упаковкой, перевозкой, переноской. В Москве, например, желающих перевезти мебель каждый день бывает столько, что даже москвичи, умудренные опытом различных перевозок, иногда не могут найти машину. А о приезжих и говорить не приходится. Они просто теряются в сумятице больших московских магазинов.

И вот нашлись люди, которые решили в меру возможности облегчить москвичам и приезжим проблему покупки и доставки вещей, а заодно упростить приобретение билетов на поезда, самолеты, пароходы, междугородные автобусы. Главное управление автомобильного транспорта Моссовета создало транспортно-экспедиционное агентство. Оно работает всего несколько месяцев, но успело обслужить за это время около двадцати тысяч человек. Находится агентство недалеко от Савеловского вокзала, на Нижней Масловке. О нем пока известно немногим, его не рекламировали, но тот, кто однажды пользовался услугами агентства, при новой необходимости обязательно опять прибегнет к его помощи.

Грузы идут в 450 направлений. Товарный кассир А. В. Залогина раскладывает наряды на отправку.

Вот как работает агентство.

В большом зале мы заговорили с первым попавшимся клиентом. Это был шахтер из Кузбасса, проходчик шахты имени Карла Маркса, что в городе Ленинск-Кузнецком, Семен Егорович Утев. В Москве он проездом, возвращается с Азовского моря, из города Бердянска, где двадцать восемь дней отдыхал в санатории. Жена очень просила купить две кровати.

В магазине на Таганке Семен Егорович нашел как раз такие кровати, какие описывала жена. Но когда шахтер подумал, какой длинный «шлейф» забот повлечет за собой эта покупка, он заколебался. Купить кровати не задача, а вот отправить... И тогда какой-то добрый человек дал ему адрес агентства и сказал:

— Ни забот, ни хлопот. Уплатите сколько-то там рублей, и они доставят ваши вещи хоть во Владивосток.

Семен Егорович подошел к окошку справочного бюро агентства, где работает старший товарный кассир Мария Васильевна Румянцева. Она дала ему бланк и объяснила, как его заполнить. Дежурный администратор Павел Петрович Евсеев помог это сделать быстро и по всем правилам, затем Семен Егорович подал бланк в окно № 1, над которым стоит надпись: «Прием поручений на отправление домашних вещей грузовой скоростью». А после этого оставалось уплатить в кассу — ее окно рядом — 46 рублей 80 копеек, и все, можно идти осматривать столицу.

Упаковщики агентства приедут в магазин, упакуют кровати. Потом вещи погрузят на машину и отвезут на железную дорогу. И вскоре Семен Егорович получит их у себя дома...

Агентство принимает поручения на отправку вещей в 450 направлений, в том числе и за границу.

И еще одно хорошее дело придумали в агентстве. Предположим, кто-то захотел летом совершить такое путешествие: от Москвы до Орла доехать на поезде, из Орла до Харькова — на междугородном автобусе, от Харькова до Сочи — на самолете, а от Сочи до Одессы — на пароходе. Мысль о том, что при каждой пересадке придется беспокоиться о билетах, повергает человека в сомнения. Но если он вспомнит об агентстве и придет сюда, все устроится легко и просто. Ему продадут здесь билеты сразу на все виды транспорта, и поедет он, что называется, по «зеленой улице».

Пока это агентство — единственное в Москве, но в скором времени их будет двадцать: по одному на каждый район. Много сберегут они времени и москвичам и приезжим.

После выступления «ОГОНЬКА»

ДЛЯ УДОБСТВА ПАССАЖИРОВ

В № 11 журнала «Огонек» под рубрикой «Это удобно!» была опубликована заметка о хорошей инициативе работников столичных вокзалов: на перронах появились передвижные камеры хранения ручной клади.

Начальник Главного пассажирского управления Министерства путей сообщения тов. М. Нестеренко сообщает, что начальникам дорог предложено организовать передвижные камеры приема ручной клади на перронах всех вокзалов, где имеется большой поток пассажиров. Министерство указало также, что по примеру москвичей следует шире практиковать и такую форму обслуживания: по желанию транзитного пассажира его ручная кладь может быть доставлена из камеры хранения в вагон.

«НА САПОЖНЫЕ ТЕМЫ»

Репортаж под таким заголовком был опубликован в № 47 журнала «Огонек» за 1957 год. Автор рассказывал, что в Москве сооружается крупнейшая в стране фабрика по ремонту обуви: почти полная механизация технологического процесса позволит добротно обновлять здесь ежегодно 1,2 миллиона пар ботинок, туфель, сапог, бот, валенок.

Прошло полтора года. Можно было ожидать, что фабрика уже действует вовсю. Но, как показала проверка, эта фабрика влачит жалкое существование, хотя ее частично ввели в эксплуатацию еще летом 1958 года. Много ценнейших машин поныне лежит на складе. Смонтированные конвейеры используются далеко не полностью. Послали сюда пять молодых инженеров — их вскоре уволили. Вместо сотен рабочих в цехах сейчас трудится... девятнадцать. В чем причина?

Пусковой период совпал с ликвидацией треста «Мосгорремобувь», с передачей его предприятий районным исполкомам. И никто не захотел взять на себя заботу о нуждах новой фабрики, о налаживании связей с приемными пунктами, разбросанными по всему городу. Стремясь избавиться от этих забот, решили избавиться и от самой фабрики: раздать машины исполкомам, а помещение приспособить под другое предприятие. Здесь уже побывали работники прачечных, но для них фабричный корпус не подошел. Зато он приглянулся швейникам: они даже завезли кое-какое оборудование, а проектировщики уже стали подсчитывать, во сколько сотен тысяч или миллионов обойдется государству перестройка только что построенного пятиэтажного здания...

Надо полагать, исполком Моссовета разберется наконец в этой нелепице и примет меры к тому, чтобы в короткий срок пустить новую фабрику по ремонту обуви на полную мощность.

Здесь бастуют!

В. ПАРХИТЬКО

Пикет бастующих у входа в типографию. Фото автора.

Японские рабочие одержали большую победу.

Началось все 1 августа 1958 года. Вернее, это был первый день забастовки, а события, которые послужили ее причиной, развернулись несколько раньше.

Во время парламентских выборов профсоюз рабочих токийской типографии «Киодо» поддержал на митинге кандидатуру коммуниста Катаяма. И вот тогда президент типографской компании Иодзи Канеко принял «ответные меры». В один из летних дней он вызвал к себе руководителей профсоюза. Разговор был коротким.

— Вы уволены,— сказал президент.

Весть об увольнении двенадцати вожаков рабочих быстро разнеслась по типографии. Рабочие выдвинули требования: отменить незаконное увольнение; признать свободу действий профсоюза; решать все вопросы увольнения только после консультаций с профсоюзом.

Администрация компании и президент Канеко испугались. Они стали бить отбой и обещали рассмотреть требования рабочих. Но скорее вишня расцветет поздней осенью, чем предприниматель добровольно пойдет на уступки, говорят японские рабочие. Обещания остались обещаниями.

1 августа была объявлена забастовка. У здания типографии и переплетной стояли пикеты. Бастующие устраивали митинги, направляли представителей к президенту компании.

Так продолжалось до 4 сентября. В этот день компания объявила локаут — массовое увольнение. Все 350 рабочих, говорилось в распоряжении Канеко, с этого дня «будут любезны» не выходить на работу — приказ был составлен в традиционных для Японии вежливых выражениях.

Тогда рабочие заняли здание типографии и переплетной. Они вошли туда как хозяева, бережно укрыли станки, на которых проработали по многу лет, огородили их, а на свободном месте разложили матрацы, одеяла. В обоих зданиях круглые сутки дежурило по нескольку человек.

Для компании и ее президента создалось крайне щекотливое положение: в типографии печатаются многие американские журналы, выходящие в Японии. Хозяева за океаном уже стали проявлять беспокойство.

Представители Канеко приходили к бастующим и елейным голосом просили приняться за работу. Ответ рабочих был один: удовлетворите наши требования!

Самым тяжелым днем забастовки было 12 октября. В полдень, когда в помещении было немного бастующих, в дверь громко постучали.

— Кто там? — спросил Энзо Като, переплетчик, стоявший у двери.

— Полиция.

— Я не пущу вас.

— Ну что ж, ты пожалеешь об этом!

Раздался звон разбитого стекла. Но это была не полиция, а фашиствующие молодчики, нанятые компанией. Они через окна ворвались в помещение. В их руках были тяжелые палки и плоские японские мечи. Соотношение сил было слишком неравным: горстка рабочих против банды в две сотни хулиганов. Кто-то побежал за подмогой в рабочий квартал, но когда помощь подоспела, было уже поздно. Несколько рабочих, окровавленных и избитых, лежало без сознания на тротуаре у входа в типографию.

Только к вечеру к зданию типографии прибыла полиция. Начались аресты. Но полицейские арестовывали не хулиганов, а рабочих. На битком набитых грузовиках они увозили людей в тюрьму.

Забастовка в типографии «Киодо» всколыхнула всю страну. Начался сбор средств в помощь бастующим. За десять дней было собрано полмиллиона иен.

И тогда руководство профсоюза передало дело об избиении рабочих в суд. Громкий процесс, проходивший при открытых дверях, собрал тысячи людей. Даже буржуазная юстиция вынуждена была занять сторону рабочих: свидетели явились в зал суда на костылях или были принесены на носилках. После суда рабочие снова заняли здание типографии...

Я приехал к бастующим в самый разгар забастовки, когда охрана здания стала для рабочих будничным делом.

Стены зданий типографии и переплетной были оклеены сотнями маленьких листков — это друзья с других заводов выражали свою поддержку бастующим. У входа — костер. Над ним стоят двое — рабочий пикет. Они простоят до вечера, потом им на смену выйдет новая пара на ночное дежурство. На противоположной стороне улицы стоят тоже двое. Это полицейские.

Мы знакомимся с Кинити Сисидо, председателем профсоюза типографских рабочих «Киодо». Всю жизнь проработал он в этой типографии, знает в лицо каждого рабочего, и его все знают и уважают. В небольшой комнатке, которую можно было бы назвать проходной, сидят десятка два человек, греются у печки. На головах — повязки. Красные иероглифы на белом фоне провозглашают: «Мы не сдадимся». Повсюду: в проходной, в цехах — красные знамена.

— С ними легче бороться,— говорит Кинити Сисидо.

Цех глубокой печати... Вдоль стен — много матрацев, на них сидят бастующие. В одной из комнат, которая раньше была складом бумаги, устроена кухня.

— Судите сами,— говорит председатель союза,— квалифицированный типографский рабочий получает в месяц десять тысяч иен, в том числе три тысячи пятьсот — за сверхурочные. Он с семьей еле-еле сводит концы с концами: от двух до трех тысяч надо платить за плохонькую комнатушку. Приходится работать по двенадцать — четырнадцать часов, хотя официально существует восьмичасовой рабочий день. Конечно, после нескольких лет такой работы человек окончательно истощается, и его выбрасывают за ворота. Посмотрите вокруг: здесь почти нет людей старше сорока лет...

Энзо Като, тот самый, который стоял у двери, когда ворвались хулиганы, внес в комнату ящик.

— Да,— оживился председатель,— вот вам символ рабочей солидарности! Мы поставили этот ящик у входа. Ежедневно к концу дня мы собираем несколько тысяч иен в помощь бастующим только от прохожих. Мы спокойны,— добавил он,— мы уверены в победе. Правильно? — обратился он к рабочим.

— Конечно! — поддержали все.

Борьба продолжалась около полугода. Компания, чтобы расколоть единство рабочих, решила создать «свой» профсоюз. «Профсоюз штрейкбрехеров» назвали его рабочие. В него вступило около ста человек — люди, сломленные нищетой, бездомные, темные. Ни один из забастовщиков не пошел на провокацию хозяев.

Хозяйский «профсоюз» просуществовал недолго. Пять миллионов иен, которые затратила на него компания, оказались выброшенными на ветер. И тогда администрация начала отступать. Начавшиеся в конце января переговоры продолжались несколько недель. Наконец президент Иодзи Канеко согласился удовлетворить третье требование рабочих, за ним — второе. Но рабочие не приступали к работе, пока все двенадцать уволенных товарищей не будут признаны полноправными членами их коллектива. И Канеко сдался. Это была победа! В начале марта возобновилась работа.

Так закончилась упорная борьба сплоченной группы японских рабочих против сильной капиталистической компании.

Токио.

ОЧАГ МИЛИТАРИЗМА

Дм. ЛОБАНОВ

В ковчеге из «Мистерии-буфф» В. Маяковского семь пар чистых то и дело дубасят друг друга кулаками, хватают за грудки, подставляют ножки. Джон Буль готов перегрызть горло собрату французу. Немецкий милитарист размахивает палашом перед носом турка, набрасывается на дядю Сэма. Не остается в долгу и заокеанский гость. Но, измордовав себя в пылу драки между собой, чистые неизменно протягивают друг другу руки при каждом появлении семи пар нечистых: они демонстрируют «единство» и «сплоченность» перед общим врагом.

Нечто похожее происходит и внутри Североатлантического блока — в этом агрессивном ковчеге, спущенном на воду 4 апреля 1949 года на реке Потомак. Организаторы НАТО все время рекламируют «общность» идеалов, «единство» взглядов, «совпадение» интересов. Они боятся выносить сор из избы. Но шила в мешке не утаишь. Десять лет НАТО — это годы постоянных конфликтов, больших и малых стычек и взаимных передряг.

Неспокойно в НАТО. Поль-Анри Спаак вынужден признать, что «подлинной слабостью Атлантического союза во всех областях является недостаток единства».

Библейское предание гласит, что в легендарном ковчеге патриарх Ной спасался с семьей и животными от «всемирного потопа». От чего спасают новоявленные патриархи обитателей атлантического ковчега?

— От мирового коммунизма! — лжет Даллес.

— Хотим уберечь «свободный мир» от большевизма! — кричит престарелый Черчилль.

— Славянская опасность страшнее «всемирного потопа»! — в истерике бьется атомный канцлер Аденауэр.

Антикоммунизм, зоологическая ненависть к Советскому Союзу объединяют американских и английских пушечных королей, французских банкиров и португальских колонизаторов, турецких башибузуков и греческих реакционеров, западногерманских реваншистов и итальянских феодалов... Созданы тысячи различных обществ и ассоциаций для запугивания обывателей «советской опасностью» и рекламы «мирных» намерений НАТО.

Пропагандисты «холодной войны» тщатся доказать, что появление Североатлантического пакта вызвано якобы стремлением Советского Союза к мировому господству. Факты опровергают утверждения любителей валить с больной головы на здоровую. Правда сильнее лжи! Еще в то время, когда на полях сражений лилась солдатская кровь, черчилли и трумэны уже лихорадочно готовили создание западного блока, ударной силой которого должна была стать... немецко-фашистская армия.

Разве это чудовищное вероломство не разоблачает союзников, начавших возрождение германского милитаризма еще до того, как закончилась вторая мировая война?!

Десятилетняя история НАТО — это годы лихорадочной подготовки агрессии. Военные расходы НАТО уже перевалили за 500 миллиардов долларов. Вокруг Советского Союза создано кольцо военных баз и ракетных площадок. Военные склады забиты атомными и водородными бомбами. Продолжаются круглосуточные полеты атомных бомбардировщиков в направлении наших границ.

Агрессивный характер НАТО стал особенно ясным, когда организаторы включили в этот блок Западную Германию и взяли курс на оснащение бундесвера атомным и водородным оружием.

Публикуемые сегодня в «Огоньке» фотодокументы наглядно показывают, как Вашингтон, Лондон и Бонн превращают Западную Германию в военный плацдарм. Центр Европы становится пороховой бочкой, и любая случайная искра может вызвать пожар атомной войны.

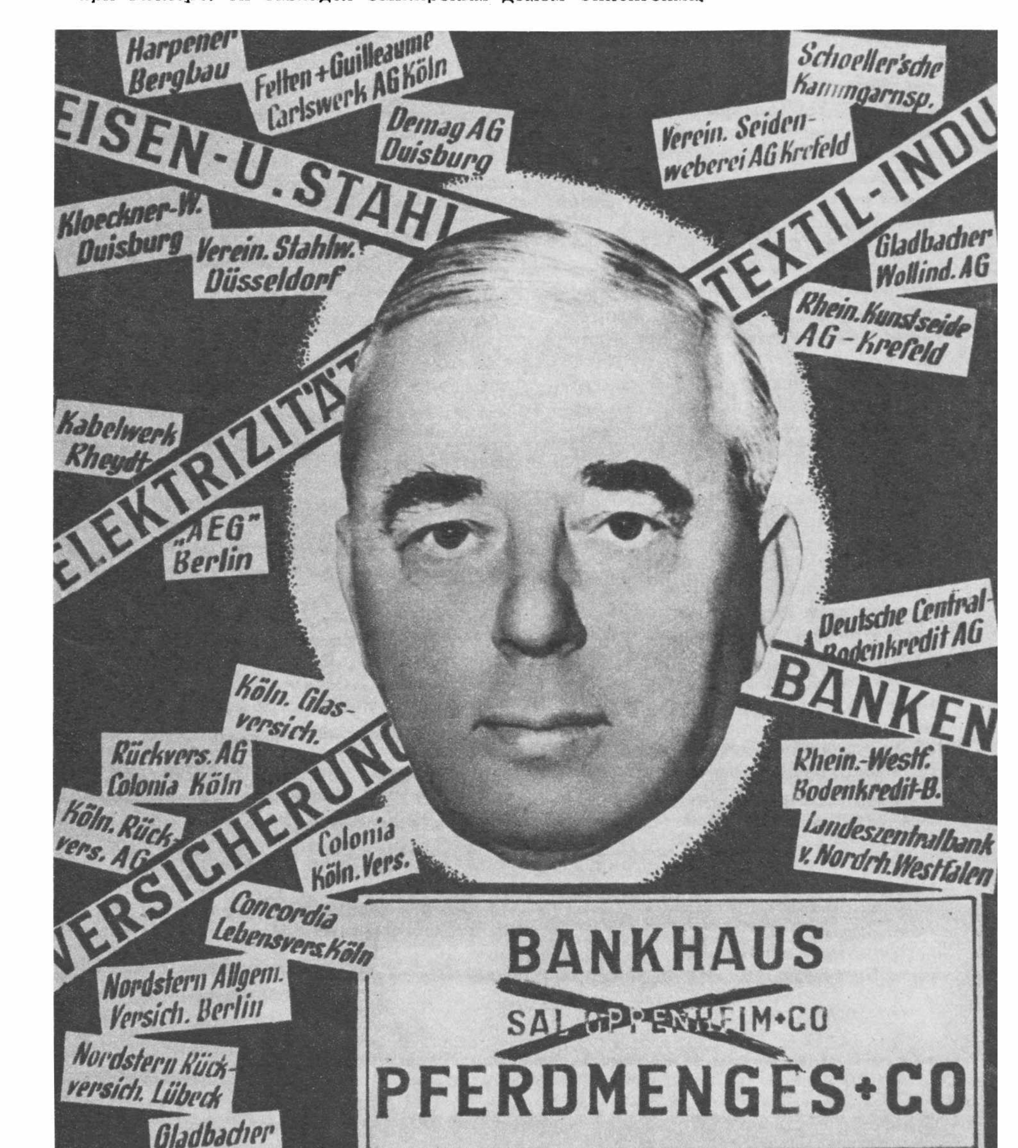
Тревога за судьбы мира охватывает все более широкие слои населения во всех уголках земного шара, в том числе и в странах — участницах НАТО. Народы требуют поддержать миролюбивые предложения СССР о прекращении опасной гонки вооружений, обуздании германского милитаризма и отказе от «холодной войны». Они настаивают на том, чтобы правительства встали на путь мирного сосуществования и широкого сотрудничества между всеми государствами.

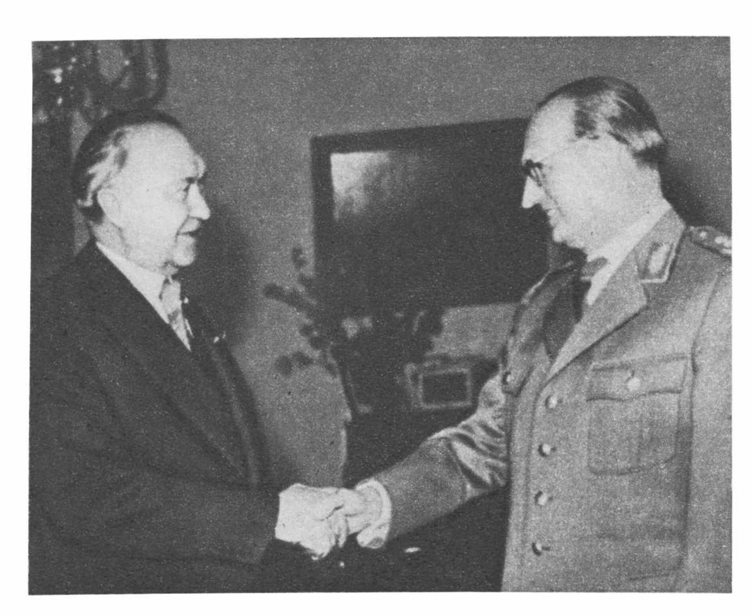
Этот снимок опубликован в органе американских миллиардеров «Юнайтед стэйтс ньюс энд уорлд рипорт». Он довольно выразителен. В нем, как в капле воды, отразилось существо взаимоотношений в НАТО. Даллес диктует, другие раболепствуют перед строгим хозяином.

Даллесу и его коллегам не пришлось ломать голову над тем, как превратить боннскую республику в бастион НАТО. Американские и западногерманские монополии вскормили гитлеровское чудовище. Почему бы не повторить этот трюк? И снова экономика и политика Бонна оказались в руках финансовых воротил, пушечных королей, стальных магнатов и гитлеровских генералов.

Банкир Пфердменгес — самый богатый человек в Западной Германии, член 24 наблюдательных советов различных монополий и банков, финансовый советник и интимный друг Аденауэра. На фотосхеме показаны компании, в которых он участвует. Внизу на табличке «Торговый дом» перечеркнуты слова «Сал Оппенгейм и К°». Они напоминают о грязной сделке «арийца» Пфердменгеса при Гитлере: он завладел банкирским домом Оппенгейма.

И ВОЙНЫ

Генерала Шпейделя Гитлер приблизил к себе как организатора массовых убийств, шпионажа и диверсий. Не мог обойтись без этого военного преступника и канцлер Аденауэр. Но громилы и убийцы нужны и НАТО. Аденауэр поздравляет своего любимца с назначением командующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

В свое время генерал Эйзенхауэр сказал: «Для того, чтобы воевать, нужны люди и оружие. Соединенные Штаты обеспечивают оружие, Европа—людей». Убедившись, что на западногерманских милитаристов можно положиться, правящие круги Америки стали наводнять ФРГ оружием.

Отлитые на крупповских заводах пушки «Большая Берта» обстреливали Париж в первую мировую войну. Гитлеровские пикировщики «юнкерс» бомбили французскую столицу во время второй мировой войны. Теперь американцы вручили бундесверу вот эти гигантские атомные пушки. Главари НАТО возрождают германский милитаризм и реваншизм для похода на Восток, «до Урала». Но атомные снаряды и ракеты с таким же успехом могут полететь на Париж и Лондон. Гитлер так начинал свою преступную карьеру. А чем лучше Аденауэр, Штраус, Шпейдель?

Фельдмаршала Кессельринга как военного преступника в Италии приговорили к смертной казни. Но его спасли американцы. Теперь он занимает высокое положение в Бонне и не забывает своих спасителей. Им нужны убийцы? Вот они: члены союза фронтовиков и «стального шлема» встречают своего «вождя» барабанным боем. В ФРГ действует свыше ста союзов бывших гитлеровских фронтовиков.

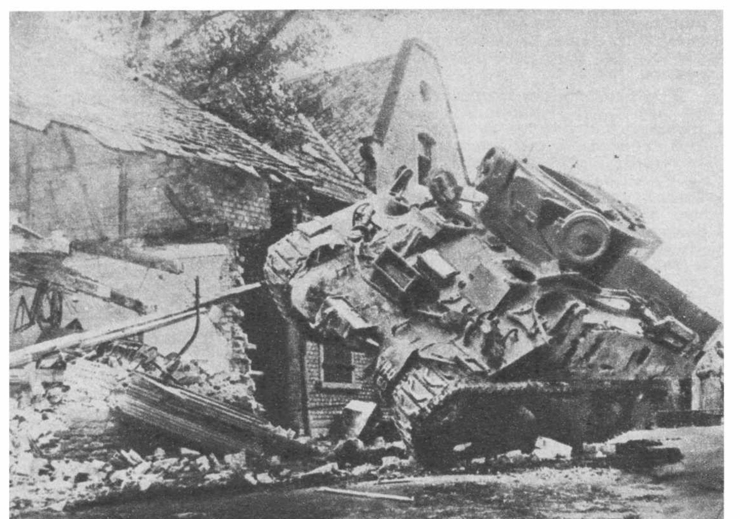

А вот и люди, о которых мечтают главари НАТО. Пушечное мясо готовится и дрессируется гитлеровскими генералами. К 1958 году бундесвер уже насчитывал под ружьем более двухсот тысяч солдат.

Американский генерал Грюнтер (слева) и бывший нацистский генерал Хойзингер (справа) обходят фронт одетой в военную форму молодежи, которую они муштруют для выполнения агрессивных планов. Характерная деталь: сзади маячит фигура французского генерала. Чем больше флиртует Париж с Бонном, тем дальше французов отшивают от руководства в НАТО...

Символическая сцена!

Американские танкисты ведут себя на землях старого германского запада, как где-то в африканской колонии. Бравый водитель танка испытывает сопротивляемость жилища одного из горожан Югенгейма.

Маневры НАТО. Американская ракета на немецкой земле. Она направлена на Восток. Но стартовая установка легко может быть повернута на 180 градусов, и смертоносные ракеты с атомным зарядом полетят на Запад. Об этой возможности, видимо, не всегда помнят в столицах западных держав.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС «ОВ-7024»

Фото Н. Шкулина.

Этот снимок сделан в депо станции Хабаровск II.

Мастер-коммунист Иван Михайлович Полушкин дружески прощается с комсомольцами Борисом Колядой и Владимиром Михасько, которым предстоит далекий путь в Москву вместе с паровозом «ОВ-7024».

— Домой, в столицу, машина идет. Вы, ребята, уж поставьте ее в музей в полной сохранности,— напутствовал Полушкин своих юных друзей.

Замечательная судьба у этого паровоза. 40 лет назад, в апреле 1919 года, на Первом Коммунистическом субботнике в депо Сортировочная, Московско-Казанской железной дороги, он был отремонтирован и сразу же по приказу Ленина повел эшелоны с добровольцами Красной Армии на Восточный фронт, против банд Колчака. После окончания гражданской войны «ОВ-7024» остался на железных дорогах Сибири, следы его затерялись.

Спустя почти четыре десятилетия историческую машину удалось обнаружить. Выяснилось, что «ОВ-7024» исправно несет трудовую вахту на железнодорожной ветке Оборского леспромхоза в Хабаровском крае.

Весть о драгоценной находке всколыхнула весь рабочий коллектив. Комсомольско-молодежная бригада во главе с машинистами Говорухой, Богатом и Суховеем, приняв исторический паровоз от одного из старейших, заслуженных машинистов, А. Ф. Бойко, решила образцово выполнять свои социалистические обязательства.

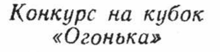
Но пришло время уходить на покой паровозу-труженику. В депо Хабаровск II, в подъемном цехе, коллектив которого борется за звание цеха коммунистического труда, были организованы субботники по ремонту «ОВ-7024».

И вот вычищенный, свежеокрашенный, словно помолодевший, паровоз-ветеран отправился в свой последний рейс.

После сорокалетнего отсутствия он вернулся в родное депо Москва-Сортировочная.

Честь сопровождать паровоз выпала бригадиру Борису Коляде и слесарю Владимиру Михасько, которые наиболее отличились во время ремонта, проводившегося под руководством мастера И. М. Полушкина.

И. СМИРНОВ, Н. ШКУЛИН

Конкурс на кубок «Огонька»

«Кто войдет в пятерку?»

На недавних легкоатлетических соревнованиях московских школьников снова прозвучало выражение «огоньковская пятерка». Употребляя его, юные спортсмены имели в виду пять школьных команд, которые окажутся в соревнованиях лучшими и тем самым завоюют право стать претендентами на переходящий кубок «Огонька».

Многие стремились попасть в эту пятерку, но, пожалуй, больше других команда 387-й школы — победительница нашего конкурса в прошлом году. Ведь у того, кому присудят кубок во второй раз подряд, он останется навсегда.

Приз «Огонька» находится в 387-й школе всего шесть месяцев, но и за этот небольшой срок «кубкодержатели» приобрели широкую популярность. Их опыту постановки физкультурных занятий и внеклассной спортивной работы посвящались передачи московского радио и телевидения. Побывали тут в полном составе участники всероссийского совещания инспекторов физкультуры отделов народного образования, зарубежные гости из Польши и Югославии.

Сейчас кубок «Огонька» находится в 387-й школе...

Но вот легкоатлеты 387-й школы вышли на старты новых соревнований. У них сразу же оказались очень серьезные соперники. В первую очередь это прошлогодние претенденты на кубок.

Состязания проводились по трем видам легкой атлетики. Приятно отметить, что почти все школьники бегали быстрее, прыгали выше, толкали ядро дальше, чем делали они это в прошлом году. Гораздо увереннее и успешнее выступали целые коллективы.

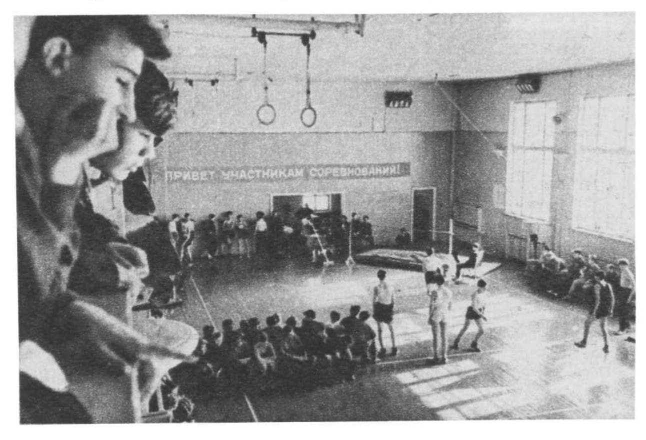
Кто же вошел в «огоньковскую пятерку»? Пока в ней оказались физкультурники 485-й, 387-й, 75-й, 155-й и 615-й школ. Но это только пока — до следующего тура соревнований, который состоится в конце мая по более широкой программе. Тогда окончательно определятся претенденты на кубок нашего журнала в 1959 году.

Напомним, что по условиям конкурса кубок присуждается не только за высокие спортивные показатели, но и за работу спортивных секций, сдачу норм комплекса «ГТО», самодеятельность. Об этом помнят в 387-й школе. Круг «внеплановых», проведенных по собственному почину, соревнований здесь непрерывно расширяется.

Во время минувших весенних каникул школа впервые провела соревнования по легкой атлетике для своих самых маленьких учеников — первоклассников и второклассников.

Соревнования семилетних и восьмилетних легкоатлетов прошли с успехом. Бег для первоклассников проводился на дистанции в... 10 метров. Победители награждались шоколадными медалями в золотых и серебряных обертках.

К зданию 12-й школы Ленинского района пристраивается сейчас спортивный зал. На стройке вместе с рабочими хорошо потрудились ученики старших классов. Они помогали рыть котлован, перенесли несколько тысяч штук кирпича, были подручными каменщиков. Зал будет полностью закончен к началу учебного года. Прекрасный почин! Кстати сказать, эта школа может на следующих соревнованиях попасть в «огоньковскую пятерку», так как сейчас она занимает уже шестое место.

Соревнования в прыжках на кубок «Огонька».

ОТ КРАЯ

Супруги—мастера воздушного спорта

Спортивный самолет новой конструкции плавно набирает высоту. Его пилотирует известная воздушная спортсменка Маргарита Раценская. На этой опытной машине она поднимается в воздух впервые, и поэтому место инструктора в кабине занимает летчик-испытатель Сергей Анохин.

— Надо энергичней работать элеронами,—говорит испытатель.

Раценская повторяет упражнение.

— Вот теперь хорошо... Еще разок... Так... Заходи на посадку!

Самолет возвращается к аэродрому. Раценская выпускает шасси, но на приборной доске загорается только одна сигнальная лампочка: левая «нога» не выходит.

Анохин сам берется за штурвал. Самолет круто пикирует к земле, потом свечой взмывает вверх. Бочки, иммельманы, петли... От огромных перегрузок даже у привычной к полетам спортсменки кружится голова. Но вторая сигнальная лампочка так и не загорается.

— Придется производить посадку на одно колесо,— говорит Анохин.

Анохин точно рассчитал посадку. Самолет мягко касается земли одним колесом и катится на нем, кренясь на правое крыло.

...Сергей Анохин и Маргарита Раценская — супруги. Более двадцати лет назад встретились они в Коктебеле. Оба увлекались планеризмом.

Потом спортсмен-планерист Анохин стал летать на самолетах, осваивая все новые и новые типы машин. За мужество и отвагу, проявленную при испытаниях, Сергею Николаевичу присвоили звание Героя Советского Союза. Одним из первых в нашей стране он стал заслуженным летчиком-испытателем.

Маргарита Карловна Раценская, установившая в полетах на планерах несколько рекордов для женщин, от-

М. К. Раценская и С. Н. Анохин.

Фото Б. Антонова.

лично пилотирует также спортивные самолеты. На воздушных парадах в Тушине она не раз водила женскую пятерку в составе известных летчиц Анны Бодрягиной, Марии Дриго, Анны Шмельковой и Зои Постниковой.

Маргарита Карловна и Сергей Николаевич до сих пор занимаются планеризмом. За достижения в развитии авиации и авиационного спорта Международная авиационная федерация (ФАИ) наградила недавно М. К. Раценскую дипломом Тиссандье. Такой диплом еще раньше был вручен и Сергею Анохину.

А. ГОЛИКОВ

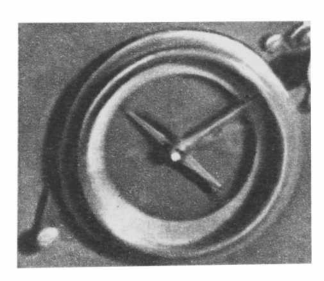
Реликвии первооткрывателя

Недавно горняки Магаданской области дружески проводили ушедшего на пенсию Сергея Дмитриевича Раковского — одного из первооткрывателей золота на Колыме.

Летом 1928 года он прибыл в Олу на Охотском побережье в составе геологической экспедиции Ю. А. Билибина. Дальше, к верховьям Колымы, отважные геологи добирались пешком, на вьючных конях и оленях, на плотах по быстрым горным рекам.

В последующие три десятка лет С. Д. Раковский активно участвовал в создании современной золотодобывающей промышленности на дальнем северо-востоке нашей страны. На его глазах в глухой тайге и в горах выросли прииски, рудники, современные города.

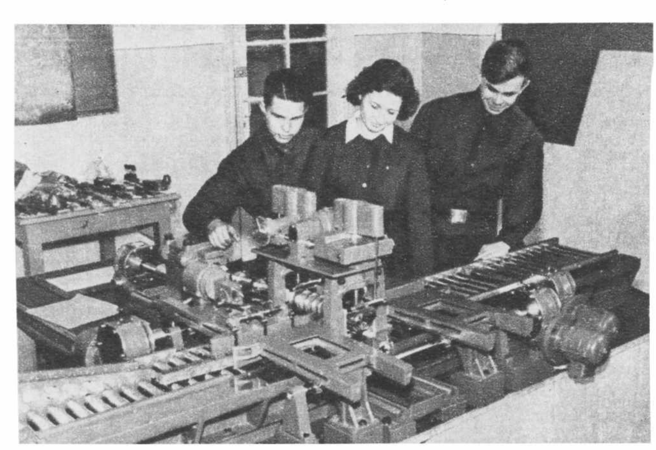
Уезжая из Магадана, Сергей Дмитриевич передал областному краеведческому музею памятные вещи, которыми он пользовался в первой своей экспедиции на Колыму: коробку спичек, запаянную в жестяной футляр, и горный компас, на обратной стороне которого выгравировано: «С. Р. (Сергей Раковский) Ола 12.VII. 1928 г.»

Горный компас, подаренный магаданскому краеведческому музею.

В. ЮХИМЕНКО,
научный сотрудник краеведческого музея.

ДО КРАЯ

Участники кружка юных техников в ремесленном училище № 1 осматривают модель перед упаковкой для отправки в Нью-Йорк.

Фото автора.

Сталинград — Брюссель — Москва — Нью-Йорк

На днях из Сталинграда в Нью-Йорк для демонстрации на выставке достижений Советского Союза отправлена действующая модель прокатного стана — блюминг, изготовленная в кружке юных техников ремесленного училища № 1. В паспорте этого экспоната сказано:

«Модель представляет собой уменьшенную копию обжимного прокатного стана, предназначенного для проката слитков весом от 3 до 6,5 тонны легированных и нержавеющих сталей. На модели можно производить все действия настоящего стана...»

Поездка в Нью-Йорк не первое путешествие модели блюминга. В прошлом году она демонстрировалась на Всемирной выставке в Брюсселе, где удостоена почетного диплома, и затем на Всесоюзной промышленной выставке в Москве. На Нью-Йоркскую выставку модель отправлена по заказу объединения «Станкоимпорт».

А. ИГОЛЬНИКОВ

Память о художнике

Память о выдающемся русском художнике Б. М. Кустодиеве хранят его земляки, колхозники костромского села Семеновское.

Вблизи этого села расположена загородная усадьба «Терем», которая принадлежала Кустодиеву.

В последние годы жизни художник ни разу не приезжал сюда: здоровье не позволяло. Но крестьяне тщательно оберегали все, что было связано с их знаменитым земляком.

В семье местного жителя Павла Коробова осталась замечательная работа Кустодиева — портрет старика, выполненный в дереве.

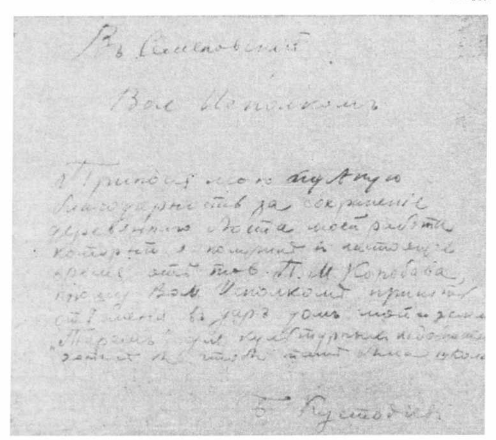
Павел решил разыскать художника, вернуть ему скульптуру. И вот в июле 1924 года волостной исполком дал Коробову командировку в Ленинград.

Перед нами сохранившееся у П. М. Коробова письмо Кустодиева в Семеновский волостной исполком.

«Приношу мою глубокую благодарность за сохранение деревянного бюста моей работы, который я получил в настоящее время от тов. П. М. Коробова, прошу Вол. Исполком принять от меня в дар дом мой и землю «Терем» для культурных надобностей, хотел бы, чтоб там была школа».

Желание художника было выполнено: в «Тереме» открыли школу, которая существует и в наши дни.

М. МЕЗЕНИН

Въ Семеновскiй

Вол Исполкомъ

Б. Кустодiевъ

Письмо Б. М. Кустодиева в Семеновский волостной исполком.

НИЛ НА БЕРЕГАХ МОСКВЫ-РЕКИ

Легко перешагнув плотину Воткинской гидростанции на Каме, мы вышли к... левому берегу Нила, туда, где обрывается Ливийская пустыня. Напротив можно было без труда различить очертания другой великой пустыни — Аравийской.

Это необычайное путешествие совершается в Тушине, под Москвой, в гидравлической лаборатории Гидропроекта. Пространственная модель в одну сотую натуральной величины в точности повторяет очертания русла великой африканской реки в каменистой засушливой местности. В одиннадцати километрах от города Асуана — центра провинции — будет воздвигнута высотная плотина. Правительство Объединенной Арабской Республики строит ее с бескорыстной помощью Советского Союза.

Издревле славится плодородием край, узкой полосой примыкающий к великой африканской реке,— один из самых благодатных и густонаселенных на земном шаре. В «Сказках 1001 ночи» о нем сказано с покоряющей сердце восточной поэтичностью: «Кто не видел Каира — не видел мира. Его земля — золото, и его Нил — диво». Египтяне справедливо говорят, что нет в их стране плохих, бесплодных земель, есть только безводные, занесенные песками. Высотная Асуанская плотина создаст гигантское водохранилище, которое принесет с собою жизнь, цветение, изобилие, преобразит огромные территории.

Площадь хлопковых и рисовых плантаций, фруктовых садов в стране увеличится на два миллиона федданов, или 840 тысяч гектаров. Подготовку к строительству этого крупного сооружения, по размаху работ примерно равного Братскому гидроузлу, египетская печать расценивает как «реализацию большой мечты народа».

Но вернемся к модели, внимательно осмотрим ее.

Нильский ил, живительные свойства которого были известны еще до нашей эры, придает реке коричневатую окраску. Почему же так светлы, прозрачны воды, текущие здесь в бетонных берегах? Ведь надо брать в расчет ее примеси?

— Разумеется, их поведение будет изучено,— говорит, поясняя, доктор технических наук С. А. Егоров.— Сейчас мы определяем скорости течения реки во время будущего строительства плотины. Если появляются водовороты, значит, там неизбежно возникнут «мешки», скопления ила. Их можно и не воспроизводить в натуре. А вот в другом случае без этого не обойтись. Взгляните сюда...

От пола до потолка лаборатории протянулась восьмиметровая труба с прорезями, закрытыми прозрачной пластмассой. В эти «окна» видны камни и обволакивающая их, слежавшаяся желтоватая масса. Физические явления, которые происходят в трубе, будут изучены, чтобы судить о плотности и водонепроницаемости тела будущей плотины. Научные сотрудники работают над темой «Замыв каменной наброски на строительстве первой очереди Асуанской плотины».

На этой модели Асуанской плотины, которая в сто раз меньше натуры, проводятся опыты большого практического значения. Техник гидравлической лаборатории Гидропроекта Р. Трунова насыпает каменный банкет.

Фото С. Петрова.

Ведь плотина эта будет не бетонной, а каменно-набросной; намывной песок не даст воде просачиваться. Но как именно будет откладываться песок в теле плотины, не возникнут ли там опасные каверны?

На многие вопросы ищут ответа исследователи, работающие в Тушине.

В беседе с нами заместитель начальника Гидропроекта Н. А. Малышев рассказывал:

— Жара в Асуане страшная. Летом в тени температура воздуха доходит до 50—51 градуса, а на солнцепеке — до 70—75. Утром и росинки не увидишь. За год выпадают один — два дождика, похожие на теплый душ. Надо искусственно увлажнять, орошать почву. Для этого и задумано осуществить «план Садд-эль-Али», как называют в ОАР строительство близ Асуана. Предстоит возвести плотину высотой до 111 метров, шириной у основания 1 250 метров. Она образует водохранилище на 130 миллиардов кубометров. В скалах будет сооружена подземная гидроэлектростанция мощностью свыше двух миллионов киловатт.

На все это уйдет примерно десять лет. А за четыре ближайших года строительства первой очереди гребень Асуанской плотины в русле реки поднимется на 50 метров.

Ан. ВЕТРОВ, С. ВИНОГРАДОВ

Самолет разрушает ледяные заторы

Самолет низко летит над Северной Двиной. Река еще скована льдом, но под лучами весеннего солнца на крутых берегах уже появились первые проталины. В излучине, на льду, алеют сигнальные флажки. Поравнявшись с ними, летчик включает распылитель, и на лед ложится темная полоса.

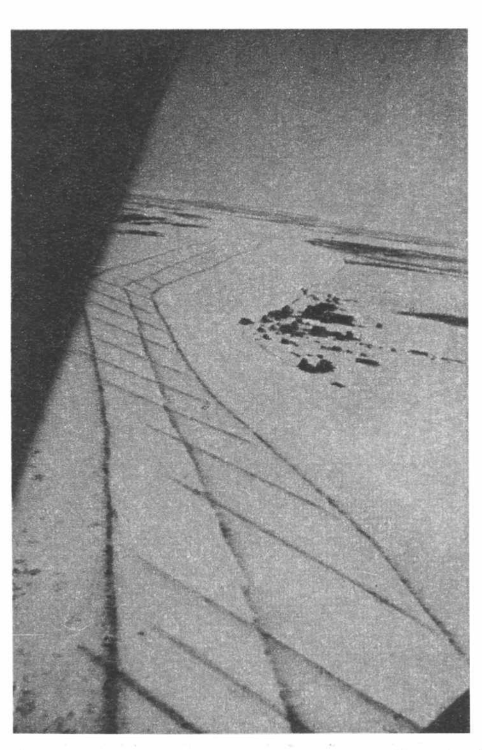
Так для борьбы с ледяными заторами на реках применяется новый метод, рекомендованный инженером Н. С. Антрушиным.

— На больших реках, особенно текущих на север,— рассказывает он,— из-за разных климатических условий в верховьях и низовьях таяние льда происходит не одновременно. Нередко в излучинах льдины, набиваясь до самого дна, образуют прочную плотину. Начинается наводнение.

Гораздо проще и дешевле предупреждать образование заторов. Для этого мы предварительно зачерняем лед: черный цвет сильнее воспринимает солнечное тепло, зачерненный лед тает быстрее.

В устье Северной Двины за 30—40 дней до ожидаемого паводка мы зачернили часть льда формовочной землей — отходом литейного производства. Крупинки земли, нагреваясь солнцем, протаивали лед, образуя как бы трубочки, которые заполнялись водой. Вечером вода замерзала, увеличивалась в объеме и разрывала окружающий лед. В результате река вскрылась на 10—12 дней раньше обычных сроков.

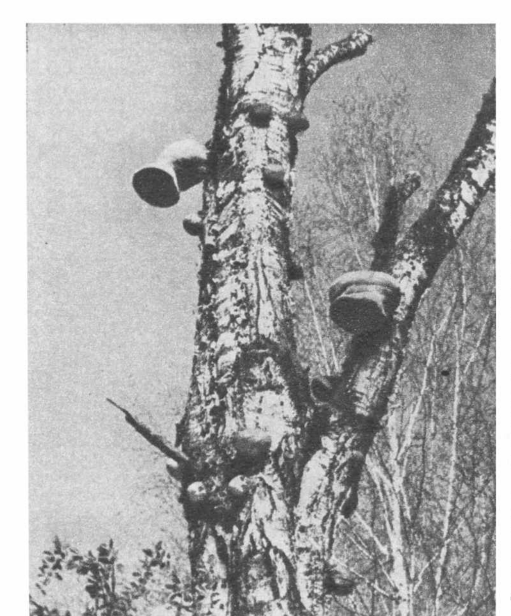
Н. АЛЕКСЕЕВ

Полосы зачерненного льда на Северной Двине.

Фото Н. Антрушина (снято с самолета).

НАХЛЕБНИКИ БЕРЕЗЫ

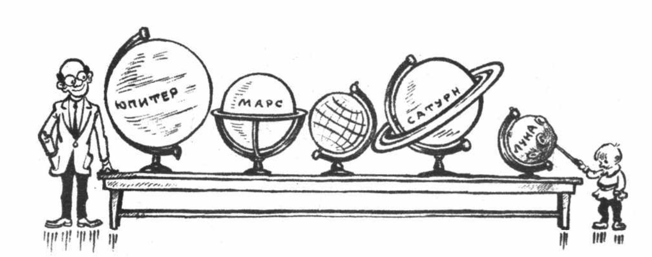
Приходилось ли вам видеть такие же причудливые грибы на деревьях? Это трутовики. Они прижились на старой, засохшей березе, которую я нашел на берегу живописного лесного озера Бугровское, неподалеку от станции Займище, Казанской железной дороги.

Л. ТУЗОВ

Казань.

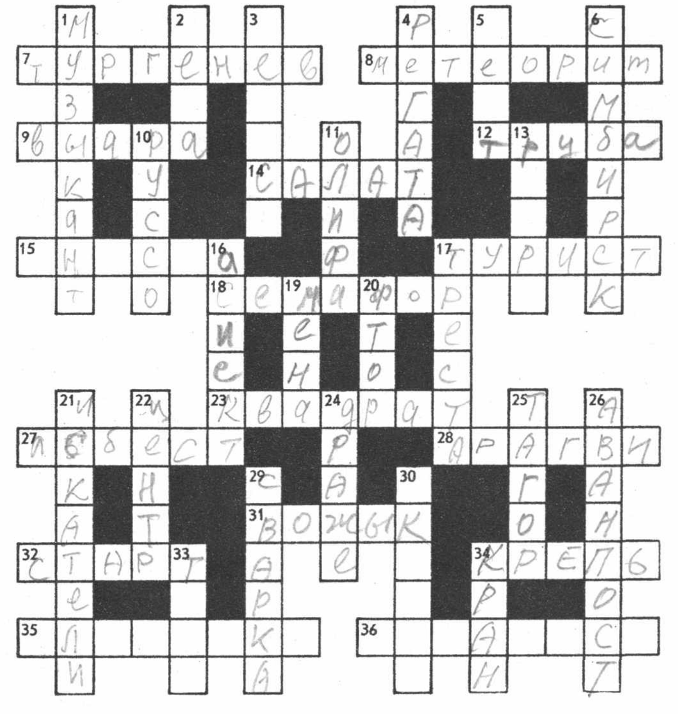
— Наиболее опасные для березы грибы — ложный трутовик и настоящий трутовик,— сказал нашему корреспонденту заведующий отделом защиты леса Всесоюзного научно-исследовательского института лесоводства и механизации лесного хозяйства кандидат сельскохозяйственных наук И. В. Тропин.— Поселяется ложный трутовик на осине, березе, дубе, маньчжурском орехе и других лиственных породах. Иногда он достигает пятидесяти лет. Заражение деревьев этим грибом происходит через обломанные и отмершие сучья, поврежденную кору. Черные шероховатые наросты ложного трутовика, встречаемые на березе, известны под названием чаги. Она используется в народной медицине.

Настоящий трутовик в отличие от ложного чаще поселяется на сухостойных деревьях и пнях лиственных пород. Береза заражается этим грибом в тех местах, где сломались ветви и повредилась вершина дерева. Разрушение древесины происходит быстро, и но времени образования гриба деревья оказываются уже настолько разрушенными, что ломаются при легком ветре.

Урок географии в 19.. году.
Изошутка Г. Оганова (Баку)

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский писатель. 8. Тело, падающее из межпланетного пространства. 9. Животное с ценным мехом. 12. Духовой инструмент. 14. Овощное растение. 15. Пояснительный текст. 17. Путешественник. 18. Способ сигнализации на флоте. 23. Геометрическая фигура. 27. Огнеупорный материал. 28. Приток Куры. 31. Республиканский сатирический журнал. 32. Начало соревнования. 34. Конструкция, применяемая при горных работах. 35. Ваяние. 36. Специальность филолога.

По вертикали:

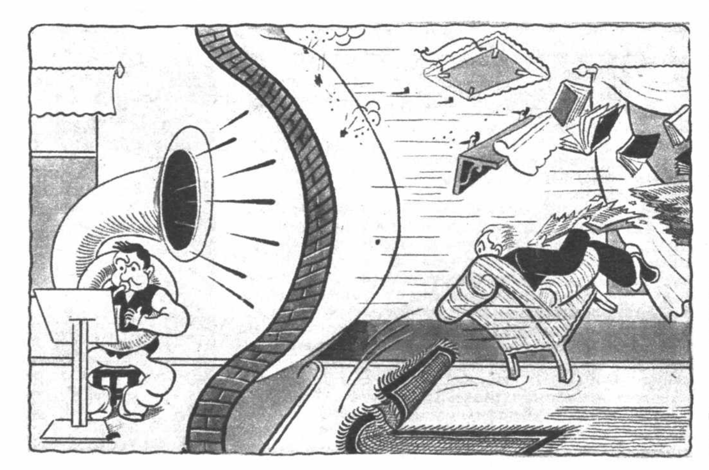
1. Оркестрант. 2. Созвездие, которое лучше всего наблюдается весной. 3. Оптическое стекло. 4. Соревнования на судах. 5. Движение рукой. 6. Старое название Ульяновска. 10. Русский архитектор. 11. Масло, применяемое для приготовления лаков и красок. 13. Линия пересечения двух плоскостей. 16. Точка зрения. 17. Льняная и конопляная солома. 19. Замена одного другим. 20. Химический элемент. 21. Роман Д. Гранина. 22. Точка, по которой ведется пристрелка. 24. Сорт конфет. 25. Индийский писатель и общественный деятель. 26. Передовой пост. 29. Процесс соединения металлов. 30. Персонаж пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». 33. Надпись в кинофильме. 34. Машина для подъема и перемещения грузов.

— Отвяжись, говорю, мучитель!
Рисунок М. Кузнецова

КАРТИНКА 2000 ГОДА
— У нас самые последние моды.
Изошутка В. Кащенко.

Сосед берет первую ноту...
Рисунок А. Зубова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

3. Гольф. 7. Майерова. 8. Лигатура. 9. Лаура. 11. Омар. 14. Новь. 15. Жемчужников. 18. Педиатрия. 19. «Огородник». 20. Слойка. 21. Аншлаг. 24. Магницкий. 26. Сабадилла. 29. Микробиолог. 30. Такт. 32. Плащ. 33. Нарын. 34. «Пионерия». 35. Амундсен. 36. Никея.

По вертикали:

1. Займище. 2. Леер. 3. Галечник. 4. Фламинго. 5. Стен. 6. Кривичи. 10. Унжа. 12. Чертокуцкий. 13. Добронравов. 16. Ливорно. 17. Идиллия. 22. Тигранян. 23. Народная. 25. Аэрарий. 27. «Лазарев». 28. Убор. 31. Тунг. 32. Падь.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление О. Камкина.**

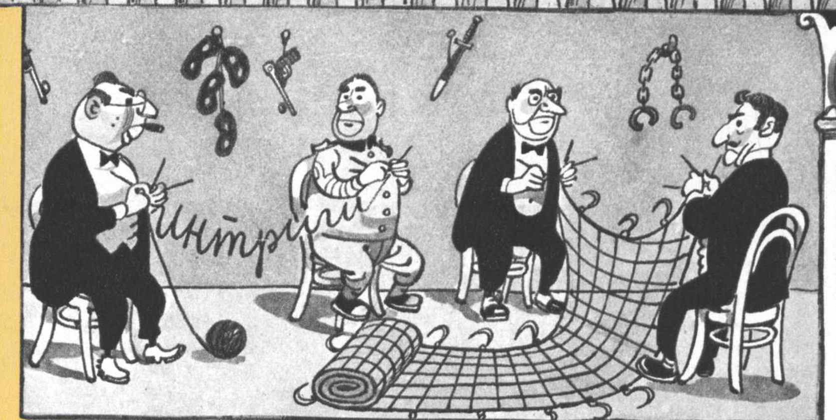
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63, Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00198. Подписано к печати 1/IV 1959 г. Формат бум. 70×108¼. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 603. Заказ 690.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

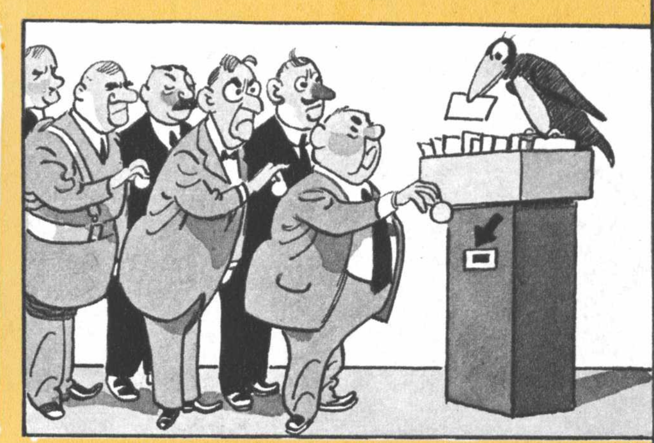
Радиостудия. Цикл информационных докладов о Советском Союзе.

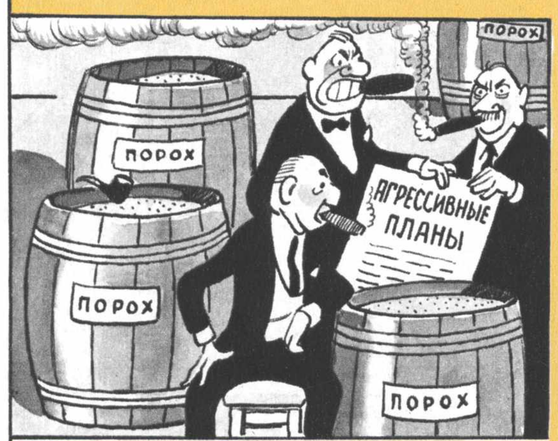
Кружок рукоделия. Плетение интриг. Вязание сетей для ловли малых стран.

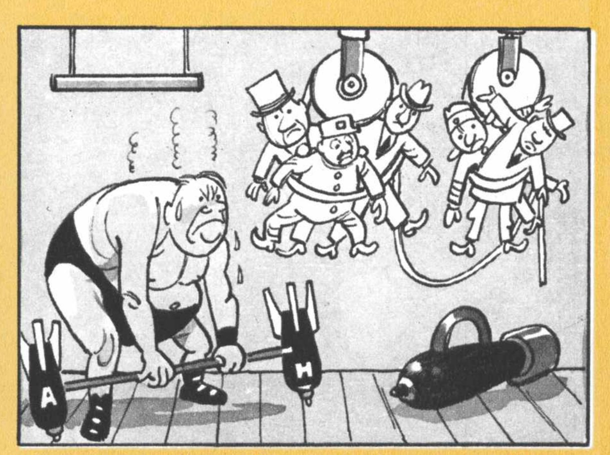
Картежники.

Комната для представителей прессы.

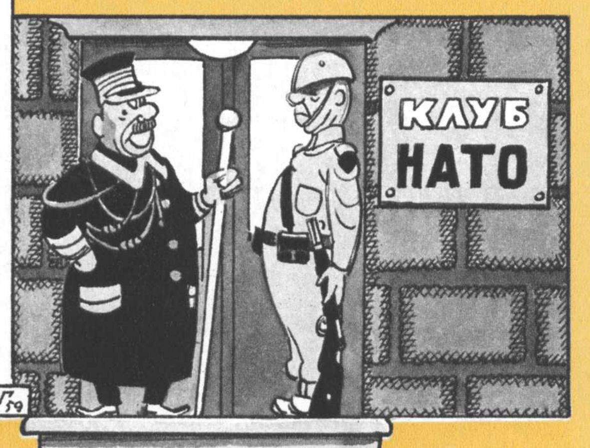
Курительная.

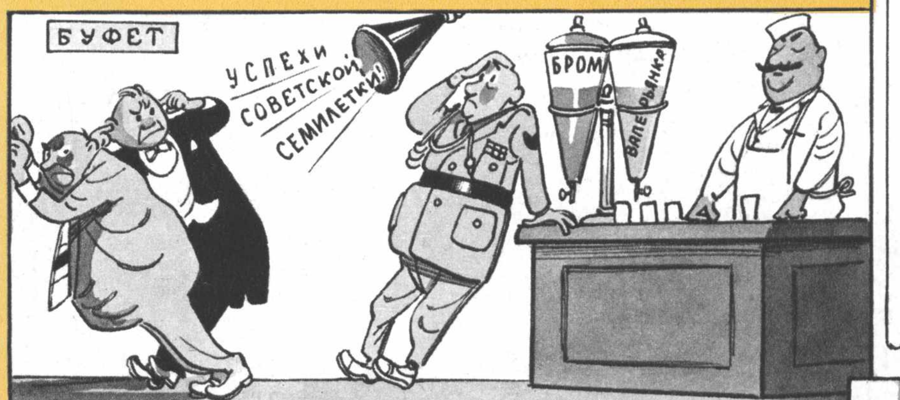

Физкультурный зал. Головоломные трюки с блоками и упражнения «с позиции силы».

Уголок для урегулирования недоразумений и разногласий.

ИЗОРЕПОРТАЖ ИЗ КЛУБА НАТО

Репортаж ведет Ю. ГАНФ.

Цена номера 3 руб.